С. М. Устиновъ.

Записки начальника контръ-развѣдки.

С. М. УСТИНОВЪ

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА КОНТРЪ-РАЗВѢДКИ

БѢЛГРАДЪ
ВСЕСЛАВЯНСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. И. СТЕФАНОВИЧЪ И Ко.
1922

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Солнце величественно закатилось за море. Угасъ его послѣдній лучъ. Грянулъ пушечный выстрѣлъ. Тихое море вмѣстѣ съ потухающимъ небомъ быстро заволакивается надвигающейся тьмой. Въ бухтѣ все тихо и какъ-будто дремлетъ затаившаяся въ ней черноморская эскадра. Тѣни сгущаются и постепенно тьма охватываетъ весь Севастополь. Всѣ огни закрываются темными абажурами. Завѣшаны окна, потушены фонари и даже закуриваютъ съ опаской — закрывая свѣтъ руками... Гдѣ-то далеко, въ морѣ, ходитъ „Гебенъ" и, какъ недремлющій врагъ, стережетъ жертву.

Я сижу на камнѣ у самаго моря. Передо мною все та же чарующая своими красотами вѣчная природа даритъ меня однимъ изъ лучшихъ видовъ безграничнаго моря. Какъ чудный аккомпаниментъ, до меня доносится съ Приморскаго бульвара военная музыка. Кругомъ все такъ тихо и хорошо. Но во мнѣ нѣтъ уже прежнихъ восторженныхъ чувствъ, былого вдохновенія... Вся прелесть природы, вся плѣняющая красота моря, вся нѣга чарующей музыки уже не восхищали меня, не будили сладостныхъ воспоминаній, — не рождали волшебныхъ грезъ и мечтаній, не давали ни былого счастья, ни даже тихаго покоя... Все ушло куда-то въ далекое прош-

лое, заволоклось ужасомъ міровой войны. Уже болѣе года длится небывалая по силѣ разрушенія и ужаса война. Вся Европа всколыхнулась отъ ударовъ грозы и вся прежняя жизнь мирнаго труда, покойныхъ переживаній, интересовъ и забавъ — смѣнилась кровавыми событіями всемірнаго разрушенія.

Кругомъ такъ тихо, такъ хорошо! Но подъ завѣсой тьмы спѣшно готовится къ выходу въ море Черноморская эскадра. Черный дымъ клубится изъ трубъ броненосцевъ и стелется по морю. На всѣхъ судахъ кипитъ жизнь, идетъ усиленная работа. Тамъ, въ ночной тиши собрались борцы за родину, за славнаго царя, за великую державу. Они готовятся къ бою и смѣло идутъ въ невѣдомое море, гдѣ каждую минуту ихъ стережетъ ужасная смерть. Вѣрные сыны своей родины! Вы поняли свой долгъ, вы нашли въ себѣ силы забыть себя во славу великой Россіи. Какая въ васъ сила, какой духъ. Вы творите великое дѣло, вы всѣ великіе герои!

Какъ рвется моя душа за вами, туда же, въ Черное море, какъ хочется быть вмѣстѣ съ вами, великіе избранники земли русской. Какъ можетъ гордиться каждый изъ васъ — вѣдь вся Россія вѣритъ въ васъ, возлагаетъ на васъ, своихъ защитниковъ, всѣ свои надежды, всѣ свои мечты и даетъ всю свою любовь. Господь съ вами, мои милые братья. Да хранитъ васъ Богъ тамъ, въ далекомъ морѣ, въ славномъ бою и да поможетъ вамъ сохранить жизнь или найти смерть, достойную славнаго героя!

Такъ думалъ я, съ грустью и тоской провожая величественно уходящую въ море эскадру. Мнѣ было стыдно прятаться въ безопасности и оставаться безучастнымъ зрителемъ чужихъ подвиговъ.

Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ, я хочу быть съ вами, я также хочу исполнить свой долгъ и честно раздѣлить съ вами вашу судьбу! Я также могу отдать

свою жизнь за царя и Отечество. Я тоже русскій, я тоже гордъ!

О, святыя чувства! Благіе порывы!

Я пошелъ на Историческій бульваръ и долго бродилъ среди безмолвныхъ памятниковъ великой эпохи. Предо мною тянулись разрушенные бастіоны, остатки прежнихъ бойницъ. Здѣсь тысячи русскихъ сыновъ, защищая отечество, нашли славную смерть. Мнѣ казалось, что я вижу этихъ героевъ, вижу ихъ подвиги, такъ возвеличившіе Россію! Они умѣли умирать и знали, за что умирали!

Меня потянуло къ памятнику Нахимова. Мнѣ хотѣлось еще разъ посмотрѣть на этого героя, воплотившаго въ себѣ неустрашимость и безграничную любовь и преданность родинѣ. Я долго съ восторгомъ смотрѣлъ на гордую его статую, которая, казалось, затаила въ себѣ духъ безсмертнаго героя. Великій герой!

И опять неудержимо потянуло меня туда, куда шли тысячи русскихъ, туда, куда звалъ меня мой долгъ, пойти съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою родину, исполнить то, что надлежало всякому гражданину великой державы-Россіи!

И только иногда, вдругъ, какъ порывъ вѣтра, словно нечаянно сорвавшійся съ ближайшей скалы, на меня налетало минутное сомнѣніе: какъ, оставить все, все, чѣмъ жилъ до сихъ поръ? Пренебречь своимъ покоемъ, комфортомъ, удовольствіями, обезличить себя, отдать свою волю, независимость и стать безмолвной пѣшкой, атомомъ великаго и необъятнаго, одной единицей милліонной арміи. Побороть свою гордость и съ христіанскимъ смиреніемъ переносить обиды, несправедливость и даже оскорбленія. Смогу ли я вынести крестъ такихъ тяжелыхъ испытаній. Не возмутится ли мой духъ и не замучатъ ли раскаянія. Не погублю ли я напрасно свою жизнь? Нѣтъ, лю-

бовь къ родинѣ, вѣра въ Россію, сознаніе долга и готовность къ самопожертвованію побѣждаютъ животное чувство страха и себялюбія. Высокія чуства разсѣиваютъ сомнѣнія. Духъ торжествуетъ надъ низкими инстинктами животнаго эгоизма и окончательно укрѣпляетъ созрѣвшее рѣшеніе. Кончено. Я иду на фронтъ.

Тихо, но явственно пробили въ тиши склянки.

На минуту все словно замерло въ торжественной тишинѣ и вдругъ тысячи голосовъ запѣли вечернюю молитву. Пѣли далеко, на томъ берегу бухты, во флотскомъ экипажѣ, но слышно было каждое слово Молитвы Господней.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! Да святится имя Твое . . . да будетъ воля Твоя! . . .

Я поднялъ взоръ къ небу и съ глубокимъ чувствомъ вѣры повторилъ слова молитвы: „Да будетъ воля Твоя! Да будетъ воля Твоя!“ И вдругъ слезы какого-то новаго, неизвѣданнаго блаженства хлынули изъ глазъ и такъ хорошо, такъ легко стало на душѣ. Да будетъ воля Твоя!

Рано утромъ, послѣ почти безсонной ночи, но бодрый и веселый, я былъ уже у воинскаго начальника. Весьма милый и обходительный полковникъ любезно принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и, видимо, былъ очень удивленъ, узнавъ о цѣли моего посѣщенія. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что я, нотаріусъ, человѣкъ съ независимымъ положеніемъ и освобожденный отъ воинской повинности, серьезно хочу идти добровольцемъ въ качествѣ простого солдата. Онъ старался разубѣдить меня въ моемъ недостаточно, по его мнѣнію, продуманномъ рѣшеніи, предупреждая меня о всей трудности военной службы и безвозвратности разъ принятаго рѣшенія. Я заявилъ ему, что я все знаю, все обдумалъ, но что иначе поступить не могу.

Полковникъ очень долго распрашивалъ меня о

моей жизни, какъ бы желая ближе познакомиться со мной и понять причины, заставившія меня принять такое рѣшеніе. Ему все казалось невозможнымъ объяснить его просто однимъ моимъ желаніемъ. Онъ съ грустью проводилъ меня до выхода, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку, и въ его глазахъ я прочелъ столько расположенія, что я еще болѣе убѣдился въ правотѣ своего рѣшенія. Его сочувствіе тронуло меня, но не смутило.

Цѣлый день я чувствовалъ себя удивительно бодро, но странно . . . я боялся признаться даже своимъ друзьямъ въ томъ, что я завтра буду простымъ солдатомъ . . .

Вечеръ я провелъ въ гостяхъ шумно и весело, но мнѣ казалось, что я присутствую на собственныхъ похоронахъ. Что подумаютъ всѣ, когда узнаютъ, что я простой солдатъ. Не положитъ ли это между нами непреодолимыя преграды. Будутъ ли меня также принимать, не отшатнется ли отъ меня общество, узнаютъ ли меня эти господа въ солдатской шинели. Какія разочарованія меня ждутъ? Какъ откроются мои глаза на всю фальшь человѣческихъ отношеній. Я многое уже понималъ и предвидѣлъ.

На другой день въ 6 ч. утра я долженъ былъ быть у воинскаго начальника, чтобы получить предписаніе и литеръ на проѣздъ въ Симферополь въ пѣхотный запасной полкъ. Я одѣлся какъ можно проще, въ высокіе сапоги, въ рубашку съ кушакомъ и старое пальто, чтобы, по возможности, не выдѣляться изъ толпы, въ которую я вливался. Я ограничился самымъ незначительнымъ багажемъ, рѣшивъ отказаться отъ многихъ своихъ буржуазныхъ привычекъ, чтобы скорѣе привыкнуть къ условіямъ новой жизни и къ ея лишеніямъ.

Въ темной задней комнатѣ воинскаго начальника, кромѣ меня, собралось еще пять человѣкъ, также

отправляемыхъ въ запасный полкъ. Мы всѣ ждали молча уже болѣе часа, даже не думая спросить, долго ли намъ еще ждать. Да и смѣли ли мы спрашивать, волноваться, просить. Не все ли равно? За насъ должны были думать и безпокоиться другіе. Послѣ полной свободы, которой я всегда пользовался, и связанной съ ней отвѣтственностью, было какъ-то даже спокойнѣе на душѣ отъ сознанія, что съ лишеніемъ свободной воли съ меня спала и часть отвѣтственности и что вся моя жизнь уже болѣе не зависѣла отъ меня, а будетъ идти по опредѣленной колеѣ, изъ которой трудно вывихнуться.

Наконецъ, вышелъ писарь и сдѣлалъ перекличку. Всѣ оказались на лицо. Писарь забралъ ворохъ приготовленныхъ документовъ и понесъ ихъ воинскому начальнику. Я понялъ, что сейчасъ будетъ подписанъ мой приговоръ, окончательно рѣшающій мою жизнь. Дѣйствительно, скоро вышелъ воинскій начальникъ.

Устиновъ! выкрикнулъ онъ, вынимая изъ пачки документовъ одинъ и протягивая его мнѣ. — Будешь за старшаго. Вотъ предписаніе и литеръ на 6 человѣкъ. Отправишься съ девятичасовымъ поѣздомъ въ Симферополь и явишься вмѣстѣ со всѣми въ Штабъ 33 запаснаго полка.

Онъ нѣкоторое время задержался, какъ бы не зная, что еще сказать. Затѣмъ, стараясь не встрѣчаться съ моимъ взглядомъ, какъ-то нерѣшительно добавилъ: „Ну, съ Богомъ!“ и быстро вышелъ.

Обращеніе ко мнѣ на „ты“ человѣка, который еще вчера былъ такъ изысканно вѣжливъ со мною, было какъ бы боевое мое крещеніе. Мнѣ было какъ-то странно, но я не нашелъ въ этомъ ничего оскорбительнаго. Я понималъ, что воинскій начальникъ, быть можетъ, умышленно былъ со мной болѣе оффиціальнымъ, чѣмъ это было нужно, желая сразу же показать мнѣ всю суровость военной дисциплины, не

вѣдающей исключеній. Это былъ своего рода тактъ, выработанный долгой военной службой. Для воинскаго начальника я былъ уже не нотаріусъ, я сталъ въ его глазахъ номеромъ въ рядѣ милліоновъ другихъ такихъ же номеровъ. И такъ, конечно, было для меня лучше, такъ какъ положеніе мое въ ротѣ среди солдатъ, какъ нотаріуса, было бы нелѣпо и крайне стѣснительно. Я сталъ солдатомъ и, конечно, могъ требовать къ себѣ только того законнаго отношенія къ солдату, какъ предусмотрѣно это въ воинскомъ уставѣ.

Я попалъ въ 3-ю роту 33 запаснаго пѣхотнаго полка. Наша рота была помѣщена на окраинѣ города на фабрикѣ Абрикосова. Весь громадный фабричный флигель былъ отведенъ подъ казармы. Я явился въ ротную канцелярію въ то время, когда рота находилась на занятіяхъ. Изъ разговоровъ съ писаремъ въ ожиданіи прихода ротнаго командира я узналъ, что ротный командиръ — поручикъ И — очень хорошій человѣкъ и что вообще въ ротѣ народъ все хорошій. Рота получила уже названіе маршевой, такъ какъ закончила свою шестинедѣльную подготовку и въ скоромъ времени отправляется на фронтъ.

Скоро я услышалъ ротное пѣніе съ выкриками и присвистомъ. У меня забилось сердце. Рота вошла во дворъ, выстроилась и затѣмъ по командѣ разошлась по двору и по казармамъ. Канцелярія наполнилась пришедшими взводными, фельдфебелемъ и солдатами, получающими различныя распоряженія. Наконецъ, пришелъ и ротный командиръ. Разспросивъ меня и узнавъ, что я нотаріусъ и поступилъ добровольцемъ, онъ, видимо, очень удивился. Онъ нѣсколько разъ повторилъ: „Какъ же вы это такъ рѣшились? Вѣдь вамъ будетъ тяжело!“

По его распоряженію фельдфебель тотчасъ же повелъ меня къ каптенармусу, который и обмунди-

ровалъ меня съ ногъ до головы во все солдатское. Все было немного длинно и широко, но въ общемъ все чистое и новое и носить было можно. Только сапогъ не нашлось на мою ногу и мнѣ пришлось остаться въ своихъ. Затѣмъ взводный предложилъ мнѣ занять любую свободную койку и, если хочу, отдохнуть.

„А завтра уже пойдешь на ученье" — добавилъ онъ.

И ротный, и фельдфебель, и взводный — всѣ показались мнѣ очень славными. Всѣ, видимо, старались меня „успокоить", хотя я вовсе не мучился, а чувствовалъ себя прекрасно. Обѣдалъ я вмѣстѣ со всѣми. Я боялся, что мнѣ придется ѣсть изъ общей посуды и не зналъ — сумѣю ли преодолѣть врожденную мнѣ брезгливость, но къ счастью, каждый имѣлъ свою жестяную чашку и свою ложку. Борщъ съ саломъ и перловая каша, быть можетъ, потому, что я былъ голоденъ, показались мнѣ очень вкусными и я вполнѣ успокоился. Вообще, чѣмъ болѣе я привыкалъ къ новой обстановкѣ, тѣмъ болѣе все казалось мнѣ не такимъ ужаснымъ, какъ я представлялъ себѣ. Служба была тяжелая и жизнь не сладкая, но я сразу же понялъ, что если забрать себя въ руки и точно и строго исполнять съ надлежащей добросовѣстностью всѣ требованія службы и военной дисциплины, служить не за страхъ, а за совѣсть, съ полнымъ сознаніемъ своего долга, то ничего ужаснаго въ военной службѣ нѣтъ. Я оправдывалъ и чрезмѣрную строгость и суровыя наказанія. Я понялъ, что безъ этого не можетъ быть арміи. Чтобы заставить людей по одному приказанію идти въ бой — нужно было ихъ сначала провести черезъ суровую школу. Раньше, совершенно не понимая военной службы, я обо всемъ имѣлъ совершенно превратное мнѣніе.

После обѣденнаго перерыва и отдыха рота вновь выстроилась идти на занятія. Взводный разрѣшилъ мнѣ не идти, но я такъ хотѣлъ скорѣе сдѣлаться настоящимъ солдатомъ, войти въ общую жизнь роты, что самъ просилъ разрѣшенія встать вмѣстѣ со всѣми. Мнѣ страшно хотѣлось скорѣе получить винтовку. Взводный, давая мнѣ ее и видя мое торжество и гордость, съ которой я овладѣлъ тяжелой русской винтовкой, съ улыбкой замѣтилъ: „еще успѣетъ надоѣсть.“ Но онъ ошибся. Я сразу же полюбилъ „свою“ винтовку. Я ознакомился съ ней во всѣхъ ея деталяхъ и мнѣ не надо было заучивать ея номеръ 237659. Я запомнилъ его на всю жизнь. Эту винтовку я носилъ пять мѣсяцевъ и сдалъ ее только въ день выхода въ прапорщики, когда вмѣсто нея я получилъ право надѣть офицерскую шашку.

Я бодро стоялъ въ строю и легко поддерживалъ винтовку. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, я почувствовалъ всю ея тяжесть и моя рука начала нѣмѣть. Мы занимались недалеко отъ казармы, но на высокомъ холмѣ, и я едва преодолѣлъ его крутизну, стараясь не потерять равновѣсія и не опустить винтовки. Но на все — привычка. Послѣ я уже безъ всякихъ затрудненій легко подымался на тотъ же холмъ и проходилъ по 15—20 верстъ, не уставая.

Такъ какъ рота уже закончила полный курсъ обученія и только повторяла различныя упражненія, то первое время я занимался отдѣльно съ унтеръ-офицеромъ. Это было самое тяжелое. Повороты я усвоилъ скоро и это было легко, но дѣлать ружейные пріемы точно, красиво, а главное легко, мнѣ не удавалось. Винтовка, такъ легко и плавно ходившая въ рукахъ унтеръ-офицера, дѣлалась тяжелымъ и неповоротливымъ бревномъ, когда я брался за нее. Я старался изъ всѣхъ силъ, и потъ градомъ лилъ съ меня, но выходило плохо.

„Ну, отдохните малость", говорилъ унтеръ-офицеръ. „Помаленьку пріобыкнете."

И дѣйствительно, по-маленьку, „пріобыкъ". Зато какъ пріятно было по окончаніи ученія подъ веселую удалую пѣсню спускаться внизъ съ холма и идти на отдыхъ въ казарму. На душѣ было весело отъ сознанія, что ты добросовѣстно потрудился и имѣешь право на заслуженный отдыхъ. И съ какимъ аппетитомъ я ѣлъ тотъ же борщъ съ громадной краюхой настоящаго солдатскаго чернаго хлѣба.

Вечеромъ послѣ переклички рота выстроилась на молитву. По командѣ всѣ сняли фуражки и тихо, стройно, благоговѣйно спѣли молитвы. И я, такъ рѣдко вообще молившійся, даже въ храмѣ не будучи въ силахъ сосредоточіться, здѣсь горячо молился, чтобы Богъ помогъ мнѣ добросовѣстно исполнить свой долгъ честнаго солдата передъ Царемъ и Отечествомъ.

Неужели эта молитва, эти чувства, восторгъ и слезы могли быть когда-нибудь забыты или кѣмъ-нибудь осмѣяны. Неужели любовь къ родинѣ и Царю, носителю идеи великой монархіи, могли быть оскорблены, подавлены грязнымъ сапогомъ шантажистовъ революціи, поднявшихъ свою подлую руку на великую державу, на великую ея армію, исторгнувшихъ изъ нея все лучшее и превратившихъ ее въ разнузданную банду богоотступниковъ, грабителей и убійцъ?!

Рота разошлась на покой. Тихо и грустно въ полумракѣ казармы. Усталые солдаты укладываются на своихъ койкахъ и только кое-гдѣ слышенъ разговоръ шепотомъ. Послѣ всѣхъ пережитыхъ волненій, новыхъ впечатлѣній и думъ, я долго не могъ заснуть. Моимъ сосѣдомъ по койкѣ былъ еще совсѣмъ молодой солдатъ. Онъ тоже не спалъ и мы разговорились. Онъ былъ круглый сирота. Звали его — Михаилъ Рудой. Во время эвакуаціи изъ западной губерніи

онъ оставилъ дома умирающаго отца-старика, а по дорогѣ у него умерла старуха-мать. Юноша остался одинъ и съ нѣсколькими рублями какъ-то добрался до Симферополя, гдѣ надѣялся найти своего дядю, котораго никогда не видалъ и даже не зналъ — живъ ли онъ. Дяди онъ не нашелъ и, почти умирая отъ голода и истощенія, пошелъ въ добровольцы. Вся его мечта была сдать экзаменъ за 4 класса и поступить въ школу прапорщиковъ Выше этого счастья онъ себѣ не представлялъ. Ротный командиръ принялъ въ немъ участіе и позволялъ ему иногда не ходить на ротныя занятія, а готовиться къ экзамену, и даже снабдилъ его нѣкоторыми книгами. Онъ былъ въ ротѣ уже три мѣсяца. Уже дважды при немъ роты отправлялись на фронтъ, но его жалѣли. Послѣ, сойдясь съ нимъ поближе, я сталъ охотно помогать ему въ его занятіяхъ и этимъ, конечно, заслужилъ у него вѣчную благодарность.

Онъ такъ же, какъ и другіе, очень удивился, что, имѣя право пойти въ военное училище, я поступилъ простымъ солдатомъ.

„Зачѣмъ же вы это сдѣлали?“ допрашивалъ онъ меня.

Я, какъ могъ, объяснилъ ему свои переживанія.

„Ну, а если васъ убьютъ?“ наивно спрашивалъ онъ меня.

„Что жъ дѣлать!“ могъ только отвѣтить я.

Но онъ былъ убѣжденъ, что въ моей жизни были какія-либо особыя драматическія причины, заставившія меня искать своей смерти. Стараясь разубѣдить его въ этомъ, я привелъ ему другую, болѣе понятную причину: „Я занимаюсь литературой . . . пишу . . . вотъ и хочу все видѣть своими глазами, пережить, перечувствовать самому всѣ ужасы войны, чтобы потомъ описать . . .“ Но къ этому онъ тоже отнесся съ недовѣріемъ.

Тѣмъ не менѣе мы съ нимъ впослѣдствіи очень сошлись и часто бесѣдовали на разныя темы. Онъ, видимо, полюбилъ меня, что мнѣ было очень пріятно, такъ какъ я самъ къ нему искренно привязался. Я очень скоро освоился со своимъ положеніемъ рядового солдата. Я болѣе или менѣе сошелся со всѣми солдатами своей роты. Многимъ изъ нихъ мнѣ приходилось давать разные юридическіе совѣты по ихъ спорнымъ земельнымъ или наслѣдственнымъ вопросамъ, многимъ я составлялъ прошенія, завѣщанія и писалъ письма, а съ нѣкоторыми по просьбѣ взводнаго даже занимался „словесностью", которая плохо имъ давалась. Этимъ, конечно, до извѣстной степени объяснялось и особо хорошее отношеніе ко мнѣ роты. Много было тяжелаго, скучнаго, но въ общемъ отъ пребыванія въ ротѣ у меня осталось отрадное впечатлѣніе. Повторяю, что мои представленія о военной службѣ были гораздо хуже дѣйствительности. До поступленія на военную службу я очень часто слышалъ объ ужасной постановкѣ у насъ въ Россіи военнаго дѣла. Много говорили объ излишней суровости начальниковъ, о пресловутой словесности, которой окончательно забиваютъ головы солдатъ, заставляя ихъ зубрить безъ смысла китайскую грамоту, о всякаго рода издѣвательствахъ надъ личностью, о мордобитіяхъ и пр. и пр. Къ чести нашей арміи (конечно бывшей) могу сказать положительно, что ничего подобнаго я не видѣлъ.* Правда, старый кадровый солдатъ, нашъ фельдфебель, прослужившій два или три срока, говорилъ мнѣ, что въ мирное время было куда какъ тяжелѣе, что теперь людей „жалѣютъ",

* Если такіе случаи, какъ „мордобитіе" вообще и были, то, конечно, это были только исключенія, а не общее правило, какъ обязательный методъ воспитанія солдатъ, и всегда оставались позорнымъ поступкомъ на совѣсти отдѣльныхъ извергов, не понимающихъ своего долга и служебной чести. Напротивъ, я во

быть можетъ, потому, что готовятъ ихъ на великую жертву. Быть можетъ, и такъ, но вѣдь онъ самъ выдержалъ же эту службу, полюбилъ ее и остался на этой службѣ сверхъ срока.

Я такъ сжился съ ротой, что, когда, спустя три недѣли наша рота уходила на фронтъ, мнѣ было грустно и тяжело разставаться съ ней. Я просилъ разрѣшенія идти вмѣстѣ съ ротой, но мнѣ было отказано въ виду того, что я еще не прошелъ полнаго курса и не былъ еще на стрѣльбѣ.

Помню, какъ торжественно снарядили и провожали роту. Согласно приказа нѣсколько маршевыхъ ротъ выстроилось на плацу. Все высшее начальство было въ сборѣ. Отслужили молебенъ, полковой священникъ сказалъ простую, но прочувственную рѣчь. Командиръ полка тоже обратился ко всѣмъ съ братскимъ словомъ. Затѣмъ по командѣ роты вытянулись въ одну безконечную колонну. Подъ оркестръ музыки мы прошли чрезъ весь городъ на вокзалъ. Насъ провожала толпа народу. Со всѣхъ сторонъ слышались добрыя пожеланія, многіе кричали ура и бросали въ воздухъ шапки. Но въ толпѣ шло также много женщинъ и дѣтей, которыя провожали своихъ мужей, братьевъ и отцевъ, прощаясь съ ними быть можетъ навсегда. Слышались ихъ рыданія . . . и у меня невольно сжималось сердце и на глаза навертывались слезы . . .

О, много, много слезъ и жертвъ несъ великій русскій народъ на алтарь любви къ родинѣ! Что дали эти слезы, что дали эти жертвы? Кто и когда возьметъ на себя искупленіе этихъ страданій?!

всемъ наблюдалъ скорѣе отеческое попеченіе о солдатахъ. Конечно, въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ созданіе образцовой дисциплинированной арміи, могли быть упущенія, были, какъ и вездѣ, недостойные люди или просто недостаточно умные, но все же въ основу воспитанія солдата были положены достойные принципы.

Скучно было у насъ въ ротѣ послѣ проводовъ. Въ ротѣ осталось только нѣсколько человѣкъ, прибывшихъ недавно. Нѣсколько дней не ходили на занятія, занимались словесностью и то какъ-то такъ, безъ интереса и больше для вида. Опустѣло. И всѣ мысли и чувства были съ тѣми, которые ушли . . . Куда, зачѣмъ?! Кто вернется и вернется ли кто-нибудь? Ужасные вопросы, на которые никто не могъ отвѣтить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ухода нашей роты по приказу командира полка я былъ назначенъ къ отправленію въ Одесское Военное Училище. Какъ я ни объяснялъ командиру роты, что въ Училище я могъ поступить сразу и что, если я пошелъ добровольцемъ, то именно потому, что хотѣлъ идти на фронтъ простымъ солдатомъ — мнѣ ничего сдѣлать не удалось.

Долженъ признаться, что хотя обстановка жизни въ Училищѣ была много лучше ротной казармы, но жить тамъ было много хуже. У насъ были чистые классы и дортуары, постели съ бѣльемъ, чистая столовая и сытый столъ — но выдержать лямку юнкера могъ не всякій. Нѣкоторыхъ быстро отчислили, какъ не успѣвающихъ, или за различные, въ большинствѣ случаевъ незначительные, антидисциплинарные поступки, а многіе сами не выдерживали и просто убѣгали на фронтъ. Мы были заняты съ 6-ти утра до 10-ти вечера. Единственный получасовой отдыхъ послѣ обѣда, положенный по расписанію, не всегда удавался, такъ какъ и его приходилось употреблять на то, что не успѣвали сдѣлать за день. Лекціи, репетиціи, строевыя и практическія занятія, дежурства дневныя и ночныя, маневры и пр. настолько утомляли, что нельзя было отдохнуть даже за короткую ночь сна. На ряду съ серьезнѣйшими требованіями былъ цѣлый рядъ и мелочныхъ, которыя походили на такъ называемую „муштровку.“ Правда,

вѣдь надо же было въ четыре мѣсяца приготовить офицера, на долю котораго очень часто при большой убыли команднаго состава во время боя приходилось исполнять отвѣтственныя роли. Но все же излишняя муштровка отнимала у насъ послѣднія силы.

Такъ, насъ продержали полтора мѣсяца безъ отпуска и послѣ лишали его за каждый неправильный поворотъ, нерасчитанный шагъ, за случайно разстегнувшуюся пуговицу, за высунувшійся изъ кармана пальто носовой платокъ и т. д. Да, много надо было терпѣнья и безотвѣтственнаго подчиненія, чтобы смирить свой духъ, не возмутиться, не возразить и не вылетѣть въ два счета изъ Училища. Кто не могъ совершенно отказаться отъ своего „я“, все принимать, какъ должное, со всѣмъ мириться, воспитать въ себѣ духъ полнаго безотвѣтнаго подчиненія чужой волѣ, — тотъ быстро отчислялся и возвращался въ роту. Зато какая награда ожидала тѣхъ, кто выдерживалъ это испытаніе. Восемь лѣтъ гимназіи мнѣ показались не такими тяжелыми, какъ четыре мѣсяца Училища. Помню радостныя пригототовленія ко дню выхода: полученіе офицерскаго обмундированія и снаряженія, облюбованіе каждой новой принадлежности, выборъ шашки, погонъ и пр. Я снова сталъ юношей, счастливымъ и восторженнымъ еще болѣе, чѣмъ въ день окончанія гимназіи. Уже за нѣсколько дней у насъ все было готово и мы съ гордостью примѣривали новое одѣяніе. И вотъ, наконецъ, наступилъ долгожданный день. Всѣ мы были выстроены на военномъ плацу. Пріѣхалъ командующій войсками Одесскаго Военнаго Округа генералъ Эбѣловъ. Вотъ, вотъ, сейчасъ мы будемъ офицерами! Отслужили молебенъ и церемоніальнымъ маршемъ стали проходить мимо Эбѣлова. И, наконецъ, услышали мы на всю жизнь запечатлѣвшіяся въ памяти знаменательныя слова: „Поздравляю васъ съ производствомъ въ офицеры!“

Счастливый мигъ! Нервы такъ долго были напряжены, что когда я почувствовалъ, что все тяжелое прошло, что сейчасъ вмѣстѣ съ солдатской шинелью я сброшу и ту ношу, которую я добровольно на себя взялъ, что кончились всѣ мои испытанія, что снова я сталъ человѣкомъ, — я не выдержалъ и заплакалъ отъ счастья!

Когда мы, уже офицерами, возвращались въ казармы, намъ навстрѣчу проѣхалъ генералъ, но мы уже не услышали обычной въ такихъ случаяхъ для насъ команды: „Смирно! Равненіе на лѣво!“, нашъ ротный командиръ вмѣсто этого сказалъ: „Господа офицеры!“ и мы молча съ достоинствомъ прошли дальше, но каждый изъ нас чувствовалъ, какъ безконечно онъ выросъ въ эту минуту.

А что было въ училищѣ, когда мы съ лихорадочной поспѣшностью стали сдавать всю свою тяжелую амуницію и облачаться въ новенькую блестящую форму. Только за однѣ эти счастливыя минуты можно было еще разъ пережить все то, что пережилъ я съ того дня, когда воинскій начальникъ впервые сказалъ мнѣ, какъ нижнему чину, „ты“.

Счастье дѣлаетъ человѣка хорошимъ, добрымъ, готовымъ на все высокое и хорошее, и каждый изъ насъ былъ готовъ на любой подвигъ, жаждалъ скорѣе идти на фронтъ и тамъ умереть во славу русскаго оружія.

И какъ много такихъ счастливыхъ юношей понесли съ радостью свою жизнь на алтарь отечества! Какъ много изъ нихъ умерло въ благородномъ порывѣ съ сознаніемъ своего долга. Миръ праху ихъ, великимъ героямъ, честнымъ сынамъ своего отечества, безвѣстно угаснувшимъ въ расцвѣтѣ силъ своихъ! Пусть ваши имена не войдутъ въ исторію, пусть неблагодарное потомство не оцѣнитъ вашей жертвы, пусть кровь, пролитая вами, не утолитъ

кровожаднаго міра — вы доблестно исполнили свой долгъ и умерли героями... И тамъ, куда ушли вы, тамъ, на небесахъ васъ ждетъ заслуженная награда! А здѣсь, на развалинахъ міровой войны, когда всюду торжествуетъ только зло, кто оцѣнитъ эти жертвы? Не тѣ ли изверги, которые потрясли наши святыни и надсмѣялись надъ вашими могилами, предатели, которые низвергли въ пропасть великую державу, злодѣи, отдавшіе Россію на разграбленіе?! Не наши ли союзники, которыхъ спасли вы цѣною собственной жизни и которые отвернулись отъ Россіи въ тяжелую годину. Не тѣ ли вершители судебъ всѣхъ европейскихъ народовъ, представители культурной Европы, великіе создатели Лиги націй, которые, прикрываясь ловкой дипломатіей, жмутъ руки убійцъ и палачей, грабятъ вмѣстѣ съ ними Россію, спекулируютъ на ея гибели и заносчиво мнятъ, что они несутъ миръ всему міру?

Европа! Ты, старая ханжа, лукавая торговка! Напрасно ты кичишься своей культурой, вѣковой цивилизаціей, развитіемъ гуманитарныхъ наукъ! Не тебѣ, лукавой бабѣ съ подлыми замыслами, съ алчностью продажной жидовки на чужое золото, говорить о высшей правдѣ и справедливости, о культурѣ и человѣколюбіи, о равенствѣ всѣхъ народовъ, о союзѣ всего міра! Не миртовую вѣтвь несешь ты міру, а предательство и измѣну. Вы лжете, представители міровой политики! Вы прикрываетесь высокими идеями, вы кричите о международной помощи умирающей Россіи, но мы не вѣримъ вамъ, мы знаемъ ваши замыслы. Вы ищете гибели Россіи, вы издѣваетесь надъ несчастной страной! Развѣ не вы дьявольскимъ умомъ своимъ создали ея растлителей большевиковъ. Развѣ не вы предали ее въ руки своихъ послушныхъ убійцъ, развѣ не вы четыре года разрываете ее на части, измѣннически под-

державая большевиковъ, расхищаете ея сокровища, участвуете вмѣстѣ съ ними въ грабежѣ и набиваете карманы краденнымъ золотомъ! Полноте! Бросьте эту маску сострадания и любви къ погибающему народу! Покажите свои зубы и руки! Они у васъ въ крови . . . Вѣдъ вы вмѣстѣ съ большевиками терзаете сердце русскаго народа, вмѣстѣ съ ними по-дружески правите свой кровавый пиръ побѣды. Намъ нужна великая Россія, а вы ищете падали, чтобы какъ коршунамъ спуститься на эту падаль и питаться ею многіе годы.

Да, много страданій перенесъ и перенесетъ еще русскій народъ! Много слезъ и много жертвъ унесетъ потокъ страданій несчастнаго народа! Но вѣрю, что много силы скрыто въ его нѣдрахъ, глубока душа его, все выдержитъ мощный народъ, цѣною великихъ страданій онъ искупитъ свои заблужденія и отступничество отъ Бога. Не могутъ погибнуть сокровища, заложенныя въ глубину русской души, не можетъ свѣтъ потонуть навсегда во мракѣ ночи, настанетъ свѣтлый день, день великаго возрожденія, день славной побѣды его надъ духомъ зла! И выйдетъ великій народъ на свѣтлый путь къ новому царству!

— — — — — — — — — — — — — — —

Я вышелъ въ тотъ же 33-й запасный полкъ и былъ назначенъ взводнымъ офицеромъ 2-й роты. Несмотря на всю добросовѣстность, съ которой я проходилъ занятія въ ротѣ и въ Военномъ Училищѣ, не смотря на все свое желаніе быть настоящимъ офицеромъ и добросовѣстно исполнять свой долгъ, — я чувствовалъ, что все-таки вышелъ „штатскимъ“. Какъ только я надѣлъ офицерскую форму и почувствовалъ себя человѣкомъ со свободной волей и всѣми правами личности, я сразу сталъ тѣмъ же, кѣмъ былъ до военной службы. Я не могъ въ отношеніи солдатъ

проявлять ту необходимую твердость и рѣшимость, которыя требовались отъ меня, какъ офицера. Еще такъ недавно я самъ былъ солдатомъ и испыталъ на себѣ всю тяжесть суровой дисциплины, еще такъ живы были мои переживанія, такъ близокъ былъ мнѣ солдатъ, что я не могъ ставить между собой и имъ непроходимую грань. Очень часто я не зналъ, какъ поступить, и дѣлалъ очевидные промахи. Такъ, во время обхода помѣщенія 3-й роты въ качествѣ члена санитарной коммиссіи вмѣстѣ съ однимъ капитаномъ, я встрѣтился съ моимъ бывшимъ взводнымъ. Увидя меня, онъ буквально перебѣжалъ весь дворъ, бросивъ свою команду, съ которой занимался, и радостно сказалъ: „Здравія желаю, ваше благородіе . . . поздравляю васъ!“ Я тоже очень былъ радъ его видѣть и протянулъ ему руку, какъ своему хорошему знакомому. Я сталъ разспрашивать его, какъ онъ жилъ это время, какія произошли перемѣны въ ротѣ. Взводный все время стоялъ вытянувшись, руки по швамъ, и отвѣчалъ по военному: „Такъ точно, покорно благодарю“ съ прибавленіемъ „вашего благородія“, что меня страшно стѣсняло. Странно мнѣ было чувствовать себя передъ нимъ, опытнымъ старымъ солдатомъ, который зналъ, вѣроятно, службу болѣе, чѣмъ я, офицеромъ, высоко стоявшимъ надъ нимъ по лѣстницѣ субординаціи, когда всего четыре мѣсяца тому назадъ онъ былъ моимъ непосредственнымъ начальникомъ, распоряженія котораго были для меня закономъ. И тѣмъ не менѣе, когда мы вышли изъ казармы, капитанъ сдѣлалъ мнѣ дружеское наставленіе, объясняя, что мое положеніе офицера не допускаетъ простыхъ или товарищескихъ отношеній съ нижнимъ чиномъ, хотя я и былъ по прежнему своему положенію въ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. А потому я не долженъ былъ протягивать ему руки, тѣмъ болѣе, что это было на глазахъ

другихъ солдатъ. Я молчалъ, такъ какъ понималъ, что съ точки зрѣнія общаго духа дисциплины онъ былъ правъ, но какъ я могъ быть со своимъ недавнимъ пріятелемъ, хотя и солдатомъ, только строгимъ и холоднымъ офицеромъ — я себѣ не представлялъ.

Въ другой разъ, производя слѣдствіе въ учебной командѣ, я въ канцеляріи неожиданно встрѣтилъ своего сосѣда по солдатской койкѣ — Михаила Рудого. Онъ такъ, бѣдняга, и не попалъ въ школу прапорщиковъ. Мечта не сбылась. Не осилилъ онъ премудрости математики! Но благодаря своей скромности и покорности вышелъ въ учебную команду и былъ зачисленъ въ писаря, что спасало его отъ фронта и до извѣстной степени его устраивало. Увидя его, я уже дернулъ руку, чтобы поздороваться, но видя, какъ вытянулись передо мной всѣ писаря и онъ самъ, я вспомнилъ, что я офицеръ, а онъ нижній чинъ, и очень неловко постарался замаскировать свой невольный жестъ. Однако, мнѣ было очень не по себѣ и я долго не могъ успокоиться, пока, наконецъ, я не встрѣтилъ его какъ-то въ городѣ и не поговорилъ съ нимъ по человѣчески.

То, что я „штатскій", скоро замѣтило и мое начальство. Меня постоянно назначали по производству различныхъ слѣдствій или въ различныя коммиссіи санитарныя, строительныя, экзаменаціонныя и пр. А послѣ того, какъ мнѣ очень оригинально удалось найти 20 тысячъ, пропавшихъ у казначея штаба полка, который умудрился оставить эти деньги на окнѣ въ уборной, — я сталъ, кажется, постояннымъ слѣдователемъ съ освобожденіемъ отъ ротныхъ занятій въ теченіе всего производства слѣдствій.

И чѣмъ болѣе я занимался дѣлами, болѣе близкими мнѣ по моей спеціальности, чѣмъ военное искусство, тѣмъ менѣе я чувствовалъ себя способнымъ на ратное дѣло и мой первоначальный пылъ и

жажда военныхъ подвиговъ, какъ-то незамѣтно угасали.

Въ началѣ мая мы перешли въ лагери. Такъ какъ всѣмъ офицерамъ было предписано поселиться въ лагерѣ при своихъ взводахъ, то и я устроился вмѣстѣ съ однимъ прапорщикомъ въ лагерной палаткѣ, что мнѣ очень понравилось.

Помню, какъ хорошо было, когда послѣ жаркаго дня, наступала темная, теплая южная ночь и когда, лежа въ палаткѣ, можно было видѣть небесный сводъ съ мерцающими звѣздами, а вдали темные контуры горы Чатыръ-дагъ, или когда холмистыя поля, горы, лагерь, длинные ряды палатокъ, все, все далеко кругомъ было залито луннымъ свѣтомъ и казалось таинственнымъ и одухотвореннымъ.

Жизнь въ лагерѣ не была лишена своего интереса. Занятія съ солдатами интересовали большинство молодыхъ офицеровъ и потому къ нимъ относились добросовѣстно. Общая тѣсная жизнь въ постоянномъ обществѣ только что выпущенныхъ въ офицеры, общность интересовъ, сравнительная свобода, новизна положенія — все это создавало веселое, бодрое, жизнерадостное настроеніе. Свободные вечера проводились большой компаніей въ общественномъ саду на музыкѣ, въ театрѣ, кинематографѣ, а также въ частныхъ домахъ. Многіе завели въ городѣ знакомства, нашли „увлеченія“ и отдались имъ со всей свѣжестью молодыхъ силъ. Молодежь веселилась, жадно хватая удовольствія и торопясь пользоваться жизнью, быть можетъ очень для нихъ непродолжительной, а потому въ настроеніи компаніи всегда чувствовалось нервное возбужденіе. Составъ офицеровъ постоянно мѣнялся. Не успѣютъ отправить сотню, другую, на фронтъ, какъ прибываетъ столько же новыхъ, а тѣ, кто ушли, рѣдко возвращались назадъ. Ну, какъ тутъ не кутнуть на прощанье,

когда у иного прапорщика, можно сказать, и вся-то жизнь прошла только за это время пребыванія его въ Симферополѣ!

Я очень долго переписывался со всѣми моими товарищами по ротѣ и училищу, но постепенно одинъ за другимъ они покидали меня, кончая въ большинствѣ случаевъ жизнь свою на полѣ сраженія.

Я былъ въ полку уже около двухъ мѣсяцевъ и многіе мои товарищи уже отправились на фронтъ, когда я получилъ отпускъ и выѣхалъ въ Севастополь, чтобы повидать своихъ друзей и знакомыхъ. Я чувствовалъ себя радостно и такъ легко было у меня на душѣ. Я вспомнилъ тотъ вечеръ, когда я блуждалъ по бульвару, обдумывая свое рѣшеніе идти добровольцемъ. Я нарочно пошелъ къ воинскому начальнику и постоялъ около его крыльца, оживляя въ своей памяти воспоминанія и тѣ чувства, которыя привели меня къ тому же крыльцу семь мѣсяцевъ тому назадъ. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ и какъ многое измѣнилось во мнѣ самомъ! Мнѣ было стыдно сознаться, но прежняго порыва, прежнихъ чувствъ во мнѣ уже не было. Я понялъ, что сдѣлалъ большую ошибку, допустивъ мое производство въ офицеры. Я чувствовалъ, что солдатомъ я былъ-бы готовъ идти на фронтъ хоть сейчасъ, а офицеромъ я просто боялся... не за себя, нѣтъ, но боялся той отвѣтственности, которую я долженъ былъ взять на себя за другихъ. Я понялъ, что во мнѣ не было главнаго, что нужно было для командн аго состава: я могъ повиноваться, но не приказывать другимъ. Я чувствовалъ себя „штатскимъ" болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Въ Севастополѣ я попалъ въ общество, въ которомъ уже давно не былъ. Это былъ тылъ со всѣми специфическими свойствами. Никто не понималъ моего былого увлеченія идти на фронтъ, когда я, какъ юристъ, могъ быть болѣе полезнымъ въ тылу. Конечно,

общія разсужденія меня врядъ ли бы могли убѣдить, но я получилъ предложеніе, которое меня весьма заинтересовало. Мнѣ предложили занять должность помощника начальника контръ-развѣдывательнаго отдѣленія Штаба Командующаго Черноморскимъ флотомъ. Дѣятельность для меня совершенно новая, но настолько интересная, что я не могъ не согласиться.

Вернувшись въ полкъ, я узналъ отъ полкового адъютанта, что я былъ помѣщенъ въ списокъ отправляемыхъ на фронтъ, но что командиръ полка вычеркнулъ меня, сказавъ, что такой офицеръ больше принесетъ пользы, оставаясь въ полку. Это незначительное обстоятельство утвердило меня въ мысли, что я дѣйствительно негодный офицеръ и что я хорошо сдѣлалъ, согласившись принять сдѣланное мнѣ предложеніе. По ходатайству командующаго Черноморскимъ флотомъ я былъ прикомандированъ къ его штабу въ качествѣ офицера для порученій. Моя новая должность была такова, что оглашенія ея въ приказѣ не полагалось, и я вступилъ въ свою должность подъ покровомъ государственной тайны.

ГЛАВА I.

До моего поступленія въ штабъ командующаго Черноморскимъ флотомъ мнѣ раньше никогда не приходилось слышать о контръ-развѣдывательныхъ отдѣленіяхъ, какъ учрежденіяхъ, занимающихся борьбой со шпіонажемъ. Не только въ томъ, „штатскомъ“ обществѣ, въ которомъ я постоянно вращался, не имѣли никакого представленія о контръ-развѣдкѣ, ея значеніи и цѣли, но и среди военныхъ было очень смутное представленіе о сущности этого крайне важнаго и необходимаго учрежденія. Даже во время войны большинство понимало контръ-развѣдку, какъ военныя дѣйствія въ полосѣ фронта, направленныя къ воспрепятствованію непріятеля разузнавать мѣста расположенія нашихъ воинскихъ частей и родовъ ихъ оружія. Во время же гражданской войны всѣ знали контръ-развѣдку, какъ чисто политическое учрежденіе, занимавшееся исключительно борьбой съ большевиками, ихъ выслѣживаньемъ и разстрѣломъ на началахъ бывшихъ жандармскихъ отдѣленій стараго режима. Въ дѣйствительности такъ оно и было, но во время міровой войны контръ-развѣдывательныя отдѣленія ничего общаго съ политикой не имѣли, а вели въ высшей степени серьезную борьбу со страшно развитымъ, преимущественно германскимъ, шпіонажемъ. Задача была довольно сложная и труд-

ная, такъ какъ Россія еще задолго до войны была опутана хорошо организованнымъ шпіонажемъ Германіи.

Послѣдняя война показала все громадное значеніе шпіонажа и всю необходимость организованной борьбы съ нимъ. Какъ бы многочисленна ни была армія, какъ бы хорошо ни была она вооружена и снабжена, она прежде всего должна имѣть глаза и уши. Полководецъ, который ведетъ свою армію въ бой, долженъ знать не только, гдѣ находится противникъ, но и его количество и родъ его оружія. Государство же, которое ведетъ войну, должно знать не только то, что дѣлается у непріятеля на фронтѣ, но и все, что у него въ глубокомъ тылу. Отсюда понятно, какъ важно не дать противнику этихъ свѣдѣній о своей арміи и сохраненіе въ тайнѣ не только всѣхъ маневровъ, но и приготовленій къ нимъ. Во̀ время предупрежденный противникъ можетъ не только парализовать неожиданное нападеніе, но, подготовившись къ нему, самъ перейти въ наступленіе. Талантливо задуманный планъ терпитъ фіаско. Противникъ пользуется открытымъ замысломъ въ своихъ интересахъ, во̀ время измѣняетъ свое положеніе и, устраивая западню, самъ наноситъ пораженіе тамъ, гдѣ думали застать его врасплохъ. Этимъ, однако, не исчерпывается значеніе шпіонажа. Шпіоны, проникающіе къ намъ въ тылъ, не только давали противнику необходимыя свѣдѣнія, но составляли сильную, тайную армію, которая дѣйствовала въ тылу и невидимой рукой наносила намъ ударъ въ спину, разрушая желѣзнодорожные мосты, телеграфные столбы, крѣпостныя укрѣпленія, поджигая интендантскіе склады, заводы, взрывая пороховые склады, военные суда и транспорты, устраивая забастовки и развивая пропаганду, разлагающую армію и народъ. Изложеннаго достаточно, чтобы понять все ужасное значеніе

шпіонажа и все значеніе организованной борьбы съ нимъ.

Германія значительно ранѣе Россіи поняла, какимъ сильнымъ орудіемъ является шпіонажъ, и подготовлялась къ войнѣ съ Россіей не только приготовленіемъ усовершенствованныхъ пушекъ и громаднаго количества снарядовъ, но также и организаціей шпіонажа. Исключительно благопріятныя для Германіи историческія и политическія условія дали ей возможность такъ опутать Россію сѣтью шпіонажа, что въ сущности вести съ нимъ борьбу въ Россіи почти было невозможно. Россія всегда нуждалась въ нѣмцахъ, которые изстари были ея учителями, и слишкомъ довѣряла имъ, допуская нѣмцевъ во всѣ отрасли управленія и государственнаго строительства. Германія покрыла всю Россію своими торговопромышленными предпріятіями и проникла черезъ своихъ агентовъ во всѣ государственныя учрежденія, министерства, консульства, частныя общества, фабрики и заводы. Ея агенты занимали отвѣтственныя должности, вѣдали дѣлами особой государственной важности, входили въ секретныя засѣданія, управляли предпріятіями, служили инженерами на заводахъ, плавали на русскихъ военныхъ судахъ, занимались торговлей, служили шофферами и лакеями, танцовали въ кафе-шантанахъ и даже торговали на базарахъ. Словомъ, Германія вездѣ имѣла свои уши и глаза, которые все видѣли, все слышали, и благодаря сложной организаціи связи, путемъ всякаго рода шифровъ и сигнализацій могли еще говорить такъ, что ихъ слышали въ Германіи. Къ началу войны Германія имѣла самыя точныя свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ военнаго вооруженія и снабженія русской арміи. Она располагала точными картами Россіи съ нанесеніемъ на нихъ всѣхъ топографическихъ свѣдѣній и планами всѣхъ укрѣп-

леній. Ея секретные агенты, дѣйствующіе у насъ въ тылу, составляли цѣлую армію, которая была еще опаснѣе, чѣмъ открытый вооруженный врагъ. Исторія впослѣдствіи доказала, что Германія побѣдила Россію не въ открытомъ вооруженномъ бою, а именно ядовитымъ жаломъ шпіонажа. Ея агенты уничтожили русскую армію, которую не могли побѣдить ея пушки. Въ концѣ концовъ, Россія погибла, ставъ жертвою революціи, созданной германскими агентами на германское золото.

Къ сожалѣнію, Россія въ этомъ отношеніи ничего подобнаго не сдѣлала, да и не могла сдѣлать въ силу тѣхъ же политическихъ и историческихъ причинъ. Русскіе никогда не могли играть той роли и пользоваться такимъ вліяніемъ при германскомъ дворѣ, какъ нѣмцы, которые всегда, со времени Петра I. были у насъ желанными гостями. Германія умѣла держать для иностранцевъ закрытыя двери и русскіе учились у нѣмцевъ и видѣли у нихъ только то, что не представляло уже для Германіи интереса и значенія государственной тайны. Кромѣ того, Россіяъ совсѣмъ не готовилась къ воинѣ съ Германіей и никогда не думала тратить милліоны на содержаніе арміи шпіоновъ. Вотъ почему, какъ развѣдывательныя, такъ и контръ-развѣдывателныя отдѣленія у насъ въ Россіи стали возникать только въ послѣднее время, уже во время войны, вслѣдствіе чего весьма существеннаго они дать уже не могли.

Такъ, контръ-развѣдывательное отдѣленіе при штабѣ командующаго Черноморскимъ флотомъ было утверждено только въ концѣ 1915 г., спустя годъ послѣ начала войны. Въ раіонъ его дѣйствія входило все побережье Чернаго моря отъ Батума до Сулина. Одинъ размѣръ раіона показываетъ, насколько трудно было организовать уже во время войны серьезную борьбу со шпіонажемъ. Кромѣ того, организація

такого сложнаго дѣла требовала людей, знающихъ и опытныхъ, людей, прошедшихъ извѣстную школу, надлежащую подготовку, имѣвшихъ извѣстныя способности. Наконецъ, нужны были большія средства и время, чтобы поспѣшностью не вызвать подозрѣній и не открыть тайны организаціи. Къ сожалѣнію, ничего этого у насъ не было. Все создавалось вновь: вырабатывались проекты, составлялись инструкціи, производились подготовительныя работы. Естественно, что вначалѣ все сводилось просто къ бумажному производству и никакихъ практическихъ результатовъ работы не было. За отсутствіемъ спеціально подготовленныхъ къ розыску и шпіонажу работниковъ приходилось пользоваться услугами чиновъ департамента полиціи и агентовъ жандармскихъ управленій, людей опытныхъ вообще, но не вполнѣ желательныхъ въ контръ-развѣдкѣ, гдѣ требовалась нѣсколько иная работа, чрезмѣрная добросовѣстность и гарантія неподкупности. Этимъ объясняется и то, что я, никогда не имѣющій никакого понятія о контръ-развѣдкѣ, былъ сразу назначенъ помощникомъ начальника контръ-развѣдывательнаго отдѣленія только потому, что по своему юридическому образованію я могъ вести слѣдствія и дознанія на основаніи судебныхъ уставовъ и потому, что вслѣдствіе особой аттестаціи заслуживалъ полнаго къ себѣ довѣрія въ дѣлѣ, требующемъ исключительной осторожности и умѣнія сохранять тайну. Начальникомъ контръ-развѣдки, моимъ непосредственнымъ начальникомъ, былъ морской лейтенантъ, во всѣхъ отношеніяхъ весьма симпатичный человѣкъ, а главное большой труженикъ и хорошій работникъ. Онъ весь отдался своей отвѣтственной работѣ настолько, что все остальное въ жизни, внѣ контръ-развѣдки, перестало для него существовать. Только благодаря его неутомимой энергіи, мнѣ кажется, удалось при данныхъ усло-

віяхъ все-таки многое создать и, если не пресѣчь зло шпіонажа, то во всякомъ случаѣ ограничить его. Къ моменту моего поступленія дѣло уже было налажено такъ, что почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ и болѣе или менѣе важныхъ стратегическихъ пунктахъ у насъ были поставлены добросовѣстные сотрудники, которые путемъ развитія тайной агентуры организовывали мѣстную контръ-развѣдку. Наши агенты проникли за границу, находили тамъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, устанавливали связи и давали иногда очень цѣнныя свѣдѣнія, направлявшія нашу работу и служившія матеріаломъ для выработки различныхъ мѣръ предосторожности и защиты отъ проникновенія шпіоновъ и предупрежденія преступленій злого умысла. Къ сожалѣнію, въ то время, какъ Германія тратила на шпіонажъ милліоны, мы были весьма ограничены въ средствахъ. Заграничная агентура требовала большихъ денегъ, иначе она не оправдывала своего назначенія. Многіе весьма дѣльные проекты требовали нѣкотораго риска, на который мы не рѣшались за отсутсвіемъ надлежащихъ средствъ. Завѣдывающіе пунктами постоянно жаловались на незначительность отпускаемыхъ имъ суммъ, оправдывая часто этимъ свое бездѣйствіе. Находить идейныхъ сотрудниковъ, работающихъ безъ вознагражденія, удавалось рѣдко, а платные требовали и приличнаго вознагражденія. Приходилось въ большинствѣ случаевъ пользоваться дешевой агентурой, работа которой не всегда была достаточно производительна, а иногда даже просто мѣшала серьезной работѣ. Чтобы оправдать свою работу, эта агентура въ поискахъ дѣла сама создавала матеріалъ, придавая излишнюю серьезность своимъ наблюденіямъ, или просто выдумывала разныя неправдоподобности. Создавались дѣла на основаніи совершенно неосновательныхъ слуховъ, напрасно отнимающія время на

разслѣдованіе. Такъ называемое наружное наблюденіе: высматриваніе на бульварахъ, подслушиванье въ кафе, провокаторскіе пріемы при разговорахъ въ толпѣ, на зрѣлищахъ и мѣстахъ гуляній — въ большинствѣ случаевъ давали негодный матеріалъ и мы скоро совершенно отказались отъ него, оставивъ наружное наблюденіе только для выслѣживанія и выясненія опредѣленныхъ лицъ и ихъ связей. Кромѣ того, работа еще затруднялась тѣмъ, что вся власть централизовалась въ Севастополѣ, а потому по каждому дѣлу возникала сложная переписка между контръ-развѣдкой и завѣдывающими пунктами, что при отдаленности ихъ отъ центра иногда такъ задерживало свѣдѣнія, что они теряли свою цѣнность.

Въ первое время контръ-развѣдка преимущественно занималась разработкой обширнаго матеріала, поступившаго по наслѣдству отъ жандармскихъ управленій. Надо отдать справедливость, что матеріалъ этотъ былъ весьма цѣннымъ въ смыслѣ историческаго архива, которымъ мы часто пользовались при выясненіи всей прошлой дѣятельности заподозрѣннаго въ шпіонажѣ и сношеніяхъ съ Германіей того или иного лица. Относительно цѣлаго ряда лицъ были уже достаточныя данныя для возбужденія противъ нихъ слѣдствія по обвиненію въ шпіонажѣ, а въ связи съ ними многіе были взяты подъ подозрѣніе и попали подъ наблюденіе. Детальная разработка всѣхъ свѣдѣній, продолжительное наблюделніе, перлюстрація писемъ, дали возможность установить съ несомнѣнностью ихъ работу по шпіонажу, но найти явныя улики, доказательства ихъ виновности, въ большинствѣ случаевъ не представлялось возможнымъ. Цѣлый рядъ обысковъ не дали никакихъ результатовъ. Слѣдствій было масса, а виновныхъ ни одного. Очень часто приходилось дѣйствовать скорѣе по убѣжденію, чѣмъ на основаніи прямыхъ доказательствъ винов-

ности. Чтобы не попасть въ преступную ошибку, а съ другой стороны не дать маху, нѣсколькихъ лицъ весьма подозрительныхъ пришлось такъ сказать, на всякій случай, выслать безъ суда изъ полосы фронта. Думаю, что нѣкоторые пострадали, быть можетъ, и напрасно, но что многіе изъ нихъ ушли отъ заслуженной кары, — въ этомъ я убѣдился во время нѣмецкой оккупаціи. Такъ, въ гор. Николаевѣ, когда я былъ уже самостоятельнымъ начальникомъ контръразвѣдки Николаевскаго раіона, на основаніи весьма серьезныхъ агентурныхъ свѣдѣній мною былъ арестованъ служащій на судостроительномъ заводѣ Наваль инженеръ Д., нѣмецъ по происхожденію, пріѣхавшій изъ Германіи и поступившій на заводъ не болѣе какъ за годъ до начала войны. При обыскѣ у него были найдены фотографическіе снимки всего завода, мастерскихъ и всѣхъ строющихся на заводѣ судовъ; большая переписка на нѣмецкомъ языкѣ, которая доказывала, что до начала войны онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ Германіей, но въ ней не было ничего преступнаго, и масса всякаго рода чертежей, замѣтокъ и цыфръ на блокнотѣ и календарѣ, не имѣющихъ опредѣленнаго значенія. По объясненію инженера Д. все казалось вполнѣ естественнымъ: въ Германіи онъ имѣлъ родственниковъ и знакомыхъ, съ которыми велъ переписку самаго невиннаго свойства. Имѣя фотографическій аппаратъ, дѣлалъ снимки, такъ какъ для инженера интересно имѣть снимки съ работъ, въ которыхъ онъ участвуетъ. Такіе снимки служатъ ему въ извѣстныхъ случаяхъ аттестаціей его дѣятельности. Связь его съ германскимъ консуломъ въ Николаевѣ, опредѣленнымъ шпіономъ, своевременно выѣхавшимъ въ Германію, но оставившимъ въ Николаевѣ организованную имъ шпіонскую агентуру ограничивалась отношеніями простыхъ знакомыхъ. Пропускаю весь другой обширный матеріалъ,

который послужилъ для меня основаніемъ для безспорнаго убѣжденія, что инженеръ Д. былъ шпіономъ, но долженъ сказать, что и все остальное имѣло такое же объясненіе и кромѣ скопленія массы косвенныхъ уликъ никакихъ доказательствъ у меня не было. Тѣмъ не менѣе я двѣ недѣли продержалъ его подъ арестомъ, убѣжденный, что дальнѣйшее слѣдствіе дастъ мнѣ желательный результатъ, но ни химическое изслѣдованіе писемъ, бумагъ, книгъ, чернилъ и пр., ни расшифровываніе загадочныхъ записей и цифръ, ни обыскъ квартиры и чердака въ надеждѣ найти признаки безпроволочнаго телеграфа, ни постукиванье по стѣнамъ и мебели, производимое самыми опытными агентами, въ надеждѣ открыть тайныя хранилища — ничего больше не дали. Въ концѣ концовъ, мнѣ пришлось его освободить по предписанію штаба, такъ какъ его арестъ затруднялъ работу на заводѣ и администрація лично ходатайствовала передъ командующимъ Черноморскимъ флотомъ объ его освобожденіи. Однако, я удержалъ его фотографическій аппаратъ, всѣ снимки и переписку, объясняя, что производство снимковъ заводскихъ сооруженій запрещено и всѣ вещи могутъ быть ему выданы только по окончаніи слѣдствія. Прошло много времени. Нѣмцы вошли въ Николаевъ и стали наводить свои порядки. Всѣмъ жителямъ, не исключая и офицеровъ, было приказано подъ страхомъ разстрѣла сдать оружіе. Я отправился въ германскій штабъ, чтобы сдать свой револьверъ и получить разрѣшеніе на выѣздъ въ Кіевъ. Я получилъ квитанцію въ принятіи отъ меня револьвера съ точнымъ указаніемъ его системы и номера и вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣло нѣсколько германскихъ офицеровъ. Среди нихъ спокойно сидѣлъ и вмѣстѣ съ ними разбиралъ бумаги инженеръ Д. Онъ встрѣтилъ меня, какъ своего хорошаго знакомаго и былъ

изысканно любезенъ. Благодаря ему я сейчасъ же внѣ очереди получилъ разрѣшеніе на выѣздъ. „Вы разрѣшите узнать“, обратился онъ ко мнѣ, выдавая разрѣшеніе, „могу ли я теперь получить свою фотографію и снимки. Они мнѣ очень дороги и я очень жалѣлъ бы, если бы они пропали.“ Я сообщилъ ему, что все имущество контръ-развѣдки по описи сдано въ портовую контору и что тамъ онъ можетъ получить всѣ отобранныя у него при обыскѣ вещи. „Съ своей стороны“, добавилъ я, „меня очень интересуетъ, получу ли я обратно мой револьверъ.“

„О, да, безъ сомнѣнія“, отвѣтилъ онъ, „эта мѣра только временная и какъ только въ городѣ все успокоится, вы, конечно, получите его обратно. Разрѣшите мнѣ вашу квитанцію? Я постараюсь устроить это вамъ, какъ можно, скорѣе.“ И дѣйствительно на другой же день, опять въ видѣ исключенія, револьверъ былъ доставленъ мнѣ на домъ. Удивительно обходительный господинъ шпіонъ! И такихъ случаевъ было не мало. Но тутъ еще ничего! Инженеръ и къ тому же изъ Германіи. Хоть и не упекли, но все же подъ арестомъ продержали, все, что можно было, отобрали и во всякомъ случаѣ страху нагнали столько, что врядъ ли онъ могъ продолжать свою преступную дѣятельность. Хуже обстояло дѣло, когда подозрѣнія падали на лицо поважнѣе, чѣмъ германскій инженеръ. Нити шпіонскаго мотка приводили иногда туда, куда руководители контръ-развѣдки, несмотря на всѣ свои подозрѣнія, не смѣли войти. Шпіоны были даже при дворѣ. Нѣмцы всегда дѣлали русскую политику и потому шпіонажъ укрѣпился при дворѣ еще съ историческихъ временъ, и сторонники Германіи, если и не были всегда шпіонами, то во всякомъ случаѣ весьма имъ содѣйствовали.

Да, тяжелая и неблагодарная задача была дана контръ-развѣдкѣ.

Помню, какъ мы много бились, чтобы раскрыть безусловно существующую организацію, дающую свѣдѣнія о каждомъ выходѣ эскадры въ море. Несмотря на то, что выходъ эскадры всегда былъ обставленъ сторожайшей тайной и всѣми мѣрами предосторожности, — было несомнѣнно, по имѣющимся въ штабѣ даннымъ, что „Гебенъ" былъ всегда объ этомъ своевременно предупрежденъ.

Сколько ночей не спали мы! Вся агентура была на ногахъ. Слѣдили за каждымъ случайнымъ огонькомъ, прислушивались къ каждому едва уловимому звуку! И вдругъ сигнализація! За нѣсколько часовъ до выхода эскадры проходившій мимо Алупки миноносецъ замѣтилъ около 9-ти часовъ вечера въ паркѣ, около камней „Хаоса" три раза вспыхнувшій синій огонекъ и одинъ красный. Черезъ нѣсколько дней явленіе повторилось: агентура установила, что какъ разъ въ ночь выхода эскадры на камняхъ „Хаоса" ясно горѣлъ синій бенгальскій огонь.

Опять безсонная ночь. По всему парку съ 8-ми час. вечера была размѣщена агентура. Устроены засады. Начальникъ и я съ револьверами блуждали въ темномъ паркѣ, но безъ результата. Ни одного огонька. Въ ночь выхода эскадры, какъ только стемнѣло, мы пріѣхали въ Алупку. Пойдя въ обходъ и спустившись съ горы, какъ обыкновенные экскурсанты, мы подошли къ харчевнѣ и купили у разносчика-татарина рахатъ-лукумъ. Давая намъ сдачи, татаринъ преподнесъ намъ совершенно неожиданно сюрпризъ, а именно не больше и не меньше, какъ бенгальскую спичку.

„Это что такое? Откуда!? Зачѣмъ?"

„Быигальска огонь . . . безплатна прилыженья", отвѣчалъ, ухмыляясь, татаринъ, — для хароша пакупателя, какъ ты."

Мы съ начальникомъ невольно уставились другъ на друга. Въ чемъ же дѣло? А очень просто. Татаринъ, продавая въ Алупкѣ рахатъ-лукумъ, выдумалъ для приманки покупателя раздавать бенгальскія спички. Всѣ мальчишки Алупки знали этого татарина и покупали у него рахатъ-лукумъ, иногда, спеціально изъ-за этихъ спичекъ, которыми и баловались. Въ этомъ мы скоро убѣдились, встрѣчая мальчишекъ и гуляющихъ экскурсантовъ съ подобными бенгальскими огнями. Татарина выругали, спички отобрали, экскурсантамъ было указано на приказъ командующаго Черноморскимъ флотомъ о воспрещеніи въ вечернее время какихъ-либо огней. Были сдѣланы особыя распоряженія о наблюденіи за строгимъ исполненіемъ жителями Алупки настоящаго приказа — и этимъ все кончилось. Мы — смѣялись . . . но, чертъ ихъ знаетъ, не смѣялся ли надъ нами германскій шпіонъ? Вѣдь если дѣйствительно задача германскаго шпіона заключалась въ томъ, что, получивъ изъ Севастополя свѣдѣнія о выходѣ эскадры, онъ долженъ былъ дать какой-либо свѣтовой сигналъ, то вѣдь не сядетъ же онъ въ германской каскѣ на мраморной лѣстницѣ Алупкинскаго дворца и не будетъ устраивать блестящаго фейерверка! Навѣрное, придумаетъ что-либо похитрѣе и найдетъ способъ такой, что даже въ случаѣ установленнаго наблюденія, все можно было бы объяснить какими-либо пустяками. Такъ почему бы ему не найти татарина съ рахатъ-лукумомъ и бенгальскими спичками? А кто ихъ будетъ жечь, быть можетъ это для него и безразлично.

А въ смыслѣ изобрѣтательности нѣмцы — геніальны! Употребленіе цифровыхъ шифровъ, прейскурантовъ, печатныхъ произведеній, календарей, химическихъ чернилъ, секретной бумаги — оставлено ими для институтокъ, переписывающихся между собою въ тайнѣ отъ классной дамы, и поймать шпіона

съ поличнымъ — дѣло совершенно безнадежное! Большинство шпіоновъ прошло хорошую школу шпіонажа и самый предательскій допросъ не могъ ихъ сбить и заставить выдать тайну. Ни угрозы немедленно его повѣсить, ни сладкія обѣщанія освободить его, если онъ чистосердечно раскается и признается во всемъ, — на него совершенно не дѣйствуютъ. Бывшія жандармскія привычки допроса, имѣющаго цѣлью сначала запутать и сбить подозрѣваемаго, потомъ застращать и выпытать тайну угрозами или, напротивъ, успокоить своей обходительностью и желаніемъ ему добра отъ всей чистоты души своей — рѣдко когда давали положительный результатъ. Въ этомъ отношеніи пройденная у германцевъ школа шпіонажа хорошо подготовляла шпіона къ самообладанію и пониманію истиннаго значенія этихъ угрозъ и этихъ обѣщаній. Во время своей командировки въ Румынію, мнѣ удалось познакомиться съ организаціей такой школы шпіонажа въ Бухарестѣ. Курсъ школы шпіонажа былъ двухмѣсячный. Всѣ „ученики“ школы, а ихъ были сотни, были раздѣлены на мелкія группы въ 5-7 человѣкъ. Никакого общенія между группами не допускалось. Всѣ занимались въ различные часы и съ различными инструкторами. Даже между членами одной и той же группы общенія было мало. Каждый изъ нихъ старался держаться особнякомъ и, какъ бы опасаясь другъ друга, скрывалъ даже свое имя, въ большинствѣ случаевъ пользуясь выдуманными кличками. Учили ихъ многому: какъ умѣло наблюдать, не вызывая подозрѣнія, на что нужно обращать вниманіе, какъ различать по погонамъ различныя воинскія части, какъ опредѣлять на глазъ разстоянія (практическія занятія) и пр. Въ каждой группѣ были также спеціальные курсы въ зависимости отъ цѣли назначенія шпіона. Кромѣ того, каждый шпіонъ учился отвѣчать на

допросѣ въ случаѣ своего провала и изобличенія въ шпіонствѣ. Для этого каждый шпіонъ подробно долженъ былъ разсказать инструктору наединѣ всю свою прошлую и настоящую жизнь со всѣми мельчайшими подробностями. Инструкторъ, пользуясь этимъ матеріаломъ, выдумывалъ наиболѣе правдоподобное и вытекающее изъ всей предыдущей жизни окончаніе, которое объясняло бы присутствіе шпіона въ опредѣленномъ ему раіонѣ. Необходимыя для этого измѣненія въ прошломъ были по возможности незначительны, а потому запомнить ихъ не представляло большой трудности. Извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ выдумать сплошь всю свою жизнь, не запутавшись при умѣломъ допросѣ въ противорѣчіяхъ или просто несуразностяхъ: года не будутъ соотвѣтствовать событіямъ, время — мѣсту дѣйствія и пр., да и запомнить одну ложь весьма трудно. Опытный инструкторъ, понимая, что надо имѣть бо́льшую память, чтобы не запутаться во лжи, выдумываетъ для шпіона такой разсказъ, который весь основанъ на правдѣ. Шпіонъ хорошо запоминаетъ его, въ особенности его немногія отступленія отъ истины, и, не боясь уже спутаться, правдиво отвѣчаетъ на всѣ коварные вопросы. Для практики ему чинятся самые строгіе допросы со всѣми выработанными для этого хитрыми пріемами, между которыми, конечно, фигурируютъ и угрозы и обѣщанія, но шпіонъ хорошо знаетъ ихъ истинное значеніе. Подготовленный такимъ образомъ шпіонъ знаетъ, что одного подозрѣнія недостаточно для обвиненія, доказательство же онъ можетъ дать только своимъ признаніемъ, а потому оказываетъ упорное сопротивленіе и продолжаетъ запираться даже тогда, когда явныя улики не оставляютъ, повидимому, мѣста никакому сомнѣнію.

Не смотря, однако, на всѣ трудности борьбы со шпіонажемъ, контръ-развѣдка посте-

пенно развивала свою дѣятельность и успѣхъ прогрессировалъ.

Особенное вниманіе мы обратили на Румынію, понимая, что тамъ находится главный центръ, откуда расходятся главныя нити шпіонажа. Въ Бухарестѣ работали агенты почти всѣхъ воюющихъ державъ. Подъ покровомъ нейтралитета здѣсь собрались шпіоны, провокаторы и политическіе шантажисты всего міра. Наша агентура посылала намъ свѣдѣнія, которыя убѣдили насъ, что главная работа контръразвѣдки въ Румыніи и что тамъ надо искать главные источники шпіонажа. Облеченный большими полномочіями я выѣхалъ въ Бухарестъ.

ГЛАВА II.

По агентурнымъ свѣдѣніямъ, незадолго до войны прибыла въ Одессу изъ Константинополя греческо-подданная красавица Элеонора. Ея мать содержала въ Константинополѣ аристократическій домъ свиданій. Прежде всего, Элеонора поразила одесситовъ своей чрезвычайной красотой, а затѣмъ своимъ открытымъ образомъ жизни. Она блистала на всѣхъ вечерахъ, балахъ, маскарадахъ, гдѣ пользовалась большимъ успѣхомъ; имѣла свой чудный салонъ, гдѣ собиралось веселое общество и вино лилось рѣкой; имѣла чудный свой выѣздъ и богатыхъ поклонниковъ; очень любила собирать вокругъ себя золотую молодежь, но наиболѣе ея расположеніемъ пользовались штабные офицеры. Установленное за ней наблюденіе выяснило въ то же время ея странную связь съ нѣкоторыми греками, совершенно не подходящими къ ея аристократическому обществу, и свиданія съ которыми, обставленныя иногда съ нѣкоторою таинственностью, вызывали основательныя подозрѣнія.

Иногда Элеонора на нѣсколько дней выѣзжала, яко-бы для свиданія со своими родными, въ Кишеневъ, при чемъ эти отсутствія ея были болѣе или менѣе продолжительны. По донесенію пограничныхъ жандармскихъ пунктовъ Рени и Унгени было установлено, что Элеонора трижды ѣздила въ Румынію,

каждый разъ проѣзжая черезъ одинъ пунктъ и возвращаясь черезъ другой. Агентура выслѣдила ее до Бухареста и вела за ней постоянное наблюденіе. По этому дѣлу мнѣ предстояла довольно трудная задача. Зная по агентурнымъ свѣдѣніямъ очень многое о ея образѣ жизни и подозрительныхъ ея знакомствахъ, я долженъ былъ познакомиться съ ней, въ наиболѣе удобный моментъ ошеломить ее и дѣйствуя страхомъ, уговорить ее раскрыть всѣ тайны. Мнѣ пришлось принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы самому не попасть подъ наблюденіе шпіоновъ и не быть открытымъ. Я пріѣхалъ въ штатскомъ и остановился у одного нашего сотрудника въ наиболѣе многолюдномъ, но отдаленномъ кварталѣ. Свиданія съ агентами я имѣлъ на разныхъ конспиративныхъ квартирахъ всегда поздно вечеромъ, при чемъ на всякій случай приходилось дѣлать петли и производить такіе маневры, что, если бы случайно я и попалъ подъ наблюденіе, то своевременно его замѣтилъ бы и скрылся. Иногда я бралъ фаэтонъ и, пользуясь темнотой, соскакивалъ гдѣ-либо въ переулкѣ и обходилъ кругомъ. Входилъ въ ресторанъ и немедленно же выходилъ другимъ ходомъ. Садился въ трамвай и быстро пересаживался на остановкахъ въ встрѣчный и ѣхалъ обратно. Затѣмъ я зналъ спеціальные пріемы, какъ выяснить есть ли за мной наблюденіе, или, по крайней мѣрѣ, провѣрить себя, если у меня возникало сомнѣніе. Словомъ, приходилось фокусничать, такъ какъ открыть конспиративную квартиру значило бы провалить себя и всю агентуру. Когда, работая при такихъ условіяхъ, я повидалъ всю нашу секретную агентуру и собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, я уже въ военной формѣ перебрался въ наилучшую гостинницу и ждалъ случая познакомиться съ Элеонорой. Скоро такой случай представился. Въ большомъ театрѣ устраивался благотворительный

русскій концертъ. Въ концертѣ участвовали лучшія артистическія силы. Программа состояла преимущественно изъ произведеній русскихъ композиторовъ и писателей. На концертъ собралось лучшее общество Бухареста. Агентура своевременно сообщила мнѣ, что Элеонора будетъ въ театрѣ. Я отправился на концертъ и занялъ мѣсто въ партерѣ. Мнѣ указали ее. Она сидѣла въ ложѣ, въ обществѣ двухъ дамъ, въ костюмѣ сестры милосердія.

Въ Румыніи можно легко познакомиться съ женщиной. Это дѣлается очень просто. Пишется письмо, и камердинеръ относитъ его по назначенію. Но я сдѣлалъ это иначе. Я долго переглядывался съ ней, улыбался, въ антрактѣ нѣсколько разъ прошелъ мимо ея ложи, почти въ упоръ смотря на нее, затѣмъ, набравшись храбрости, выходя въ фойэ, я уловилъ ея взглядъ и глазами показалъ, чтобы она вышла изъ ложи. Дѣйствіе имѣло успѣхъ. Мы встрѣтились въ фойэ и познакомились. Но познакомились какъ? Она меня видѣла въ первый разъ и повѣрила, что я только что пріѣхалъ съ румынскаго фронта, чтобы немного отдохнуть и развлечься послѣ ужасныхъ боевъ. Я былъ въ формѣ и съ эксельбантами, а потому, узнавъ, что я состою адъютантомъ въ штабѣ И, замѣтно стала со мной любезнѣе. Я же узналъ отъ нея, что она румынка, сестра милосердія въ военномъ лазаретѣ, никогда не была въ Россіи и не понимаетъ по-русски, но прекрасно владѣетъ французскимъ языкомъ, на которомъ мы съ ней и объяснялись. Я, не скрывая своего восхищенія ея красотой, сталъ сразу же ухаживать за ней и просить, чтобы она не лишала меня своего общества, которое мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что я здѣсь совершенно одинъ и не имѣю знакомыхъ, съ которыми я могъ бы повеселиться или хотя немного разсѣяться послѣ тяжелой жизни на фронтѣ. Разыгрывать такую роль мнѣ было

не трудно, такъ какъ Элеонора была дѣйствительно очаровательной женщиной, но тѣмъ опаснѣе она была, какъ врагъ. Между нами началась опасная игра. Мы ловили другъ друга. Наши желанія сходились, а потому она сравнительно скоро согласилась провести со мной вечеръ послѣ театра гдѣ-нибудь въ ресторанѣ. „Бабочка летитъ на огонь", думалъ я. „На ловца и звѣрь бѣжитъ", вѣроятно, думала она. Я ждалъ ее съ автомобилемъ. Она вышла, какъ было условлено, изъ бокового выхода, и мы поѣхали сначала къ ней, такъ какъ она не могла въ костюмѣ сестры милосердія ѣхать въ кабарэ. Я зналъ, гдѣ она живетъ и очень удивился, когда она указала совершенно другой адресъ, и насторожился, чтобы не попасть въ засаду.

„Я не могу васъ пригласить къ себѣ, такъ какъ сейчасъ живу у родственниковъ", — извинилась она, подъѣзжая къ шикарному дому съ зеркальными окнами. — „Обождите меня въ автомобилѣ." Я ждалъ ее довольно долго и уже меня снова взяло сомнѣніе, когда она вышла ко мнѣ въ роскошномъ туалетѣ, вся укутанная дорогими мѣхами. Я понялъ, что она не могла скорѣе такъ преобразиться изъ скромной сестры милосердія въ роскошную куртизанку.

При видѣ ея я не скрылъ своего восхищенія. Ей нравилось это, хотя, навѣрное, ею восхищались всѣ, кто имѣлъ счастье или несчастье быть съ нею. Женщина всегда остается женщиной.

„Куда же мы поѣдемъ? спросилъ я. Я совершенно не знаю Бухареста. Будьте моимъ менторомъ и покажите мнѣ, гдѣ у васъ веселятся. Я съ наслажденіемъ отдаюсь въ ваше распоряженіе . . . я счастливъ уже тѣмъ, что съ вами."

Она улыбалась. Въ ея улыбкѣ не было ничего, кромѣ очарованія, и такъ не хотѣлось вѣрить, что съ тобой не чудная женщина, которая довѣряетъ

тебѣ и ѣдетъ въ ресторанъ кутить со всѣми возможностями, а коварная шпіонка, которая продаетъ Россію и пользуется своей красотой, чтобы губить тѣхъ, кто довѣрчиво сближается съ ней и находитъ измѣну, гдѣ думалъ найти любовь. И какъ хотѣлось бы забыть, что на фронтѣ гремятъ пушки, льются рѣки человѣческой крови, что люди стали врагами и губятъ другъ друга, забыть, что я контръ-развѣдчикъ и таю коварные замыслы противъ женщины, которая такъ очаровательна и такъ много счастья могла бы дать . . . Гадко, подло чувствовалъ я себя, несмотря на полное сознаніе, что я исполняю свой долгъ, что мнѣ довѣрены государственныя тайны, что въ моихъ рукахъ, быть можетъ, тысячи человѣческихъ жизней, и что самъ я могу быть схваченъ ея агентами и брошенъ гдѣ-нибудь на окраинѣ въ ровъ, а подлая шпіонка будетъ продолжать свою преступную работу.

„Нѣтъ, не Богъ далъ тебѣ эту красоту, которая можетъ вскружить голову, а дьяволъ, чтобы обильно сѣять зло и преступленія! И ты должна дать намъ отвѣтъ за нихъ!"

Мы пріѣхали въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ-кабарэ. Я заказалъ ужинъ съ шампанскимъ и поднесъ ей массу цвѣтовъ, умышленно демонстрируя ту свободу, съ которой я готовъ тратить на нее деньги. Она была очень веселая и умная женщина, съ которой легко было поддерживать оживленный и остроумный разговоръ. Она пила шампанское, видимо хорошо привыкнувъ къ нему. Я пилъ съ осторожностью, но все же значительно оживился, что однако не помѣшало мнѣ играть свою роль. Я охотно отвѣчалъ на всѣ ея вопросы, кѣмъ я былъ до войны, весело ли жить въ Петербургѣ, люблю ли я театры и пр. На все это я могъ отвѣчать правду, которая могла только усыпить ея осторожность. Я ожидалъ,

что она начнетъ спрашивать меня о войнѣ, о фронтѣ, но она, вѣроятно умышленно, совершенно не касалась этого вопроса, что дало мнѣ надежду на слѣдующее свиданіе. Для перваго виданія мы рѣшили забыть о дѣлѣ и очень мило провели время среди общаго веселья, пѣнія и музыки, казалось, не думая ни о чемъ, кромѣ удовольствія. Странно было мнѣ это веселье, кутежъ въ ресторанѣ, который входилъ въ мои служебныя обязанности. Я чувствовалъ во всей окружающей меня обстановкѣ какую-то фальшь и склоненъ былъ думать, что весь кафе-шантанъ съ музыкой и шансонетками есть ни что иное, какъ мистификація съ тайными пружинами, и что гдѣ-то въ глубинѣ дѣйствуютъ таинственныя силы. Я чувствовалъ себя героемъ кино-драмы, окруженнымъ тайными агентами Фантомаса, Черной руки, или Маски, которая смѣется.

И думалъ ли я, когда былъ нотаріусомъ и иногда весело и беззаботно кутилъ въ ресторанахъ, что мнѣ придется въ Бухарестѣ разыгрывать роль Шерлока Хольмса, ужинать съ женщиной, опутывая ее сѣтью лжи и коварства, строить планы, какъ въ торжественный моментъ я вдругъ граціозно сниму маску и, любезно улыбаясь, проговорю: „Имѣю честь представиться . . . я начальникъ контръ-развѣдки, а вы — германская шпіонка Элеонора. Вы арестованы.“

Я ухаживалъ за ней около недѣли, посѣщая съ ней театры, ужиная въ ресторанахъ и катаясь на автомобилѣ, какъ-будто вся моя жизнь была только въ ней . . . Она не только позволяла мнѣ ухаживать за ней, но даже старалась очень опытнымъ кокетствомъ увлечь меня дальше въ сѣти своихъ чаръ . . . и чѣмъ болѣе я видимо увлекался ею, тѣмъ больше она стала интересоваться тѣмъ, что входило въ ея обязанности шпіонки. Надо отдать справедливость, что дѣлала она это очень искусно, послѣ ужина съ

шампанскимъ, съ нѣжностью и милымъ пустымъ любопытствомъ, подходя, иногда, очень издалека и какъ бы случайно, но для меня-то это было слишкомъ ясно. Она заманивала меня. и я шелъ на ея удочку . . . но тѣмъ не менѣе она долго не соглашалась поѣхать со мной въ отдѣльный кабинетъ загороднаго ресторана, гдѣ я расчитывалъ разыграть финалъ нашей комедіи.

Я понялъ ея осторожность. На третій день своего знакомства съ ней я замѣтилъ, что за мной установлено наблюденіе. Около моей гостинницы появился какой-то сумрачный типъ, котораго я дважды встрѣтилъ у подъѣзда, внимательно разсматривающаго витрину парфюмернаго магазина, а затѣмъ по какой-то случайности имѣлъ удовольствіе увидѣть его же въ углу кафе, читающимъ газету однимъ глазомъ, тогда какъ другой очень внимательно слѣдилъ за мной. Я видѣлъ, наконецъ, какъ гуляя по улицѣ, этотъ же типъ глазами передалъ меня другому, который очень любезно проводилъ меня до гостинницы. Я не буду перечислять массу тѣхъ признаковъ, по которымъ я установилъ, что за мной ведется наблюденіе. Это цѣлая наука, наука какъ вести наблюденіе и какъ спасаться отъ него самому. По этому вопросу у насъ была обширная литература, весьма интересная сама по себѣ, но крайне непріятная при примѣненіи ея на практикѣ. Скажу только, что требуется большое искусство, чтобы не провалиться какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ.

Но, конечно, я не далъ понять, что я замѣтилъ наблюденіе. Мнѣ было нечего бояться. Я не имѣлъ сношеній съ агентурой, а потому не имѣлъ ничего противъ, что Элеонора знаетъ, гдѣ я утромъ пью кофе, какую читаю газету, гдѣ покупаю себѣ папиросы и какъ я убиваю день, чтобы скорѣе увидѣться

съ ней вечеромъ. Но что мнѣ очень понравилось такъ это то, что моя агентура, очевидно въ цѣляхъ моей охраны, тоже вела за мной наблюденіе и иногда, ужиная съ Элеонорой въ ресторанѣ, я замѣчалъ вдали за столикомъ двухъ, трехъ агентовъ, мирно сидящихъ за бутылкой вина. Между прочимъ, мои агенты также замѣтили установленное за мной наблюденіе и въ свою очередь прослѣдили и установили связь этого наблюденія съ Элеонорой. Веселенькая жизнь!

Наконецъ, приблизился день развязки. Не скрою, что за недѣлю я такъ привыкъ къ веселому и пріятному обществу очаровательной Элеоноры, такъ хорошо было мнѣ, забывая весь ужасъ содержанія нашихъ отношеній, отдаваться обману этой женщины, даже зная, что все ея отношеніе ко мнѣ есть только одинъ коварный обманъ преступной женщины, — что я утромъ еще не зналъ, какъ я рѣшусь сорвать съ нея эту очаровательную маску. Я думалъ даже, нельзя ли узнать отъ нея всѣ необходимыя свѣдѣнія, выпытать отъ нея полное признаніе и путемъ ея предательства всѣхъ сообщниковъ — спасти ее. Я думалъ также, нельзя ли это сдѣлать, заставивъ ее продолжать ея сношенія со шпіонами, но съ тѣмъ, чтобы она, продолжая фиктивно быть германской шпіонкой, продавала намъ планы нашихъ враговъ. Но я не надѣялся на свои силы и боялся провалиться. Я не спалъ отъ волненія всю ночь. Иногда на меня находилъ даже страхъ, что вся моя игра уже открыта, что я дѣйствовалъ неумѣло и самъ попаду въ засаду, которую думаю устроить Элеонорѣ. Кромѣ того, мнѣ предстояла еще самая трудная задача: повидать главнаго нашего сотрудника, чтобы получить отъ румынскихъ властей ордеръ на арестъ Элеоноры и предупредить агентуру. Здѣсь я легко могъ провалиться, и тогда Элеонора

исчезла бы, а потому въ этомъ отношенiи мною приняты были всѣ мѣры предосторожности.

Еще не свѣтало, когда я вышелъ изъ гостинницы въ штатскомъ платьѣ съ нахлобученной на глаза мѣховой шапкой и высоко поднятымъ воротникомъ. Очень зорко оглядѣвшись прежде, чѣмъ выйти изъ подъѣзда, и не замѣтивъ никого, я быстро завернулъ въ первый же переулокъ. Погода мнѣ благопрiятствовала, такъ какъ моросилъ мелкiй, холодный дождь, и я весь сгорбился и спрятался въ шубу. Затѣмъ я сдѣлалъ нѣсколько петель, прошелъ два проходныхъ двора, долго сидѣлъ въ какомъ-то кафе, проѣхалъ туда и обратно въ трамваѣ и только послѣ самыхъ вѣрныхъ испытанiй, убѣдившись, что наблюденiя нѣтъ, рѣшился проникнуть въ квартиру сотрудника. Здѣсь я отдалъ всѣ распоряженiя и обо всемъ условился. Я указалъ ресторанъ, гдѣ четыре агента должны были заблаговременно занять отдѣльный кабинетъ и ужинать въ ожиданiи моего прiѣзда съ Элеонорой. Затѣмъ, въ точно условленное время мы должны были встрѣтиться въ уборной для передачи мнѣ ордера на арестъ Элеоноры. Этотъ ордеръ долженъ былъ получить у шефа полицiи мой главный сотрудникъ. Отъ него же я получилъ дополнительныя свѣдѣнiя о дѣятельности Элеоноры за эти дни. Я узналъ, что Элеонора проживала въ квартирѣ румынскаго доктора, но имѣла также пристанище у бывшей любовницы австрiйскаго консула въ Бухарестѣ, проживающей въ томъ домѣ, куда впервые заѣзжала со мной Элеонора. Были выяснены также другiя ея связи, дальнѣйшей разработкой которыхъ должна была заняться агентура.

Я вернулся въ гостинницу съ тѣми же предосторожностями и измученный физически и нравственно, попробовалъ уснуть, чтобы успокоиться и собраться съ силами къ рѣшительному шагу, но сонъ

бѣжалъ моихъ глазъ. Я боялся, что у меня не долго хватитъ силъ. Странно, но не смотря на то, что чувства мои были возбуждены такъ же, какъ передъ дуэлью, мнѣ приснился сонъ, совершенно выходившій изъ времени и событій моей настоящей жизни. Я былъ студентомъ и собиралъ цвѣты въ полѣ съ какой-то дѣвушкой, а затѣмъ, лежа на берегу рѣки, читалъ ей стихи Лермонтова. И такъ тихо и покойно было на душѣ. Я проснулся еще съ восторженной улыбкой, какъ вдругъ сознаніе, какъ электрическій ударъ, заставило меня съ ужасомъ соскочить съ кровати. Было уже темно, но времени оставалось много. Я освѣжилъ голову холодной водой и не торопясь началъ приготовляться. Я потребовалъ обѣдъ къ себѣ въ номеръ и выпилъ коньяку. Нервы мои успокоились. Я чувствовалъ въ себѣ отвагу и рѣшимость, какъ боецъ, уже вступившій въ полосу огня. Я осмотрѣлъ свой револьверъ и на всякій случай безъ кобура положилъ себѣ въ карманъ.

Въ назначенный часъ я съ автомобилемъ ждалъ Элеонору въ условленномъ мѣстѣ. Она, какъ нарочно, опоздала и я уже приходилъ въ отчаяніе, когда, наконецъ, увидѣлъ ее. Я бросился къ ней навстрѣчу съ восторгомъ влюбленнаго.

„Милая“, прошепталъ я „какъ я измучился, васъ ожидая!“

„Мой другъ“, съ любовной улыбкой отвѣчала она, „я не могла; если бы знали вы, какъ трудно было мнѣ уйти . . . зато теперь я совсѣмъ свободна!“

„О, какъ я счастливъ! . . .“

Боже мой, какъ все это походило на любовное свиданіе и какъ мало было счастья!

Мы пріѣхали въ гостинницу-ресторанъ, и по ея желанію прошли въ нее черезъ темный садъ. Роскошный номеръ съ коврами, зеркалами и портьерой, скрывающей широкую кроват. Мы заказали ужинъ,

но въ ожиданіи спросили шампанскаго и пили его, грѣясь у горящаго камина. Мы долго мило болтали, держа другъ друга за руки. Я жаловался ей, какъ грустно мнѣ будетъ оставлять Бухарестъ и ѣхать снова на фронтъ. Какъ мнѣ хотѣлось бы забыть все и жить только тѣмъ, чѣмъ я жилъ эту недѣлю!

Она низко наклонилась ко мнѣ и, съ любовью смотря мнѣ въ глаза, обжигая меня своимъ горячимъ дыханіемъ, со страстью опытной куртизанки, тихо прошептала:

„И ты уѣдешь, если даже я буду твоей?!"

Я вырвалъ у нея свою руку и, закрывъ лицо, быстро отошелъ къ столу и, чтобы скрыть свое волненіе, выпилъ бокалъ шампанскаго. Моментъ, и я бы повѣрилъ ей, бросилъ все, открылъ бы ей всю тайну и только за одну ночь любви заплатилъ бы своей жизнью. Но я случайно, стоя къ ней спиной, взглянулъ въ висѣвшее надъ столомъ зеркало и увидѣлъ ее гордо стоящей у камина съ закинутой головой и въ ея улыбкѣ, едва уловимой, я вдругъ замѣтилъ что-то змѣиное . . . И это сразу меня отрезвило.

„Rira bien, qui rira le dernier!" подумалъ я.

Вошелъ оффиціантъ и подалъ ужинъ. Я извинился и на минуту вышелъ. Я получилъ отъ сотрудника ордеръ и успокоенный вернулся въ кабинетъ. Начавъ какой-то пустой разговоръ, мы продолжали бесѣдовать въ томъ же духѣ во все время ужина. Я усердно подливалъ ей шампанское, но самъ пилъ менѣе обыкновеннаго.

„Я не могу больше", сказала она, отодвигая бокалъ, — „я буду совсѣмъ пьяна."

„Я такъ хочу!" убѣждалъ я ее.

„Если „ты" такъ хочешь, я пью!" — отвѣчала она и залпомъ выпила бокалъ.

Шампанское дѣйствовало. Мы отодвинули столъ и сѣли вмѣстѣ на низкую кушетку. Она почти

лежала, облокотившись на мягкую ковровую подушку. Я обнялъ ее и тихо сталъ наклоняться, какъ бы спрашивая позволенія на поцѣлуй! Она поняла меня и ждала . . . Я сильнѣе обнялъ ее и смѣло смотря ей въ глаза, вдругъ сказалъ ей на русскомъ языкѣ:

„Наконецъ-то, ты попалась, красавица Элеонора! Ты не уйдешь отъ моей власти и правосудіе воздастъ тебѣ по заслугамъ за твое предательство!"

Эфектъ былъ такой, что, даже подготовившись къ нему, я былъ пораженъ.

Элеонора вскочила, какъ ужаленная змѣей. Она вскрикнула, но этимъ уже было все сказано и она поняла, что выдала себя. Я схватилъ ее за руки и силой посадилъ вновь на кушетку.

„Сидите!" сказалъ я грозно, „иначе вамъ же будетъ хуже! Слушайте меня!"

Она сидѣла съ застывшимъ ужасомъ на лицѣ. Губы ея тряслись такъ же, какъ и руки.

„Я очень радъ", сказалъ я, „что вы понимаете по-русски. Въ Одессѣ вы знали его въ совершенствѣ и напрасно забыли его здѣсь. Я — начальникъ контръ-развѣдки — и вотъ ордеръ на вашъ арестъ. Въ сосѣднемъ кабинетѣ мои агенты, они отправятъ васъ въ тюрьму и васъ будутъ судить въ Россіи. Но я могу еще васъ спасти!"

Она посмотрѣла на меня и въ глазахъ ея мелькнула надежда.

„О, нѣтъ!" сказалъ я, понимая ее, „не то, что вы думаете. Вашей любви мнѣ не надо. Но вы должны намъ открыть всѣ ваши тайны, всѣ ваши связи . . . вы должны покаяться во всемъ, какъ на исповѣди, и только этимъ вы можете заслужить себѣ помилованье."

„О, пощадите меня! Я такъ хочу жить," плакала она. „Спасите меня!"

Она упала на колѣни, простирая ко мнѣ руки.

„Это зависитъ только отъ васъ!" — отвѣчалъ я.

„Научите, что же мнѣ дѣлать!" ломая руки и все еще стоя на колѣняхъ, въ слезахъ повторяла она.

„Я уже вамъ сказалъ, — скажите всю правду. Я не жандармъ, я офицеръ, и не буду пытать васъ допросомъ, стараясь васъ сбить или поймать. Я буду откровененъ: мы знаемъ о вашей дѣятельности очень много, но еще больше вы должны намъ сказать сами. Мы знаемъ васъ давно. Знаемъ съ того времени, какъ, оставивъ свою мать въ Константинополѣ торговать женщинами, вы подъ именемъ Элеоноры пріѣхали въ Одессу. Съ тѣхъ поръ вся ваша жизнь по сіе время прошла подъ нашимъ наблюденіемъ. Мы были у васъ въ салонѣ на Гаванной улицѣ. Мы ѣздили съ вами въ Кишеневъ. Мы знаемъ, по какимъ паспортамъ вы проѣзжали пограничные пункты и какъ инымъ путемъ возвращались обратно. Мы слѣдовали за вами по пятамъ, мы знаемъ, съ кѣмъ вы встрѣчались, кому передавали свѣдѣнія, зачѣмъ ѣздили въ Галацъ, почему находите здѣсь гостепріимство у любовницы бывшаго австрійскаго консула. Мы знаемъ всю вашу жизнь, но мы должны отъ васъ получить всѣ нити вашей шпіонской организаціи, мы должны въ корнѣ пресѣчь все то зло, которое вы сдѣлали, и помните, только полная правда можетъ спасти васъ. Если вы утаите что-нибудь намъ извѣстное, если вы что-нибудь солжете, что не оправдается нашимъ разслѣдованіемъ, если вы пощадите хотя одного вашего сообщника, вы будете повѣшены безъ сожалѣнія."

Мнѣ кажется, что я былъ довольно убѣдителенъ, или просто она сама сразу рѣшила сдать всѣ позиціи, но только она скоро успокоилась и стала давать мнѣ откровенное показаніе.

Свѣдѣнія, полученныя отъ нея, не дали намъ въ общемъ того, что мы ожидали. Мы опоздали!

Многое стало прошлымъ, потеряло свое значеніе и имѣло только историческій интересъ.

Судьба Румыніи была уже рѣшена. Макензенъ подходилъ къ Бухаресту и наша агентура уже не имѣла времени заняться дальнѣйшей разработкой свѣдѣній, данныхъ намъ Элеонорой. Многое изъ ея показаній мы уже знали сами. Многое, что главнымъ образомъ интересовало насъ, она не знала сама и могла дать только очень общія показанія. Изъ многихъ указанныхъ ею лицъ мы арестовали пять или шесть и то мелкихъ шпіоновъ. Даже главная ея сообщница, любовница австрійскаго консула, скрылась прежде, чѣмъ намъ удалось ее арестовать, а обыскъ ея квартиры не далъ никакихъ результатовъ. Очевидно, арестъ Элеоноры сталъ ей извѣстенъ раньше, чѣмъ мы могли этого ожидать. Все, что было цѣннаго въ ея показаніяхъ, было потомъ, конечно, использовано. Ее довольно долго мучили допросами въ Одессѣ и въ Севастополѣ и конечно, получили отъ нея все, что было возможно. Но къ этому мы еще вернемся.

Мы страшно измучились оба и я, закончивъ офиціальный допросъ, предложилъ ей вновь закусить оставшимся ужиномъ. Намъ обоимъ стало легче на душѣ, когда мы опять, какъ-будто ничего не было ужаснаго, сѣли за столъ и стали мирно бесѣдовать. Не знаю, конечно она была ужасная преступница, но мнѣ все-таки было ея жаль. Она оставалась очаровательной женщиной, какъ-будто милой, простой, умѣющей любить и желающей только, чтобы любили ее. Какъ-будто зло случайно коснулось ея. Быть можетъ это потому, что въ каждомъ преступникѣ всегда остается много другихъ чувствъ, что преступность захватываетъ только часть души человѣка, не поглащая всѣхъ остальныхъ свойствъ души его, а у женщины въ особенности. Въ самомъ страшномъ

горѣ человѣкъ не лишается способности временно забывать его и даже смѣяться. Такъ иногда въ домѣ покойника очень близкіе къ нему люди, послѣ отчаянія и слезъ садятся за обѣденный столъ, говорятъ о самыхъ обыденныхъ вещахъ, иногда шутятъ и невольно улыбаются сквозь слезы, какъ-будто покойникъ только на время ушелъ въ сосѣднюю комнату. Такъ и мы съ Элеонорой, покончивъ ужасное дѣло, повидимому, очень пріятно ужинали съ бокалами въ рукахъ, съ улыбкой вспоминая нашу встрѣчу, взаимную игру, разныя хитрости и веселые ужины въ кабарэ.

„А правда, какъ пріятно иногда поговорить по-русски?“ шутилъ я.

„Противный! Не смѣйтесь“ . . . уже весело отвѣчала она. „А все-таки вы очень славный . . . мнѣ очень жаль, что вы контръ-развѣдчикъ!“

„А вы — очаровательная женщина и мнѣ тоже очень жаль, что вы шпіонка!“

Такъ обмѣнялись мы любезностями на этотъ разъ совершенно искренними.

Только въ три часа ночи, когда мы выпили все вино и она поняла, что все кончено, она опять пришла въ отчаянье, какъ-будто сознавая весь ужасъ своего положенія.

„Вы меня арестуете?“ жалобно проговорила она, подымая на меня умоляющіе глаза.

„Къ сожалѣнію, да“, отвѣчалъ я, стараясь быть мягче. Но я сдѣлаю все, чтобы вы избѣжали тягостнаго сидѣнія въ тюрьмѣ. Если вы обѣщаете мнѣ не дѣлать никакихъ попытокъ къ бѣгству, то вы поѣдете вмѣстѣ съ моими агентами, какъ свободная пассажирка, въ Одессу. Не оказывайте только никакого сопротивленія, иначе, конечно, придется васъ взять подъ стражу и отправить уже, какъ арестантку, подъ охраной жандармовъ.“

Я посадилъ ее въ автомобиль вмѣстѣ съ двумя агентами, которые ее и доставили благополучно въ Одессу. Судьба Элеоноры продолжала интересовать меня и я былъ радъ за нее, когда узналъ, что штабъ командующаго Черноморскимъ флотомъ, когда Элеонора была окончательно использована, отправилъ ее въ ту же Румынію, обѣщая ей большое вознагражденіе при ея возвращеніи съ новыми цѣнными свѣдѣніями по развѣдкѣ. Но Элеонора не возвратилась. Причины, очевидно, общія въ такой практикѣ: или она, какъ арестованная русской контръ-развѣдкой, не могла уже играть прежней роли или она боялась Россіи, не очень вѣря въ вознагражденіе за новое предательство уже прежнихъ друзей своихъ, или ей въ Германіи заплатили больше, чѣмъ обѣщала Россія.

ГЛАВА III.

Дѣло Элеоноры еще разъ доказало мнѣ всю необходимость и цѣнность заграничной агентуры. Если бы еще до начала войны мы имѣли бы хотя въ одной Румыніи солидную агентуру, то наша работа въ Севастополѣ была бы значительно легче и быть можетъ, мы могли бы предотвратить ужасную катастрофу — взрывъ броненосца „Марія" въ Севастопольской бухтѣ. Всѣ болѣе или менѣе цѣнныя свѣдѣнія мы получали отъ заграничной агентуры. Элеонора указала только незначительное число шпіоновъ, но тѣ свѣдѣнія, которыя мы отъ нея получили, дали возможность постоянно распутывать нити шпіонажа. По указанію Элеоноры, мы арестовали въ Яссахъ двухъ шпіоновъ. Одинъ былъ румынъ — не болѣе, не менѣе, какъ простой стрѣлочникъ на ст. Яссы. Ни одинъ воинскій поѣздъ не прошелъ мимо него изъ Россіи въ Румынію, чтобы не быть тщательно имъ замѣченнымъ. Такимъ образомъ нѣмцы всегда знали точно о количествѣ прошедшихъ эшелоновъ. Арестованный шпіонъ въ свою очередь принужденъ былъ указать лицо, которому онъ свѣдѣнія эти передавалъ, и такимъ образомъ отыскивались все новые и новые шпіоны. Все, конечно, заключалось въ умѣніи агентуры и требовало отъ нея большой опытности и энергіи, такъ какъ несвоевременный

арестъ одного шпіона давалъ возможность другому скрыться и связь прерывалась. Наиболѣе цѣлесообразнымъ является, конечно, не немедленный арестъ шпіона, а постоянное за нимъ наблюденіе въ цѣляхъ установленія его связи съ цѣлой агентурой, но это очень трудное и опасное дѣло, такъ какъ въ такомъ случаѣ съ одной стороны дѣятельность шпіона продолжается и приноситъ свой вредъ, а съ другой стороны — неумѣлое наблюденіе можетъ дать возможность скрыться уже разоблаченному шпіону. Бывшія жандармскія управленія въ политическомъ розыскѣ придерживались преимущественно такой практики. Тамъ „ликвидація“ производилась только послѣ установленія связи между значительнымъ числомъ членовъ организаціи или даже по выясненіи всѣхъ членовъ ея. Но въ политическомъ розыскѣ дѣло могло терпѣть, а въ борьбѣ со шпіонажемъ каждый пропущенный день могъ принести большой вредъ. Другой шпіонъ, указанный Элеонорой, былъ грекъ, окончившій школу шпіонажа въ Бухарестѣ. По занятію своему онъ былъ торговецъ. Когда-то жилъ въ Одессѣ и торговалъ (какъ полагается) губками. Онъ направлялся въ Одессу, но почему-то задержался въ Яссахъ. При обыскѣ ничего, уличающаго его въ шпіонствѣ, не найдено и на допросѣ онъ давалъ такіе положительные отвѣты, что могло возникнуть даже подозрѣніе въ правильности изобличенія его Элеонорой. Но мы знали его „явку“, т. е. доказательство его принадлежности къ извѣстной организаціи при явкѣ его къ лицу, къ которому онъ имѣетъ порученіе. Явка эта былъ кусочекъ обыкновеннаго карандаша, сломаннаго по срединѣ надписи фабричной марки. Карандашъ былъ сломанъ неаккуратно. Шпіонъ направлялся въ Одессу къ греку, уже извѣстному намъ по наблюденію за Элеонорой, у котораго должна была быть другая половина того

же карандаша. Обѣ половины при соединеніи должны были совпасть обломанными концами и возстановить карандашъ и надпись. Только послѣ того, какъ мы нашли этотъ кусокъ карандаша подъ переплетомъ его записной книжки, мы доказали ему его виновность. Грекъ сознался, когда убѣдился, что его выдали.

Этотъ шпіонъ могъ быть обвиненъ только въ подготовленіи къ шпіонажу, а не въ самомъ преступленіи и потому, быть можетъ, разоблаченный въ самомъ началѣ своей дѣятельности онъ не только признался во всемъ, но даже, какъ-будто, съ облегченной душой сталъ сбрасывать съ себя тяжесть тайны и опасности, которой онъ подвергался. Его показаніе не лишено интереса.

Когда онъ впервые по нуждѣ попалъ въ цѣпкія руки германскаго маіора, онъ былъ пораженъ щедростью, съ которой нѣмцы оплачиваютъ работу по шпіонажу. Маіоръ удовлетворился его словеснымъ согласіемъ работать по развѣдкѣ и далъ ему несложное порученіе съѣздить въ Жмеринку и прослѣдить количество проходящихъ въ сутки черезъ Жмеринку воинскихъ эшелоновъ, а также — на сколькихъ быкахъ стоитъ желѣзнодорожный мостъ. Послѣ этого маіоръ выдвинулъ ящикъ письменнаго стола полный русскими и румынскими деньгами и взявъ толстую пачку, не считая, передалъ ему.

„Я былъ въ очень тяжеломъ положеніи. Денегъ не хватало даже на ѣду, а тутъ, вдругъ, сразу куча денегъ," признавался онъ. Но деньги все же меня не подкупили. Я двѣ недѣли скрывался въ Яссахъ и съ легкостью потратилъ полученныя деньги. Тогда снова я явился къ маіору и разсказалъ ему все, что пришло мнѣ въ голову, какъ наиболѣе вѣроятное. Нѣмецъ долго слушалъ меня молча, а когда я кончилъ, онъ снова открылъ ящикъ съ деньгами и доставъ на этотъ разъ пачку денегъ вдвое больше,

далъ мнѣ, прибавивъ очень немного: „Не совсѣмъ вѣрно. Поѣзжай еще разъ и посмотри лучше!“ Я соблазнился легкостью заработка и дѣйствительно съѣздилъ въ Жмеринку, сосчиталъ быки желѣзнодорожнаго моста, но сколько проходило эшелоновъ, какіе полки и какъ опредѣлить ихъ численность не зналъ и откровенно разсказалъ маіору все что видѣлъ, но самъ понималъ, что мои свѣдѣнія не могли его удовлетворить. Однако, онъ былъ очень доволенъ, далъ мнѣ еще денегъ и отправилъ меня въ Бухарестъ въ школу шпіоновъ.

По окончаніи школы шпіоновъ онъ долго прожилъ въ Бухарестѣ и только недавно получилъ назначеніе ѣхать въ Одессу съ цѣлью наблюденія за движеніемъ судовъ въ Одесскомъ порту. Всѣ дальнѣйшія инструкціи онъ долженъ былъ получить у одного грека. Одна женщина въ черномъ дала ему полное описаніе этого грека и мѣста, гдѣ онъ можетъ его найти. Явиться къ нему онъ долженъ былъ съ означеннымъ выше карандашемъ, который дала ему та же дама (Элеонора). Онъ зналъ, что двое изъ его группы были направлены въ Николаевъ и одинъ въ Очаковъ. Послѣ вполнѣ откровенныхъ его признаній можно было повѣрить ему, что онъ зналъ только вымышленную ихъ кличку и могъ дать намъ только подробное описаніе ихъ внѣшности. Самые тщательные розыски ихъ въ Николаевѣ и Очаковѣ никакого результата не дали. Очень интересныя свѣдѣнія онъ далъ намъ о школѣ шпіонажа, но все это относилось къ тому времени, когда Румынія еще не выступала на сторонѣ Россіи, а въ остальномъ его показанія сходились съ объясненіями Элеоноры и спѣшно уже разрабатывались нашей агентурой въ Бухарестѣ.

Предоставивъ нашей агентурѣ дальнѣйшую разработку полученныхъ отъ Элеоноры и аресто-

ванныхъ по ея указанію въ Бухарестѣ и Яссахъ шпіоновъ свѣдѣній, я самъ выѣхалъ въ Галацъ на свиданіе съ однимъ изъ главныхъ нашихъ заграничныхъ агентовъ. При его содѣйствіи контръразвѣдкѣ удалось захватить одинъ большой турецкій транспортъ съ изюмомъ, грецкими орѣхами и оливковымъ масломъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Собственно говоря, это не былъ захватъ, такъ какъ турецкій капитанъ транспорта по соглашенію съ нашимъ агентомъ самъ привелъ свое судно въ Севастополь, заранѣе выговоривъ себѣ за это вознагражденіе въ 350 тысячъ рублей. Нашъ миноносецъ только вышелъ къ нему навстрѣчу, инсценируя захватъ. Турка, конечно, на половину надули, дали, кажется, только 150 тысячъ, но онъ былъ и этимъ очень доволенъ и долгое время жилъ въ Севастополѣ, пьянствуя и дебоширствуя до такой степени, что его пришлось удалить въ болѣе отдаленныя мѣста. Громадное турецкое судно было занесено въ число трофеевъ Черноморскаго флота. Изюмъ же, орѣхи и рахатъ-лукумъ ѣлъ, кажется, весь Севастополь на началахъ, близкихъ къ простому расхищенію.

Этотъ агентъ имѣлъ большія связи и свою собственную агентуру. Мы получали отъ него всегда болѣе или менѣе цѣнныя свѣдѣнія. Онъ брался теперь создать въ Турціи такую развѣдку, что обезпечивалъ даже поимку Гебена. Ему можно было повѣрить, такъ какъ это дѣйствительно былъ большой интернаціональный плутъ. Звали его Эксерджіанъ. Прежде всего это былъ аристократъ. Представительная, обворожительная внѣшность вполнѣ гармонировала съ изысканностью его костюма и манеръ. Онъ говорилъ, кажется, на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, объѣздилъ всѣ страны и былъ въ курсѣ политическихъ интересовъ всей Европы. Онъ былъ турецкоподданнымъ, имѣлъ въ Турціи большія связи и одно

время игралъ крупную роль въ политической жизни своей страны. По его словамъ, онъ сталъ жертвой какой-то ужасной интриги и потерялъ тамъ свое милліонное состояніе. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ Турцію и былъ ея заклятымъ врагомъ. „Я готовъ мстить ей всю свою жизнь“, говорилъ онъ мнѣ съ пафосомъ, „я готовъ продать всю Турцію за полушку!“ И онъ дѣйствительно ее продавалъ, но только не за полушку, а десятки тысячъ, которыя умѣлъ очень скоро проживать. Вралъ онъ, конечно, много, но всегда со смысломъ и интересомъ. Онъ развивалъ мнѣ грандіозный планъ организаціи всемірной контръ-развѣдки. Онъ могъ дать агентуру въ Турціи, Австріи, Германіи, Швеціи, Италіи и даже на Сандвичевыхъ островахъ. Онъ умѣлъ говорить такъ увлекательно, съ такимъ очевиднымъ знаніемъ дѣла, что я и сейчасъ не могу не согласиться, что онъ во многомъ былъ правъ, развивая теорію борьбы по шпіонажу. Все дѣло было, конечно, въ денежныхъ средствахъ. Съ деньгами онъ брался овладѣть всей Турціей. „Гебенъ“ и „Бреслау“ шли, конечно, въ придачу.

„Не пушки возьмутъ Дарданеллы“, закончилъ онъ патетически, — „а мы съ вами!“

Къ сожалѣнію, на это надо было имѣть милліоны и громадное къ нему довѣріе въ смыслѣ распоряженія этими милліонами. А у меня не было ни того, ни другого. Его поѣздки въ Турцію, несомнѣнныя тамъ связи, наконецъ, тѣ свѣдѣнія, которыя онъ умудрялся доставлять намъ, все это доказывало, что онъ пользуется особыми правами и довѣріемъ у турецкаго правительства. На территоріи Румыніи онъ тоже пользовался особыми правами, какъ секретный сотрудникъ нашей контръ-развѣдки. Онъ покупалъ у насъ довѣріе къ нему, продавая Турцію, и вѣроятно пользовался довѣріемъ Турціи, продавая ей

Россію. Онъ торговалъ, какъ говорятъ, на обѣ лавочки. Это былъ, своего рода, Азефъ по шпіонажу. Все заключалось въ томъ, чтобы купить у него больше, чѣмъ онъ могъ продать за нашъ счетъ. Но я думаю, что лучше всего не пользоваться вовсе услугами такихъ Азефовъ, какъ бы они не были заманчивы. Не знаю, какъ въ политическомъ розыскѣ смотрѣли на работу провокаторовъ послѣ исторіи Азефа, когда провокація его дошла даже до террористическаго акта — убійства Вел. Князя Сергія Александровича, но думаю, что въ борьбѣ со шпіонажемъ пользоваться ихъ услугами еще опаснѣе. Румынскій министръ внутреннихъ дѣлъ, когда я доставалъ у него разрѣшеніе для Эксерджіана на право жительства въ Яссахъ, очень убѣждалъ меня не довѣряться Эксерджіану и прежде всего арестовать его самого, какъ шпіона.

Эксерждіанъ при свиданіи со мной настаивалъ, между прочимъ, на томъ, чтобы я далъ ему разрѣшеніе пріѣхать въ Севастополь для личнаго доклада его проекта объ организаціи заграничной агентуры. Онъ долго убѣждалъ меня въ интересахъ дѣла скорѣе при его участіи рѣшить всѣ важные вопросы. Очевидно, ему не только хотѣлось, но и крайне необходимо было пробраться въ Севастополь, но я категорически отказалъ ему въ этомъ. Мы разстались съ Эксерджіаномъ не совсѣмъ довольные другъ другомъ (онъ, конечно, болѣе, чѣмъ я), но мы условились скоро встрѣтиться, а порядочный кушъ денегъ, который я ему передалъ, до извѣстной степени, его успокоилъ.

У меня было еще одно дѣло въ Галацѣ. Румынскими властями были арестованы по обвиненію въ шпіонствѣ два русскихъ матроса съ „Потемкина“. Они сами изъявили желаніе дать весьма важныя показанія, но просили почему-то русскаго офицера.

Я допрашивалъ ихъ въ тюрьмѣ. Показанія ихъ были однородныя. Они оба участвовали въ возстаніи „Потемкина“ и съ тѣхъ поръ проживали въ Румыніи политическими эмигрантами. Жизнь ихъ была настолько тяжела, желаніе вернуться на родину настолько сильно, что они не разъ уже хотѣли отдаться въ руки правосудія, лишь бы покинуть жизнь скитальцевъ. Съ начала войны они неоднократно возбуждали ходатайство о помилованіи, изъявляя свою готовность поступить въ дѣйствующую армію. Результатъ этихъ ходатайствъ былъ неожиданный. Къ нимъ пріѣхалъ русскій жандармъ и обѣщалъ имъ устроить разрѣшеніе вернуться на родину, если они возьмутся тайнымъ образомъ провести въ Тирасполь динамитъ, который они получатъ у австрійскаго консула въ Галацѣ. Жандармъ объяснилъ имъ, что динамитъ этотъ предназначенъ австрійцами для взрыва желѣзнодорожнаго моста черезъ Днѣстръ, но что русскія власти вслѣдствіе нейтралитета Румыніи не могутъ арестовать здѣсь, въ Галацѣ, замѣшаннаго въ это дѣло австрійскаго консула и предполагаютъ захватить только динамитъ на русской территоріи. Этому разсказу они не повѣрили, но рѣшили согласиться, чтобы раскрыть тайну этого дѣла, рѣшивъ заранѣе дѣйствовать съ осторожностью. Жандармъ привелъ ихъ къ румыну, служившему въ префектурѣ, которому сказалъ: „Они согласны, дѣйствуйте“ Румынъ этотъ повелъ ихъ къ другому румыну, который объяснилъ имъ, что черезъ нѣсколько дней ихъ предупредятъ, и далъ немного денегъ. Русскаго жандарма они больше не видѣли. Всѣ переговоры они вели уже непосредственно съ послѣднимъ румынскимъ полицейскимъ. Черезъ нѣсколько дней ихъ дѣйствительно вызвали и повели на какую-то частную квартиру, гдѣ ихъ встрѣтилъ секретарь австрійскаго консула и условился съ ними, какъ и гдѣ они полу-

чать динамитъ и кому должны передать его. Австріецъ объяснилъ имъ, что въ предѣлахъ Румыніи они могутъ быть совершенно спокойны, такъ какъ ихъ будутъ „охранять" всю дорогу и помогутъ переѣхать границу, послѣ чего они должны быть очень осторожными и точно исполнить тѣ предписанія, которыя они получатъ еще въ пути. Въ ту же ночь ихъ провели въ подвалы австрійскаго консульства, и тотъ же австріецъ выдалъ имъ ящикъ динамита, документы на проѣздъ и деньги. Получивъ динамитъ, они благополучно довезли его до Яссъ, всю дорогу думая, на что имъ рѣшиться. Русскому жандарму они не вѣрили и были убѣждены, что онъ самъ же ихъ арестуетъ какъ шпіоновъ съ динамитомъ, лишь только они переѣдутъ русскую границу. Самое простое, казалось имъ, бросить свой опасный багажъ и самимъ скрыться съ полученными деньгами на любой станціи, не доѣзжая границы, но за ними велось строгое наблюденіе при участіи, опять-таки, того же самаго полицейскаго румына. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, они рѣшили въ Яссахъ заявить обо всемъ румынскимъ властямъ, думая, что этимъ они заслужатъ себѣ даже награду. Но дѣло повернулось для нихъ хуже, чѣмъ они полагали. Ихъ арестовали, динамитъ отобрали, а самихъ отправили обратно въ Галацъ, гдѣ послѣ нѣскольких допросовъ освободили, но запретили выѣзжать изъ Галаца.

„Мы жили все время въ ужасномъ страхѣ", говорили они. „Пріѣзжалъ къ намъ русскій жандармъ и грозилъ насъ разстрѣлять. Румынъ, служившій въ префектурѣ, дѣлалъ намъ всякія пакости. Австрійскіе шпіоны знали насъ, и мы могли ожидать ихъ мести за провалъ ихъ намѣренія. А потому мы рады были, когда Румынія вступила въ войну, и насъ опять арестовали, какъ шпіоновъ."

Ихъ показаніе во многомъ подтвердилось даль-

нѣйшей агентурной развѣдкой. Русскій жандармъ, конечно, обнаруженъ не былъ, и его участіе въ настоящемъ дѣлѣ не совсѣмъ выяснилось. Былъ ли это дѣйствительно жандармъ, усвоившій изъ своей предыдущей практики всѣ выгоды провокаціи, и въ цѣляхъ полученія награды самъ способствовалъ австрійскимъ и румынскимъ шпіонамъ, чтобы самому и поймать ихъ на мѣстѣ преступленія, или это былъ просто шпіонъ, предпочитающій, чтобы рискъ несли другіе, а на его долю оставались только барыши — сказать трудно. Но вообще сообщничество австрійскаго консула, румынскихъ полицейскихъ чиновъ и русскаго жандарма — путанная исторія и могла имѣть мѣсто только при той двойственной политикѣ, которую вела Румынія. Дѣйствительно, продажная страна и еще до войны деморализованная сверху до низу.

ГЛАВА IV.

Въ началѣ 7-го часа утра, когда я уже проснулся, но еще лежалъ въ кровати, я вдругъ услышалъ глухой ударъ, легкое содроганіе всего дома и дребезжаніе стеколъ. Первая моя мысль была о землетрясеніи, потомъ о взрывѣ пороховыхъ погребовъ. Я побѣжалъ къ окну и увидѣлъ надъ Севастопольской бухтой высокій столбъ дыма и громадную черную тучу, повисшую надъ городомъ. Я не успѣлъ еще одѣться, какъ меня увѣдомили по телефону, что въ бухтѣ, стоя на якорѣ, взорвался броненосецъ „Марія", и что всѣ власти выѣхали на мѣсто катастрофы. Я тотчасъ же побѣжалъ на Графскую пристань и, выѣхавъ на катерѣ въ бухту, увидѣлъ ужасную картину. Дымъ еще не вполнѣ разсѣялся. По всей бухтѣ плавали щепы разбитаго корабля. Броненосецъ уже лежалъ на боку, а кругомъ барахтались въ водѣ окровавленные истерзанные люди. Всюду разносились душу раздирающіе крики. Нѣсколько катеровъ спасали утопающихъ. Адмиралъ Колчакъ былъ уже тамъ. Броненосецъ продержался еще нѣкоторое время, затѣмъ съ грохотомъ повернулся килемъ вверхъ и медленно погрузился въ воду. Все было кончено. Красы Черноморскаго флота не стало! „Марія" погибла.

При этой ужасной катастрофѣ погибло болѣе 400 человѣкъ и около 700 было ранено. Всѣ госпи-

тали были переполнены. Весь Севастополь одѣлся въ трауръ.

Образованная особая комиссія немедленно же приступила къ разслѣдованію причинъ катастрофы. Контръ-развѣдка съ своей стороны старалась освѣтить это кошмарное происшествіе. Изъ допроса почти всѣхъ оставшихся въ живыхъ матросовъ картина катастрофы выяснилась достаточно ясно. Въ пороховомъ погребѣ подъ носовой башней отъ неизвѣстной причины вспыхнулъ огонь. Поднявшіеся въ башенное отдѣленіе дымъ и газы надули чехлы пушекъ. Пробили тревогу, и команда спѣшно начала развертывать пожарные шланги. Скоро послѣдовавшій небольшой взрывъ обнаружилъ пожаръ, но никакой попытки затушить его сдѣлать не успѣли, такъ какъ почти сейчасъ же послѣдовалъ страшный взрывъ всего порохового погреба. Къ сожалѣнію, наиболѣе цѣнные свидѣтели, а именно тѣ, кто былъ ближе всего къ мѣсту взрыва, — конечно, погибли. Всѣ же другіе матросы, находившіеся въ моментъ катастрофы на другомъ концѣ броненосца и потому менѣе пострадавшіе, несмотря на все свое желаніе дать болѣе или менѣе опредѣленное показаніе, такъ какъ, видимо, вопросъ о причинахъ гибели броненосца всѣхъ ихъ глубоко интересовалъ, — ничего цѣннаго дать не могли. Выяснить отъ какой именно причины произошелъ взрывъ, есть ли это просто несчастный случай или умышленное преступленіе, — къ сожалѣнію, не удалось. Виновниковъ не нашли. Быть можетъ ихъ не было, быть можетъ они погибли. Море похоронило эту тайну. Слѣдствіе однако выяснило, что доступъ на броненосецъ посторонняго лица не былъ обставленъ достаточными мѣрами предосторожности. На „Маріи“ происходили постоянныя ремонтныя работы. Ежедневно въ 7 час. утра къ „Маріи“ подходилъ катеръ и привозилъ портовыхъ рабочихъ разныхъ спе-

ціальностей. Количество ихъ опредѣлялось извѣстнымъ нарядомъ, но строгой провѣрки ихъ при входѣ на броненосецъ не производилось. Никакой поименной переписи ихъ не было. Кто именно изъ рабочихъ попадалъ въ тотъ или иной день въ нарядъ — не было извѣстно. Записей не велось, и рабочіе попадали, какъ случалось. Мастера приходили со своими инструментами и свертками, въ которыхъ приносили свой обѣдъ. Никто при этомъ ихъ не осматривалъ, и по окончаніи работъ число уѣзжающихъ на берегъ не провѣрялось. Иногда нѣкоторые рабочіе оставались на ночь и размѣщались на ночлегъ, гдѣ имъ вздумается, безъ особаго за ними надзора. При такихъ порядкахъ нельзя было выяснить даже того, кто именно работалъ наканунѣ взрыва, и всѣ ли рабочіе на ночь съѣхали съ корабля. Такъ одинъ матросъ показалъ, что, выйдя изъ кубрика около часу ночи и направляясь въ уборную, онъ встрѣтилъ въ темномъ корридорѣ двухъ рабочихъ съ фонаремъ, но не обратилъ на это особаго вниманія, такъ какъ рабочіе очень часто оставались на ночныя работы. Судя по этому показанію, любой рабочій могъ незамѣтно остаться на ночь на броненосцѣ и свободно ходить, куда ему вздумается. Конечно, проникнуть въ пороховой погребъ, оставаясь незамѣченнымъ, не представлялось возможнымъ, но при работахъ въ кубрикахъ или въ нижнемъ башенномъ помѣщеніи спустить какой-либо предметъ черезъ вентиляторы было не трудно.

Много было также обращено вниманія на то, не произошелъ ли взрывъ отъ причины, лежащей въ составѣ снарядовъ, вслѣдствіе недостаточно еще изслѣдованныхъ болѣзней взрывчатаго новаго вещества. Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ быть только одинъ: „возможно.“

Арестъ цѣлаго ряда рабочихъ, сдѣланный, такъ сказать, больше „для порядка“, и допросъ ихъ, ко-

нечно, никакихъ результатовъ не далъ, да и не могъ дать. Особая слѣдственная комиссія на основаніи весьма обширнаго, но весьма не цѣннаго матеріала вынесла свое постановленіе, которое и надо было ожидать, но которое, конечно, никого не могло удовлетворить, а именно, что взрывъ произошелъ, вѣроятно, отъ самовозгоранія пороха по неизслѣдованнымъ причинамъ, но, однако, возможно и предположеніе о наличіи преступнаго злоумышленія.

Итакъ, допускалась мысль и о возможности дѣйствія злого умысла. „Возможно" — короткое слово, но какимъ ужасомъ вѣетъ отъ него въ данной катастрофѣ. И если къ ужасу всей Россіи лучшій броненосецъ дѣйствительно погибъ отъ руки шпіона, то не лучше ли было дать хотя бы завѣдомому провокатору Эксерджіану милліонъ, но предупредить гибель броненосца и тысячи человѣческихъ жертвъ. И если одинъ человѣкъ могъ взорвать броненосецъ, то не могли ли и „мы съ Эксерджіаномъ, какъ онъ говорилъ, взять Дарданеллы." Тутъ есть надъ чѣмъ подумать. Но объ этомъ нужно было думать раньше, а не тогда, когда Черное море похоронило въ своихъ водахъ опору и красу Черноморскаго флота и навѣки покрыло холодными волнами тайну ея гибели.

ГЛАВА V.

Я получилъ новую командировку и ночью садился на миноносецъ, отходящій въ Сулинъ, когда начальникъ контръ-развѣдки по секрету сообщилъ мнѣ, что только что получена телеграмма объ отреченіи Императора Николая II и о захватѣ власти Временнымъ Правительствомъ во главѣ съ Керенскимъ. По приказу командующаго Черноморскимъ флотомъ строжайше запрещалось разглашеніе настоящаго сообщенія до выясненія подробностей и степени достовѣрности государственнаго переворота. Согласно сдѣланнаго распоряженія на это время была задержана вся почта и всѣ телеграфныя сообщенія. Однако, я былъ уполномоченъ секретно предупредить начальника морской обороны Уст. Дуная адмирала Ф. въ Сулинѣ, куда я ѣхалъ.

Сулинъ-прескверный городишка. Одна набережная вдоль мутнаго канала да нѣсколько старыхъ, развалившихся домовъ. Ежедневно прилетавшіе германскіе аэропланы разрывными бомбами продолжали ихъ естественное разрушеніе. Съ тяжелымъ настроеніемъ я медленно шелъ по набережной и уныло озирался на пустынныя улицы, когда мое вниманіе было обращено на странное поведеніе матросовъ. Всѣ они почему-то быстро сворачивали съ набереж-

ной и прятались по дворамъ. Я съ тревогой посмотрѣлъ на небо, ожидая увидѣть германскій аэропланъ, но небо было чистое, и кругомъ ничего угрожающаго жизни не было. Я заинтересовался, свернулъ съ набережной и, подойдя къ двумъ матросамъ, прятавшимся подъ воротами, спросилъ о причинѣ ихъ паники.

„Адмиралъ идетъ!“ сказалъ одинъ изъ нихъ.

„Ну такъ что же?“ спросилъ я, недоумѣвая.

Матросы замялись.

„Почему же вы прячетесь?“

„Суровъ . . . сильно строгъ!“

Однако! подумалъ я. Должно быть не въ мѣру строгій адмиралъ! Какъ-то онъ отнесется къ государственному перевороту.

Я явился къ нему нѣсколько позже въ штабъ тоже съ невольнымъ страхомъ и объяснилъ ему цѣль своей командировки. Въ Сулинѣ завѣдывающимъ контръ-развѣдывательнымъ пунктомъ былъ капитанъ П. Адмиралъ жаловался намъ на крайне безпокойный его характеръ и просилъ, если возможно, или успокоить его, или замѣнить кѣмъ-нибудь другимъ. Капитанъ П. дѣйствительно забрасывалъ адмирала донесеніями и жалобами на румынъ въ такомъ количествѣ, что, по словамъ адмирала, ему ничего не оставалось дѣлать, какъ заниматься только этими донесеніями. Капитанъ П. смотрѣлъ на всѣхъ румынъ, какъ на предателей и шпіоновъ, и настаивалъ на арестѣ чуть ли не всѣхъ находящихся въ Сулинѣ румынскихъ властей. Не встрѣчая въ этомъ отношеніи отъ адмирала сочувствія, онъ находилъ нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что самолично ругался со всѣми румынами, иногда положительно съ ними дрался, помимо адмирала, арестовалъ нѣсколько должностныхъ лицъ, и адмиралу волей неволей приходилось вмѣшиваться въ эту исторію, чтобы не

создавать серіознаго конфликта. Капитанъ П. въ свою очередь жаловался мнѣ на адмирала, упрекая его въ бездѣятельности и попустительствѣ. По его убѣжденію онъ велъ самую правильную атаку противъ шпіоновъ, которыми, по его мнѣнію, были всѣ находящіеся въ Сулинѣ румыны.

Когда я объявилъ адмиралу, что по распоряженію начальника контръ-развѣдки капитанъ П. переводится въ Измаилъ, а на его мѣсто будетъ назначенъ человѣкъ болѣе умѣреннаго направленія, адмиралъ очень обрадовался. Затѣмъ я сообщилъ ему о совершившемся государственномъ переворотѣ. Что чувствовалъ и переживалъ при этомъ адмиралъ, сказать трудно, но внѣшне онъ принялъ это извѣстіе довольно спокойно.

Я оставался въ Сулинѣ нѣсколько дней и мнѣ пришлось познакомиться съ адмираломъ немного ближе. Какъ мое первое впечатлѣніе, такъ и все мое дальнѣйшее знакомство съ нимъ, совершенно не соотвѣтствовало тому представленію, какое я могъ составить о немъ по своему наблюденію за разбѣгающимися отъ него матросами. Это былъ на рѣдкость любезный и обходительный человѣкъ и начальникъ. А въ обществѣ онъ былъ просто незамѣнимый въ смыслѣ умѣнія поднять общее настроеніе и веселье.

Интересно, что уже много позже, при оккупаціи Одессы французскими войсками, когда адмиралъ Ф. былъ командиромъ корпуса морской обороны, а я офицеромъ его штаба, онъ какъ-то вспомнилъ мой пріѣздъ въ Сулинъ и сознался, что въ то время былъ убѣжденъ, что я пріѣзжалъ со специальной цѣлью вести за нимъ наблюденіе. Конечно, въ задачи контръ-развѣдки входило наблюденіе рѣшительно за всѣми, но я не знаю, какія основанія были у адмирала такъ понять мою командировку. Помню еще

одинъ однородный случай. Въ 1917 г., когда я былъ начальникомъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія Николаевскаго раіона, ординарецъ командира Николаевскаго порта, адмирала П., очень часто приходилъ ко мнѣ въ отдѣленіе съ приказами или казенными пакетами или, чтобы взять ихъ для отправки въ Севастополь. Это убѣдило адмирала П. въ томъ, что ординарецъ его состоитъ у меня тайнымъ агентомъ и даетъ мнѣ о немъ секретныя свѣдѣнія. Какъ-то полушутя, полусерьезно, онъ объявилъ мнѣ, что онъ рѣшительно ничего не имѣетъ противъ этого. Я, конечно, постарался разубѣдить его.

Изъ этого я вывожу, что контръ-развѣдку боялись не только германскіе шпіоны, но и русскіе адмиралы, — боюсь только, что какъ тѣ, такъ и другіе недостаточно основательно.

Изъ Сулина я проѣхалъ на нѣсколько дней въ Килію, чтобы посодѣйствовать нашему чиновнику для порученій организовать тамъ контръ-развѣдку и заставить его быть болѣе дѣятельнымъ. Въ противоположность капитану П. этотъ чиновникъ относился къ своему назначенію очень пассивно, будучи увѣренъ, что шпіоны сотнями переходятъ границу, и что никакая контръ-развѣдка тутъ ничего не подѣлаетъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно солидаренъ съ мнѣніемъ адмирала Т., который въ образованной мною въ г. Николаевѣ комиссіи по выработкѣ чрезвычайныхъ мѣръ охраны Николаевскихъ судостроительныхъ заводовъ категорически мнѣ заявилъ, что принятіе какихъ-либо мѣръ въ этомъ отношеніи совершенно безполезно, такъ какъ все равно, что нѣмецъ захочетъ, то и сдѣлаетъ. Но нашъ чиновникъ кое-что сдѣлалъ все-таки. Онъ завелъ въ городѣ двѣ конспиративныя квартиры, гдѣ собиралъ своихъ агентовъ, приглашалъ дѣвицъ и вмѣстѣ съ ними пьянствовалъ, а послѣ отправлялся съ охот-

никами въ Дунайскіе камыши и тамъ выслѣживалъ и подстрѣливалъ шпіоновъ, какъ зайцевъ.

Мнѣ пришлось закрыть конспиративныя квартиры, въ одной изъ которыхъ я даже нашелъ двухъ, яко бы временно, поселившихся дѣвицъ, и прекратить своеобразную охоту, устроивъ съ согласія военныхъ властей постоянные воинскіе пикеты. Послѣ этого чиновникъ окончательно разочаровался въ контръ-развѣдкѣ и скоро самъ просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Севастополь сдать должность.

Изъ Киліи я проѣхалъ въ Измаилъ, гдѣ во главѣ контръ-развѣдки уже стоялъ переведенный изъ Сулина капитанъ П. Здѣсь онъ, можно сказать, благодушествовалъ. По свѣдѣніямъ агентуры дѣйствительно черезъ Дунай подъ видомъ бѣженцевъ изъ завоеванныхъ уже нѣмцами мѣстностей (въ то время нѣмцы уже подошли къ Дунаю и обстрѣливали Галацъ) въ Измаилъ просачивалась масса шпіоновъ и агитаторовъ. Воинскія части задерживали въ камышахъ Дуная всѣхъ безъ разбора и приводили къ нему цѣлыми партіями въ 30—40 человѣкъ. Какъ разобрать въ этой толпѣ, кто изъ нихъ дѣйствительно бѣженецъ, кто шпіонъ, мнѣ казалось совершенно невозможнымъ. Но капитанъ П. былъ убѣжденъ, что нѣтъ ничего легче этого. „Шпіона по рожѣ видать“, увѣрялъ онъ меня. Рожа, конечно, рожей, но какой-то агентъ, бывшій приставъ въ Измаилѣ, разжалованный революціей, убѣдилъ его, что германцы своимъ шпіонамъ для безпрепятственнаго ихъ возвращенія черезъ фронтъ ставятъ на з-цѣ особыя клейма, которыя онъ яко бы самъ видѣлъ у нѣкоторыхъ сознавшихся шпіоновъ. Капитанъ П. повѣрилъ этой чепухѣ и потому смотрѣлъ не только „рожу“, но и з-цу, отыскивая на ней эту своеобразную визу.

Случилось такъ, что я былъ еще въ Измаилѣ, когда туда же пріѣхалъ адмиралъ Ф., получившій

новое назначеніе. Увидя снова меня, онъ вѣроятно окончательно убѣдился, что я слѣжу за нимъ, а потому, какъ мнѣ теперь кажется послѣ его признанія, постарался ускорить мой отъѣздъ въ Севастополь. Онъ сообщилъ мнѣ, что имѣетъ весьма срочные секретные пакеты на имя командующаго Черноморскимъ флотомъ и просилъ меня, какъ можно скорѣе, доставить ихъ по назначенію, для чего предложилъ мнѣ воспользоваться отходящимъ въ Севастополь миноносцемъ. Такъ какъ мнѣ самому больше нечего было дѣлать въ Измаилѣ и хотѣлось къ Пасхѣ вернуться домой, то я, конечно, воспользовался этимъ случаемъ и на другой же день былъ уже въ Севастополѣ.

ГЛАВА VI.

Адмиралъ Колчакъ, конечно, поступилъ правильно, съ должной осторожностью, что до полнаго выясненія происшедшаго въ Петроградѣ государственнаго переворота не огласилъ сейчасъ же полученныхъ имъ свѣдѣній и такимъ образомъ заставилъ весь Черноморскій флотъ и Севастополь прожить лишнихъ два дня монархіи. Однако, впослѣдствіи это было поставлено ему на видъ.

Революція, встрѣченная съ большимъ восторгомъ и вѣрою въ новую свѣтлую эру исторіи Россіи, не отразилась въ Севастополѣ какими-либо замѣтными потрясеніями. Я бы сказалъ даже, что въ Севастополѣ революція не внесла даже значительныхъ измѣненій. Все осталось, какъ бы по прежнему. Образовавшійся совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ поражалъ своей лойяльностью, и къ нему относились съ должнымъ довѣріемъ. Никакихъ эксцессовъ съ его стороны не было, и сотрудничество съ нимъ считалось не только возможнымъ, но и желательнымъ. Но было одно обстоятельство, которое смущало очень многихъ. Смущалъ составъ Временнаго Правительства. Всѣ, казалось, ожидали, что послѣ сверженія монархіи во Временное Правительство должны войти люди, облеченные высшей степенью народнаго довѣрія, такъ сказать, общественные кумиры, а не случайныя лица, захва-

ченныя народной стихіей и, какъ мыльные пузыри, вынесенныя на поверхность. Въ особенности изумляло и даже просто возмущало главенство плохенькаго адвоката изъ жидковъ Сашки Керенскаго. У насъ въ контръ-развѣдкѣ служили въ качествѣ завѣдывающихъ наружнымъ наблюденіемъ высшіе чины департамента полиціи, которые категорически заявляли, что Керенскій имъ хорошо извѣстенъ, какъ провокаторъ, который предавалъ своихъ товарищей — рабочихъ по партіи соціалъ-демократовъ. И вотъ этотъ тайный сотрудникъ департамента полиціи, провокаторъ и предатель, сталъ главой Временнаго Правительства!

Конечно, Керенскій при своей способности лгать и подличать можетъ возражать противъ этой, якобы, „низкой клеветы бывшихъ охранниковъ", но какой смыслъ имъ было тогда лгать, я не понимаю. А затѣмъ, развѣ Керенскій не спровоцировалъ всю революцію, предавъ ее въ руки большевиковъ? И какъ спровоцировалъ. Только опытный старый работникъ охранки могъ выдумать такую провокацію безкровной революціи.

Революція въ дѣятельность контръ-развѣдки внесла нѣкоторыя измѣненія. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ сначала имѣлъ очень смутное понятіе о контръ-развѣдкѣ и потому естественно обрушился на нее, смѣшивая ее просто съ охраннымъ отдѣленіемъ. Связь контръ-развѣдки съ жандармскими управленіями, служащіе у насъ чиновники департамента полиціи, тайная агентура, среди которой были бывшіе агенты охраннаго отдѣленія — все это дало основаніе думать, что контръ-развѣдывательное отдѣленіе вѣдаетъ тѣми же политическими дѣлами, что и бывшія жандармскія отдѣленія.

Въ виду этого пришлось знакомить совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ не только съ

задачами контръ-развѣдки, ничего общаго съ политикой не имѣющей, но также и со всей постановкой дѣла. Избранная для этой цѣли делегація отъ совѣта принуждена была выслушать въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ рядъ поучительныхъ лекціе, послѣ чего была образована особая комиссія при участіи той же делегаціи по вопросу о реформахъ контръ-развѣдки въ духѣ революціи.

Комиссія эта прежде всего постановила въ цѣляхъ расширенія дѣятельности контръ-развѣдки и продуктивности ея разбить раіонъ, входящій въ ея вѣдѣніе, на 5 частей и въ каждой изъ нихъ учредить самостоятельное контръ-развѣдывательное отдѣленіе съ особымъ начальникомъ во главѣ, съ подчиненіемъ ихъ всѣхъ штабу командующаго Черноморскимъ флотомъ.

Рѣшеніе это было вполнѣ цѣлесообразнымъ, но оно имѣло и свои дурныя стороны. Въ послѣднее время дѣло у насъ было уже налажено. Всѣ свѣдѣнія группировались у насъ въ отдѣленіи и затѣмъ по принадлежности разсылались въ отдѣлы для дальнѣйшей разработки. Все дѣло велось подъ руководствомъ одного лица, начальника отдѣленія, опытнаго работника. При проведеніи же новой реформы единство распалось, весь собранный матеріалъ пришлось разбить по отдѣленіямъ, отчего пропадала его цѣнность. Новымъ начальникамъ образовавшихся отдѣленій приходилось знакомиться съ обширнымъ новымъ для нихъ матеріаломъ. Все это, конечно, должно было, хотя временно, прервать налаженную работу, и многое пришлось начинать сначала.

Затѣмъ комиссія признала необходимымъ произвести основательную чистку служебнаго персонала. Всѣ чины департамента полиціи и агенты бывшихъ жандармскихъ отдѣленій были уволены. Эта мѣра лишила контръ-развѣдку опытныхъ работниковъ,

въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже незамѣнимыхъ. Но этого нельзя было избѣжать и пришлось уступить духу революціи. При выработкѣ штатовъ и назначеніи начальниковъ отдѣленій было выражено пожеланіе, чтобы контръ-развѣдывательныя отдѣленія, по мѣрѣ возможности, не нарушая конспираціи, работали въ контактѣ съ совѣтомъ р. и. с. д.

Какъ уже опытный работникъ, я былъ назначенъ начальникомъ контръ-развѣдки въ г. Николаевѣ, раіонъ котораго считался наиболѣе серьезнымъ по борьбѣ со шпіонажемъ, вслѣдствіе находящихся въ Николаевѣ судостроительныхъ заводовъ. Съ новыми полномочіями я выѣхалъ въ г. Николаевъ для организаціи контръ-развѣдывательнаго отдѣленія на новыхъ началахъ.

ГЛАВА VII.

Въ Николаевѣ у насъ уже была организована агентура, но дѣятельность ея была недостаточно продуктивна. Старшій сотрудникъ, завѣдывающій въ Николаевѣ агентурой, весьма тщательно собиралъ матеріалъ, но рѣшительно не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Приходилось въ Севастополѣ разбираться въ его агентурныхъ донесеніяхъ и направлять его въ дальнѣйшей разработкѣ. Даже такое событіе, какъ пожаръ на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ, во время котораго погибли всѣ аккумуляторы, доставленные на заводъ для новой подводной лодки, не вызвало съ его стороны всесторонняго обслѣдованія, и все дѣло ограничилось подробнымъ донесеніемъ о размѣрѣ пожара и причиненныхъ убыткахъ, которое очень мало отличалось отъ газетной репортерской замѣтки.

Я пріѣхалъ въ Николаевъ инкогнито и нѣсколько дней прожилъ, знакомясь съ городомъ и заводами, не ставя въ извѣстность даже завѣдывающаго агентурой. Прежде всего я посѣтилъ Балтійскій заводъ. Если принять во вниманіе, что на Балтійскомъ заводѣ спѣшно заканчивались работы на двухъ подводныхъ лодкахъ, если знать, какой великой тайной во время войны является спускъ каждой морской единицы флота, то, конечно, при входѣ моемъ на заводъ меня

должно было поразить полное отсутствіе какихъ-либо мѣръ предосторожности въ этомъ отношеніи.

Я былъ въ штатскомъ (даже не въ военномъ), никто меня не зналъ, и тѣмъ не менѣе никто не поинтересовался, кто я и зачѣмъ пришелъ на заводъ. Всѣ ворота были раскрыты настежь, и чрезъ нихъ свободно проходилъ всякій, кто хотѣлъ. Я прошелъ черезъ дворъ, вошелъ въ главный заводскій флигель, обошелъ мастерскія, остановился, чтобы посмотрѣть нѣкоторыя машины и работу рабочихъ — и ни въ комъ никакого участія. Интересуясь, до какой степени доходитъ русская халатность, я сталъ разспрашивать рабочихъ, скоро ли будетъ закончена лодка, когда назначенъ ея спускъ, — и къ своему удивленію получилъ на все охотные отвѣты. Тогда я обошелъ съ другой стороны лодки и сталъ подыматься по деревянному настилу на стоявшіе вокругъ лѣса. Встрѣтившійся мнѣ мастеръ, наконецъ, остановилъ меня въ моей дерзости.

„Вы куда?“ спросилъ онъ, впрочемъ такъ, какъ-будто даже случайно, просто изъ любопытства.

„На лодку“ — отвѣчалъ я.

„Зачѣмъ?“

„Посмотрѣть!“

„Нельзя“ — спокойно сказалъ онъ.

„Жаль“ — сказалъ я такимъ же тономъ и сталъ вмѣстѣ съ нимъ спускаться.

Мы молча спустились, я опять обошелъ лодку, осматривая ее со всѣхъ сторонъ и, уже не скрывая своей ироніи, громко въ присутствіи старшаго мастера спросилъ рабочихъ:

„Такъ вы говорите, что лодка будетъ спущена черезъ недѣлю?“

Всѣ молча переглянулись съ мастеромъ, который подозрительно посмотрѣлъ на меня.

„Да вамъ что нужно?“ подходя ко мнѣ спросилъ онъ.

„Ничего!“ я повернулся и пошелъ.

Онъ не сразу догналъ меня.

„Вы кто такой будете? спросилъ онъ, насупившись. Меня душила злоба.

„Прохожій!“ издѣваясь отвѣтилъ я.

„Какъ прохожій?“ оторопѣлъ онъ.

„А такъ, прохожій, который прошелъ весь вашъ заводъ, всѣ мастерскія“ . . .

„Тутъ гулять нельзя“ . . .

„А я почемъ знаю? . . . ворота отворены, народъ ходитъ“.

„Народъ — все рабочіе.“

Мастеръ еще разъ подозрительно окинулъ меня взглядомъ съ ногъ до головы. Къ нему присоединились двое рабочихъ. Я ждалъ, чѣмъ кончится эта комедія.

„Пойдемте къ управляющему!“ рѣшилъ онъ, наконецъ.

„Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я самъ его ищу, да вотъ обошелъ весь заводъ, а его не нашелъ!“

„А вотъ я васъ проведу! Идемте!“

„Идемте“, согласился я и въ сопровожденіи его и двухъ рабочихъ направился къ дому управляющаго.

Войдя въ небольшой огороженный садикъ, мы всѣ подошли къ балкону, на которомъ за накрытымъ столомъ сидѣлъ управляющій заводомъ инженеръ Ш. Передъ нимъ стоялъ кофейный приборъ и початая бутылка коньяку. Ш. продолжалъ пить кофе, когда мастеръ докладывалъ ему обо мнѣ.

„Ну что еще такое?“ недовольно спросилъ онъ, будучи замѣтно краснѣе нормальнаго, вѣроятно, отъ выпитаго коньяку.

„Да вотъ, господинъ, неизвѣстно кто, подошелъ къ лодкѣ и сталъ разспрашивать... не знаю, что ему нужно!“

„Это еще не все“, добавилъ я. „Я обошелъ весь заводъ и всѣ мастерскія.“

„А позвольте узнать, съ кѣмъ я говорю?“ грозно спросилъ меня Ш.

„Я, начальникъ контръ-развѣдывательнаго отдѣленія штаба командующаго Черноморскимъ флотомъ, стараясь быть какъ можно спокойнѣе, чтобы усилить эффектъ, отвѣчалъ я. „Пріѣхалъ съ особымъ предписаніемъ командующаго принять самыя строгія мѣры охраны заводовъ.“

„Эффектъ моихъ словъ былъ, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ при появленіи жандарма въ послѣднемъ актѣ „Ревизора“. Нѣкоторое время была, буквально, нѣмая сцена. Затѣмъ Ш. словно сорвался съ мѣста, извинился и даже, что было уже смѣшно, застегнулся на всѣ пуговицы. Поспѣшно предложивъ мнѣ стулъ, онъ самъ (вѣроятно отъ волненія) сталъ буквально бѣгать вокругъ стола, неистово ругая всю администрацію завода, рабочихъ, существующіе порядки (не только на заводѣ, но и вообще въ Россіи), стараясь во всемъ обвинить всѣхъ, кромѣ себя одного.

Рабочіе, видя чѣмъ кончилось дѣло, поспѣшно удалились.

Я понималъ, что поступилъ нѣсколько опрометчиво, открывъ свое инкогнито въ присутствіи рабочихъ, но съ одной стороны я не могъ сдержать своей злобы и желанія демонстративно сорвать ее на Ш., а съ другой стороны я хотѣлъ, чтобы рабочіе наглядно убѣдились въ безобразной постановкѣ охраны завода и чтобы мой пріѣздъ произвелъ на нихъ болѣе сильное впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи я не ошибся. Послѣ, моя агентура доносила мнѣ, что рабочіе разсказывали о моемъ неожиданномъ пріѣздѣ, о томъ, какъ я лично убѣдился въ безпорядкѣ на заводѣ и „пробралъ“ управляющаго, и что теперь пойдутъ разныя строгости. Если это

заставило рабочихъ быть болѣе осторожными и менѣе болтливыми, то моя цѣль была до извѣстной степени достигнута. Но возвращусь къ Ш.

Первое впечатлѣніе мое о Ш. было самое для него неблагопріятное. Правда, онъ былъ немного выпивши и застигнутъ мною какъ бы врасплохъ, но и всѣ мои послѣдующія свиданія съ нимъ только укрѣпляли первоначальное мое впечатлѣніе. Я положительно удивляюсь, какимъ образомъ такой „типъ" могъ занимать такую отвѣтственную должность. Зная, что я найду у него на заводѣ не охрану, а полное преступное безобразіе, онъ спѣшилъ предупредить меня своими объясненіями, имѣющими характеръ оправданія. Все, что ни дѣлалъ онъ, какъ ни старался, все шло изъ рукъ вонъ плохо! Заводъ недостаточно оборудованъ, нѣтъ самыхъ необходимыхъ инструментовъ, отпускаемыхъ суммъ не хватаетъ, всѣ его ходатайства остаются безъ удовлетворенія! Нельзя было даже устроить противупожарныя средства. Пожаръ уничтожилъ самый цѣнный складъ, а потому, что нечѣмъ было тушить, а заводъ стоитъ на рѣкѣ!

Я зналъ, что онъ подойдетъ къ этому пожару, и спросилъ его, какъ-будто ничего не зная:

„А отъ чего случился пожаръ?"

„А чертъ его знаетъ отчего", отвѣчалъ онъ, какъ мнѣ показалось умышленно развязно. „Нѣкоторые мои враги говорятъ, что я самъ поджегъ", добавилъ онъ съ чувствомъ глубокаго возмущенія.

Но и это возмущеніе и эта смѣлая его фраза мнѣ очень не понравились. Я, конечно, не былъ опытнымъ слѣдователемъ по уголовнымъ дѣламъ, но все же было что-то противное въ его кривой улыбкѣ, какъ бы искусственной, въ его глазахъ, слишкомъ нахальныхъ, въ той торжественности, съ которой онъ это сказалъ, — и мнѣ показалось невольно, что

сдѣлалъ онъ это съ дерзостью преступника, думая, что смѣло сказать самому тѣ подозрѣнія, которыя могутъ быть у слѣдователя, лучшее средство заставить его убѣдиться въ ихъ неосновательности.

Оффиціальное слѣдствіе, допросы цѣлаго ряда свидѣтелей, документальныя выемки, агентурныя свѣдѣнія, — все дало мнѣ достаточное основаніе убѣдитья въ виновности Ш. Пожаръ начался ночью, послѣ грандіозной попойки въ квартирѣ Ш. Самъ онъ, послѣ разъѣзда гостей, заперевъ квартиру, уѣхалъ съ какой-то дѣвицей въ номеръ гостинницы, гдѣ его съ трудомъ нашли только утромъ, когда пожаръ уже почти кончился, совершенно пьянымъ. Дѣвица эта сейчасъ же послѣ пожара скрылась неизвѣстно куда. Огонь, начавшійся въ квартирѣ Ш. въ верхнемъ этажѣ, съ какой-то подозрительной быстротой проникъ въ нижній этажъ, гдѣ почему-то временно были помѣщены нѣсколько баллоновъ съ бензиномъ. Въ сосѣднемъ отдѣленіи находились только что доставленные и даже не распакованные еще аккумуляторы, по распоряженію Ш. перенесенные за два дня до пожара изъ другого помѣщенія. Ключъ отъ входа въ нижній этажъ находился у Ш., вслѣдствіе отсутствія котораго пришлось очень долго ломать крѣпкія дубовыя двери. Главный пожарный кранъ находился въ мастерской на исправленіи, а у другого крана оказался прорваннымъ рукавъ. Пожарная помпа не работала. Ни одинъ изъ трехъ находящихся на территоріи завода телефоновъ не дѣйствовалъ и пожарныя городскія команды поэтому пріѣхали только тогда, когда весь корпусъ былъ уже въ огнѣ.

Я не буду приводить весь слѣдственный матеріалъ, который освѣтилъ дѣятельность Ш., какъ Германскаго шпіона. Дѣятельность эта проявлялась во всѣхъ распоряженіяхъ Ш., въ умышленной порчѣ

матеріаловъ, въ искусственномъ замедленіи работъ по постройкѣ подводныхъ лодокъ, въ возбужденіи рабочихъ, въ распространеніи на заводѣ всякаго рода прокламацій и т. д. Желая скрыть свое германское происхожденіе, Ш. не нашелъ ничего умнѣе, какъ перевести свою фамилію на русскій языкъ, и сталъ именоваться Звѣздинымъ. Однако, оффиціально было доказано не только его нѣмецкое происхожденіе, но и его постоянная связь съ Германіей, гдѣ жила его мать, германская подданная, которая уже во время войны умудрилась дважды побывать въ Россіи и вернуться обратно въ Германію. По окончаніи слѣдствія я настаивалъ передъ командующимъ Черноморскимъ флотомъ о немедленномъ арестѣ Ш., но командующій нашелъ необходимымъ отправить весь мой докладъ на усмотрѣніе морского министра. Въ результатѣ въ г. Николаевъ прибыли одновременно двѣ комиссіи. Одна, оффиціальная, въ составѣ одного адмирала, двухъ военныхъ слѣдователей и прокурора, другая — неоффиціальная — присланная рабочими Балтійскаго завода въ Петербургѣ, состоящая изъ выборныхъ рабочихъ. Первая комиссія стала вновь производить оффиціальное слѣдствіе по дѣлу о пожарѣ, оставивъ въ сторонѣ весь остальной матеріалъ, собранный мною о дѣятельности Ш. Вторая — разслѣдовала всю дѣятельность Ш., какъ германскаго агента. Моя агентура скоро установила, что у Ш. имѣется своя агентура, которая вела наблюденіе не только за рабочей комиссіей, но и всѣми рабочими, которые допрашивались по моему указанію комиссіей. Всѣ эти рабочіе стали жертвою мстительности Ш., вслѣдствіе чего комиссіи скоро пришлось прекратить свою дѣятельность, и она уѣхала въ полномъ убѣжденіи виновности Ш. Напротивъ, адмиральская комиссія, пользуясь преимущественно матеріаломъ, который подсовывалъ ей Ш., а главное его объясне-

ніями, нашла въ дѣятельности его не преступленіе, а неопытность и непригодность его къ управленію заводомъ. Вслѣдъ за комиссіями выѣхалъ въ Петербургъ и самъ Ш. вмѣстѣ со своимъ ближайшимъ секретнымъ сотрудникомъ, мастеромъ завода К., посвященнымъ во всѣ дѣянія Ш. Какъ мнѣ стало извѣстно, Ш. давалъ тамъ свои личныя объясненія рабочимъ Балтійскаго завода, при чемъ во многомъ почему-то разошелся со своимъ сотрудникомъ, который подѣлился съ рабочими завода нѣкоторыми своими соображеніями, не понравившимися Ш. Между ними вышла какая-то ссора, послѣ чего Ш. и К. начали пьянствовать.

Ш. приказомъ морского министра былъ смѣщенъ съ должности. Возвращаясь обратно въ Николаевъ вмѣстѣ съ Ш., мастеръ К. въ вагонѣ безъ видомой причины упалъ безъ чувствъ и былъ доставленъ въ Николаевъ въ безнадежномъ состояніи. Врачи не могли выяснить какъ причины болѣзни, такъ и самой болѣзни. Больной, однако, передъ самой смертью пришелъ въ сознаніе и вдругъ сталъ умолять Христомъ Богомъ доктора и сестеръ милосердія, чтобы ему дали возможность прожить еще одинъ часъ, такъ какъ онъ хочетъ покаяться въ чемъ-то ужасномъ, а главное открыть одинъ величайшій секретъ, и при этомъ настаивалъ, чтобы къ нему позвали начальника контръ-развѣдки. Мнѣ дали знать по телефону, и я немедленно пріѣхалъ, но къ сожалѣнію больной уже впалъ въ агонію и умеръ полчаса спустя, не приходя въ сознаніе. Вскрытіе трупа, произведенное по моему настоянію, признаковъ отравленія не обнаружило, но смерть его все-таки осталась загадкой.

Ш. послѣ этой исторіи заперся у себя на квартирѣ и, не сдавая должности, предался пьянству. Онъ пилъ нѣсколько дней, и съ нимъ начались страш-

ные припадки. Онъ запиралъ двери на всѣ замки, заставлялъ окна шкафами, прятался въ темнотѣ, выбѣгалъ, иногда, въ садъ съ револьверомъ, увѣряя, что за нимъ слѣдятъ агенты контръ-развѣдки, которые прячутся за дверями или на чердакѣ, стрѣлялъ въ шкафъ съ платьями и, наконецъ, допился до бѣлой горячки или сошелъ съ ума. Умеръ онъ въ больницѣ вскорѣ послѣ смерти своего соучастника.

На заводѣ „Наваль“ и на Трубочномъ заводѣ дѣло охраны обстояло значительно лучше. Входъ на заводъ разрѣшался только по особымъ билетамъ, а рабочимъ по своимъ номерамъ. Внутри завода было болѣе порядка. Противопожарныя средства, въ особенности на заводѣ „Наваль“, оказались въ блестящемъ состояніи, — но все-таки я замѣтилъ массу упущеній въ смыслѣ охраны заводовъ и тайны государственныхъ работъ.

Охрана заводовъ была поставлена мною во главу задачъ контръ-развѣдки. Я понималъ, въ особенности послѣ гибели „Маріи“, что поимка нѣсколькихъ шпіоновъ не является обезпеченіемъ наиболѣе существенныхъ государственныхъ интересовъ, и что борьба съ ними принесетъ болѣе пользы, если будетъ направлена на парализованіе ихъ дѣятельности. Въ особенности въ Николаевѣ, все существенное значеніе котораго заключалось въ судостроительныхъ заводахъ, надлежало прежде всего обратить вниманіе на охрану заводовъ отъ проникновенія на нихъ злонамѣренныхъ элементовъ.

Въ этомъ отношеніи совѣтъ р. и с. д., съ которымъ я работалъ въ полномъ контактѣ, оказывалъ мнѣ большое содѣйствіе. Образованная мною особая комиссія при участіи директоровъ всѣхъ заводовъ и всѣхъ властей г. Николаева по разсмотрѣніи представленнаго мною проекта охраны заводовъ и городскихъ сооруженій (электрической станціи, телеграфа, водо-

качки и пр.) выработала особыя правила и мѣры, провести которыя въ жизнь удалось только благодаря содѣйствію совѣта. На всѣхъ заводахъ были устроены собранія рабочихъ, на которыхъ члены совѣта, по составленной мною инструкціи, объяснили рабочимъ задачи контръ-развѣдки и необходимость вводимыхъ на заводахъ исключительныхъ мѣръ охраны. Рабочимъ было внушено, что на ихъ собственной отвѣтственности лежитъ охрана заводовъ, и что всѣ строгости въ смыслѣ контроля ихъ и исполненія ими обязательныхъ постановленій комиссіей устанавливаются не только въ интересахъ государства, но и ихъ самихъ, защищая ихъ отъ злоумышленныхъ катастрофъ, жертвами которыхъ дѣлаются прежде всего сами же рабочіе. Совѣтъ рабоч. и солд. деп., по моему предложенію, образовалъ на каждомъ заводѣ свою секретную агентуру, которая слѣдила за исполненіемъ рабочими установленныхъ правилъ. Рабочіе заводовъ черезъ своихъ выборныхъ способствовали администраціи заводовъ проводить въ жизнь выработанныя правила контроля и охраны. Многіе мои доклады разсматривались непосредственно совѣтомъ раб. и солд. депут. и имъ же приводились въ исполненіе, снимая съ меня отвѣтственность и недовольство рабочихъ. По указанію контръ-развѣдки совѣтъ производилъ на заводѣ и у рабочихъ обыски и аресты, и мое значеніе благодаря успѣшности только укрѣплялось среди рабочихъ массъ.

Одинъ случай окончательно закрѣпилъ солидарность контръ-развѣдки съ совѣтомъ. По агентурнымъ свѣдѣніямъ я узналъ, что на заводѣ „Наваль“ образовалась группа рабочихъ-анархистовъ, которые имѣли на территоріи завода небольшой тайный складъ разрывныхъ бомбъ. Мои агенты выяснили всѣхъ участниковъ этой организаціи и нашли мѣсто склада. Я явился въ совѣтъ и доложилъ объ этомъ.. Нѣкотрые

члены совѣта (анархисты) заявили мнѣ, что лица эти имъ извѣстны, что они являются членами партіи анархистовъ, а не шпіонами, а потому не подлежатъ вѣдѣнію контръ-развѣдки. Я возразилъ, что контръ-развѣдка совершенно аполитична, и потому я далекъ, чтобы преслѣдовать ихъ, какъ анархистовъ, но въ цѣляхъ охраны заводовъ не могу допустить чтобы въ помѣщеніи завода хранились взрывчатыя вещества, независимо отъ того, кому они будутъ принадлежать. Совѣтъ согласился со мной и издалъ приказъ, согласно которому рабочимъ, независимо отъ ихъ политическихъ убѣжденій, строго воспрещалось приносить на заводы и хранить на ихъ территоріи взрывчатыя вещества. Послѣ этого членъ совѣта, анархистъ, взялъ у меня всѣ свѣдѣнія и обѣщалъ принять всѣ мѣры къ отобранію бомбъ.

Несмотря на все мое желаніе поставить контръ-развѣдку совершенно въ сторонѣ отъ политической борьбы, въ чемъ я видѣлъ залогъ успѣшности своей работы и сотрудничества съ совѣтомъ, мнѣ пришлось тѣмъ не менѣе выступить противъ большевиковъ при первомъ же ихъ появленіи въ Николаевѣ.

Я получилъ изъ штаба увѣдомленіе, что въ Севастополѣ появились агитаторы большевизма, матросы Балтійскаго флота, и что послѣ цѣлаго ряда устроенныхъ ими митинговъ на судахъ и заводахъ, они выѣхали съ той же цѣлью въ Николаевъ. Въ полученной мною телеграммѣ указывалось, что означенные матросы имѣютъ, очевидно, поддѣльные мандаты. Мнѣ предписывалось принять всѣ мѣры къ недопущенію устройства ими митинговъ и пропаганды забастовокъ, что могло весьма вредно отразиться на выходѣ въ Севастополь уже спущеннаго на воду новаго броненосца „Воли“.

По моему докладу совѣту о пріѣздѣ означенныхъ матросовъ въ Николаевъ и о тѣхъ мѣрахъ,

которыя должны быть приняты совѣтомъ для обезпеченія окончанія работъ и выхода „Воли“ въ Севастополь, — мнѣнія совѣта раздѣлились. Одни настаивали на провѣркѣ мандатовъ пріѣхавшихъ матросовъ и, въ случаѣ ихъ подложности, выслать матросовъ, какъ злостныхъ агитаторовъ, другіе высказались за допущеніе устройства ими митинговъ въ цѣляхъ объединенія настроеній и обмѣна мыслей съ представителями, хотя бы и неуполномоченными, Балтійскаго флота. Мнѣніе первыхъ восторжествовало въ томъ отношеніи, что совѣтъ рѣшилъ не допускать устройства митинговъ и въ случаѣ надобности пресѣчь опасную дѣятельность матросовъ. Вслѣдствіе этого, когда балтійскіе матросы явились въ совѣтъ, то они не встрѣтили радушнаго пріема. По выясненіи предъявленныхъ ими мандатовъ, имъ было указано, что они не могутъ, вслѣдствіе ихъ сомнительности, выступать какъ уполномоченные Балтійскаго флота. Однако, матросамъ все же удалось устроить нелегально, т. е. безъ разрѣшенія совѣта, митингъ на Балтійскомъ заводѣ, но они никакого успѣха не имѣли. Во-первыхъ, безъ содѣйствія совѣта матросамъ удалось собрать на митингъ сравнительно незначительную часть рабочихъ, а затѣмъ членъ совѣта при ихъ выступленіи, какъ делегатовъ Балтійскаго флота, заявилъ о сомнительности ихъ мандатовъ, чѣмъ лишилъ ихъ надлежащей авторитетности. Изъ ихъ агитаціи ничего не вышло. Никакихъ резолюцій вынесено не было, и дѣятельность завода не нарушалась никакими эксцессами.

Этотъ эпизодъ, самъ по себѣ не имѣвшій особой важности, тѣмъ не менѣе показалъ, насколько далеки еще были рабочіе Николаевскаго завода и самъ совѣтъ с. и р. д. отъ большевизма, который уже клокоталъ въ Петроградѣ и готовилъ новый ужасъ Россіи.

Работая совмѣстно съ совѣтомъ, я видѣлъ живое участіе его и желаніе работать на благо Россіи. Я видѣлъ также большую пользу его неутомимой дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ государственной и экономической жизни Россіи. Къ сожалѣнію, это было очень недолго . . . Списки всѣхъ рабочихъ, отправляемыхъ на „Волѣ“ въ Севастополь для продолженія тамъ работъ, провѣрялись совѣтомъ и направлялись ко мнѣ на распоряженіе. Достаточно было съ моей стороны указанія, что тотъ или иной рабочій является не вполнѣ благонадежнымъ, и совѣтъ вычеркивалъ его и замѣнялъ другимъ. По моему предложенію были выработаны особыя мѣры охраны при выходѣ „Воли“ въ море, и сами рабочіе несли сторожевую службу. За два дня было арестовано около 25 человѣкъ, связь которыхъ съ бывшимъ австрійскимъ консуломъ Ф. и вся послѣдующая дѣятельность вызвала у контръ-развѣдки основательныя опасенія. Члены совѣта безкорыстно оказывали свое содѣйствіе въ производствѣ арестовъ и обысковъ, на основаніи которыхъ противъ нѣкоторыхъ уличенныхъ въ шпіонажѣ было возбуждено уголовное преслѣдованіе.

„Воля“ благополучно вошла въ Севастопольскую бухту. Эскадра торжественно встрѣтила ее салютомъ. На всѣхъ судахъ, украшенныхъ флагами, гремѣла музыка. Несмолкаемое ура неслось по всей бухтѣ. Нарядная толпа радостно привѣтствовала ее съ бульвара, а въ воздухѣ горделиво парили гидропланы и бросали живые цвѣты.

Это были послѣдніе ясные дни Черноморскаго флота.

ГЛАВА VIII.

Керенскій, который такъ долго заискивалъ передъ все возрастающей властью совѣтовъ, такъ низко лакействовалъ передъ Ленинымъ и шелъ на предательство, лишь бы только сохранить свою власть, былъ сброшенъ, наконецъ, сапогомъ пьянаго матроса.

Керенскій бѣжалъ, какъ Іуда, продавшій за 30 серебрянниковъ Корнилова, но, къ сожалѣнію, не повѣсился, а захвативъ изъ Эрмитажа на всякій случай императорскіе брилліанты, первый скрылся изъ Россіи и съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный жидъ, осудилъ себя на вѣчное проклятіе.

Большевики захватили власть и устроили кровавый пиръ своей побѣды!

Контръ-развѣдка первая предусмотрѣла грядущую опасность большевизма. Стоя въ сторонѣ отъ политики, контръ-развѣдка видѣла въ Ленинѣ, прежде всего, германскаго агента. Донесенія контръ-развѣдки о прежней дѣятельности Ленина, о связи его съ германскимъ штабомъ, о полученіи имъ германскаго золота были такъ убѣдительны, чтобъ сейчасъ же его повѣсить, что только умышленно можно было не понимать этого и видѣть въ Ленинѣ не предателя Россіи, а политическаго дѣятеля. Попустительство, съ какимъ временное правительство отнеслось къ дѣятельности Ленина и К., явилось тѣмъ престу-

пленіемъ, которое наложило на все временное правительство печать вѣчнаго осужденія. Когда, на основаніи донесенія контръ-развѣдки министръ юстиціи Переверзевъ нашелъ необходимымъ начать оффиціальное разслѣдованіе, то Церетелли, Некрасовъ, Терещенко и Чхеидзе встали рѣшительно на сторону предателя Ленина. Подъ ихъ натискомъ Переверзевъ долженъ былъ уйти въ отставку, а его преемникъ — Зарудный и Малянтовичъ широко открыли двери для большевизма, выпустивъ изъ тюрьмы всѣхъ арестованныхъ большевиковъ. Напрасно Керенскій потомъ лепеталъ въ свое оправданіе, что онъ не въ силахъ былъ въ великіе дни революціи начать преслѣдованіе противъ своихъ же товарищей по борьбѣ съ самодержавіемъ. Ленинъ, какъ предатель, не могъ быть никому товарищемъ, и не упрека въ реакціонности боялся Керенскій, а просто, чувствуя себя слабымъ, спѣшилъ по-лакейски забѣжать впередъ и поклониться предателю, чтобы заслужить себѣ милость за свою угодливость и холопство.

Великое потрясеніе Россіи, какъ громовой ударъ, докатилось и до Севастополя, Николаева и Одессы. Въ Севастополѣ была устроена Варѳоломеевская ночь. Началась безсмысленная рѣзня офицеровъ, грабежъ буржуевъ, аресты тысячи неповинныхъ ни въ чемъ жертвъ пьянаго кроваваго разгула.

Колчакъ ознаменовалъ гибель Черноморскаго флота, символически бросивъ свою шпагу въ море!

Въ Николаевѣ встали судостроительные заводы, и началось быстрое ихъ расхищеніе. Въ городѣ впервые затукали пулеметы. Въ Одессѣ произошелъ продолжительный и упорный бой большевиковъ съ украинцами съ сотнями человѣческихъ жертвъ. Я какъ разъ только что пріѣхалъ въ Одессу и остановился въ гостинницѣ Бристоль. Ничего не подозрѣвая, я спустился въ ресторанъ и заказалъ себѣ

ужинъ, ожидая пріѣзда начальника контръ-развѣдки Одесскаго раіона, съ которымъ я сговорился по телефону. Лейтенантъ Г. пріѣхалъ съ тревожными вѣстями. Городомъ овладѣли большевики. Государственный банкъ, почта, весь портъ уже заняты ими. На вокзалѣ засѣли украинскія части. Ожидается бой. Совѣтуя мнѣ никуда не выходить въ этотъ вечеръ, онъ поспѣшно уѣхалъ.

Я еще не кончилъ ужинать, какъ раздались первые рѣдкіе, какъ бы случайные, выстрѣлы. Это были сигналы къ началу боя, послѣ которыхъ вдругъ, какъ горохъ, посыпались ружейные выстрѣлы, затрещали пулеметы и забухали броневики. Въ ресторанѣ гостинницы поспѣшно спустили желѣзныя жалюзи. Вестибюль гостинницы наполнился людьми, въ ужасѣ ищущихъ себѣ спасенія. На лѣстницѣ и въ корридорахъ шли оживленные толки сбѣжавшихся въ испугѣ постояльцевъ. Я поднялся къ себѣ въ номеръ и на всякій случай вынулъ изъ чемодана свой браунингъ и положилъ въ карманъ. Извѣстный мнѣ по своей благонадежности оффиціантъ явился ко мнѣ въ номеръ и шепотомъ посовѣтовалъ мнѣ запастись, пока не поздно, провизіей. Я понялъ, что это не лишено благоразумія и заказалъ что-то очень много. Онъ очень скоро принесъ мнѣ цѣлую индѣйку, горячія телячьи котлеты, массу хлѣба, консервовъ, сыру и бутылку коньяку. Послѣ мнѣ пришлось заплатить по колоссальному счету, но съѣсть мнѣ удалось только немного, такъ какъ ко мнѣ приходили потомъ питаться сосѣди по номеру, совсѣмъ незнакомыя мнѣ дамы и дѣти.

Когда я вновь спустился въ ресторанъ, то увидѣлъ довольно оригинальную, конечно по тому еще времени, картину. У буфета на полу лежала скатерть, снятая съ сосѣдняго стола. Какой-то бородатый мущина весь въ пулеметныхъ лентахъ, съ винтовкой

въ рукѣ и съ парою револьверовъ за поясомъ, грозно командовалъ, а двое другихъ такихъ же воинственныхъ джентльменовъ снимали со стойки буфета и складывали въ скатерть всѣ находящіеся на ней продукты: окорокъ ветчины, телятину, котлеты, цѣлый брусокъ сливочнаго масла, сыръ, сардины, хлѣбъ, словомъ все, что было въ красивомъ порядкѣ выставлено предусмотрительнымъ буфетчикомъ. Послѣдній, весь потный отъ страха, трясущимися руками помогалъ имъ заворачивать въ бумагу маіонезы и желе.

„Ну, что у васъ есть еще?" спросилъ храбрый піонеръ.

„Ничего!" убѣдительнымъ голосомъ отвѣчалъ буфетчикъ.

„Ну, а тамъ что, въ ледникѣ?" Поинтересовался экзекуторъ, заходя за стойку и открывая шкафы. „Пиво? Прекрасно, давайте пиво! Да вы не волнуйтесь", съ ироніей проговорилъ онъ буфетчику, видя его растерянный видъ, „вамъ будетъ за все заплачено. Завтра можете прислать счета въ любой банкъ . . . я сдѣлаю распоряженіе!"

Джентльмены завязали концы скатерти и, еще разъ пытливо осмотрѣвъ буфетъ и все зало ресторана, какъ бы соображая, что еще могло бы имъ пригодиться, вышли изъ ресторана при молчаливомъ недоумѣніи оффиціантовъ и собравшейся публики. Никто во все время этой исторіи не проронилъ ни слова. На всѣхъ нашло временное онѣмѣніе, настолько еще могла тогда поразить подобная наглость!

По уходѣ бандитовъ мы всѣ почувствовали себя такъ, какъ-будто насъ всѣхъ публично раздѣли. Впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ большевики распоряжались въ домѣ одного богатаго помѣщика, выворачивая сундуки и вынося даже мебель, — мнѣ уже не было такъ ужасно,

какъ — присутсвуя при этой первой „національзаціи“ буфета.

На улицахъ шелъ бой. Наша гостинница превратилась въ бастіонъ. На двухъ ея угловыхъ балконахъ были поставлены пулеметы. У самаго подъѣзда громыхалъ броневикъ, потрясая окна и заглушая смущенный шепотъ невольныхъ плѣнниковъ. Въ ресторанѣ на снѣхъ при содѣйствіи двухъ сестеръ милосердія былъ организованъ лазаретъ, куда приносили раненыхъ. Рвались на бинты простыни, и неутомимыя сестры всю ночь дѣлали перевязки. Вся гостинница огласилась стонами раненыхъ. Въ швейцарской на полу лежало три трупа. На ихъ лицахъ застылъ нѣмой ужасъ.

Въ то же время толпа вооруженныхъ солдатъ обходила всѣ номера гостинницы, дѣлала обыски, отбирала оружіе и арестовывала офицеровъ. Я былъ у себя въ номерѣ, когда меня окружила эта разнузданная толпа „товарищей“. Я судорожно сжималъ револьверъ, еще не зная, на что рѣшусь. Къ счастью у меня, кромѣ удостовѣренія штаба командующаго Черноморскимъ флотомъ, былъ еще мандатъ совѣта р. и с. д. Значеніе мое, какъ начальника контръразвѣдки при наличіи совѣтской печати было, очевидно, понято ими нѣсколько превратно, что я усмотрѣлъ изъ чрезмѣрной ихъ со мной обходительности. „Старшій“ извинился, что обезпокоилъ меня, и выдалъ мнѣ даже удостовѣреніе, что обыскъ у меня былъ произведенъ, увѣряя, что это гарантируетъ меня отъ повторенія „напраснаго безпокойства“. Тѣмъ не менѣе, когда они ушли, я почувствовалъ себя такъ отвратительно, что принужденъ былъ выпить коньяку, чтобы привести свои нервы въ порядокъ.

Всю ночь, конечно, никто не спалъ. Затихшая немного пальба возобновилась утромъ еще съ большей силой. Ресторанъ былъ закрытъ. Кухня была вся

разграблена. Только немногимъ счастливцамъ удалось запастить провіантомъ. Служащіе гостинницы съ рискомъ для жизни гдѣ-то добывали хлѣбъ, за который охотно платили по 50—100 рублей. Я вполнѣ оцѣнилъ услугу преданнаго мнѣ оффиціанта, предусмотрительно снабдившаго меня провіантомъ болѣе, чѣмъ на три дня. Но когда на второй день уже всѣ стали, буквально, голодать, мнѣ пришлось взять на свое иждевеніе нѣсколько дамъ и дѣтей. Нужно было видѣть съ какой трогательной благодарностью дѣти ѣли мою индѣйку!

Но не одинъ я былъ такъ счастливъ. Каждый, у кого случайно были запасы провіанта, спѣшилъ дѣлиться съ другими, чѣмъ могъ. Всѣ номера были открыты, и мы толпой переходили отъ одного окна къ другому, чтобы слѣдить за боемъ. На нашихъ глазахъ долго отбивался украинскій броневикъ отъ натиска осаждавшихъ его большевиковъ. Броневикъ испортился, но держался до послѣдняго своего заряда, послѣ чего онъ съ торжествующими криками былъ взятъ большевиками, и всѣ находящіеся на немъ украинцы были убиты.

Бой продолжался три дня. Наконецъ, всюду появились бѣлые флаги и разъѣзжающіе по всему городу автомобили объявляли о прекращеніи боя. Въ одинъ моментъ всѣ улицы заполнились обрадованной публикой. Всѣ бѣжали искать себѣ продовольствіе и спѣшили узнать новости и подѣлиться своими впечатлѣніями. Послѣ трехъ ужасныхъ дней всѣ вздохнули свободнѣе. И вдругъ, къ новому ужасу всѣхъ, раздались снова выстрѣлы и съ домовъ, оконъ, чердаковъ и подваловъ посыпались пули. Кто стрѣлялъ, откуда нападеніе, куда бѣжать — ничего нельзя было разобрать въ той ужасной суматохѣ, которая поднялась. При безпорядочной стрѣльбѣ пули летали по всѣмъ направленіямъ. На Дерибасовской улицѣ

ухнула разорвавшаяся бомба. Толпа въ паникѣ бросилась на Соборную площадь, но тамъ была встрѣчена пулеметами. Спасались во дворахъ, подвалахъ, лѣстницахъ, разбивая двери подъѣздовъ и стекла предусмотрительно закрывающихся магазиновъ . . . Но многіе остались лежать бездыханными трупами.

Бой кончился только къ ночи, когда украинцы отступили, и большевики окончательно овладѣли городомъ.

ГЛАВА IX.

Союзники идутъ! Союзники спасутъ Россію! Эта послѣдняя надежда послѣ всѣхъ разочарованій, безплодныхъ упованій на сверженіе большевиковъ изъ-внутри охватила всѣхъ придавленныхъ деспотизмомъ и тираніей большевистской банды. Союзники должны спасти Россію! Ихъ ждали каждый день! Ихъ ждали въ Петроградѣ, въ Москвѣ, въ Севастополѣ, вь Одессѣ . . . ждали на сѣверѣ и на югѣ и удивлялись ихъ необъяснимой медлительности. Многіе точно высчитывали, сколько дней нужно союзнической эскадрѣ, чтобы дойти до береговъ Чернаго моря, и были убѣждены, что эскадра стоитъ уже у Большого Фонтана. Но союзники медлили! Чего? Этого никто понять не могъ! Дни шли за днями, но надежды не гасли. Велика была вѣра въ союзниковъ!

Съ тѣхъ поръ прошло четыре года, четыре ужасныхъ года, а есть люди, которые все еще ждутъ эту спасительную союзническую эскадру. И каждый день ходятъ посмотрѣть на море, не покажется ли дымокъ, не поймутъ ли, наконецъ, союзники свой долгъ, не заговоритъ ли въ нихъ совѣсть и не придутъ ли спасти отъ ужасовъ чрезвычайки культурные мореплаватели и обходительные жантильомы, для спасенія которыхъ отъ германскаго разгрома такъ много русской крови было пролито въ великіе дни міровой

войны. Но нѣтъ, напрасныя надежды, напрасныя иллюзіи.

Наконецъ, помощь пришла. Но какая тяжелая, какая обидная для національнаго самолюбія! Помощь Германіи, нашихъ враговъ! Помощь побѣдителя, властнаго, торжествующаго и презирающаго насъ!

Нѣмцы вошли въ Николаевъ безъ боя. Проснувшись какъ-то рано утромъ, я изъ окна своей комнаты вдругъ увидѣлъ германскіе автомобили. Ихъ было мало, но даже въ ихъ малочисленности и томъ спокойствіи, съ которымъ германскіе офицеры въѣхали въ городъ, чувствовалась сила. Войска вошли въ городъ много позже и тоже весьма въ ограниченномъ количествѣ.

Но на другой же день весь городъ былъ разбитъ на участки, и вдоль всѣхъ улицъ были направлены пулеметы и пушки. Всѣ правительственныя и общественныя учрежденія были заняты и охранялись германскими войсками. Всюду были расклеены приказы германскаго командованія, въ которыхъ чувствовалась непреклонная воля и желѣзная рука. Населеніе спѣшило сдать оружіе. Послѣ своеволія большевиковъ всѣ почувствовали гнетъ германской законности.

Три дня прошло тихо и спокойно. Но вдругъ ночью опять затрещали пулеметы и загрохотали пушки. Выступили мѣстные большевики. Но нѣмцы раздѣлались съ ними скоро и ужасно. Были сожжены сотни домовъ. Большевики сжигались въ нихъ вмѣстѣ со своими семьями. Весь базаръ погибъ въ огнѣ. Пушки разнесли многія зданія. Убитыхъ и раненыхъ насчитывалось болѣе тысячи. Въ два дня все было кончено. Большевики жестоко поплатились за свое безумное выступленіе! Жизнь въ городѣ замерла . . . Съ тревогой ждали новаго выступленія . . . но у большевиковъ уже не было силъ! Нѣмцы окончательно ихъ подавили!

Я сжегъ всѣ дѣла контръ-развѣдки, сдалъ имущество въ Портовую контору и, думая, что я навсегда уже кончилъ свою военную службу, снялъ погоны . . .

Но я ошибся . . .

Я пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ мнѣ думалось можно скорѣе найти мирный трудъ. Хотя я не особенно вѣрилъ германской выдумкѣ — Украинѣ, но приходилось временно примириться въ надеждѣ, что все скоро измѣнится. Кіевъ былъ переполненъ безпогонными офицерами. Это были уже даже не офицеры, а бѣженцы, бѣдные бѣженцы, гонимые судьбой, безправные, бездомные, голодные, обносившіеся и измученные нравственно и физически. Это были изгои, люди безъ отечества, которое отвергло ихъ, забывъ всѣ ихъ подвиги и жертвы! Уныло, приниженно бродили они по безконечнымъ улицамъ Кіева, чувствуя себя чужими, отвергнутыми, забытыми въ своемъ же государствѣ.

И въ то же время подъ оркестръ музыки, гордо, побѣдоносно, съ сознаніемъ своего достоинства, сытые и прекрасно обмундированные по тѣмъ же улицамъ Кіева маршировали германскіе полки. Толпа восторженно смотрѣла на стройные ряды желѣзныхъ солдатъ.

А русскій офицеръ, старательно стеревъ съ шинели всѣ бывшія свои отличія, смущенно прятался въ толпѣ, боясь показать свое глубокое горе, свои невольныя слезы. Бѣдные изгои земли русской! Еще не знали вы тогда, какой тяжелый крестный путь предстоитъ вамъ, и что страданіямъ вашимъ не будетъ конца. Васъ будутъ гнать, преслѣдовать и избивать, какъ измѣнниковъ! Васъ будутъ призывать, посылать на смерть и муки, а въ награду предавать, бросая въ жертву вашимъ врагамъ! Печальный удѣлъ достался вамъ, великіе мученики, изгои земли Русской!

Общая судьба многихъ тысячъ русскихъ офицеровъ заставила ихъ искать помощи въ объединеніи. Организовывались различные союзы взаимопомощи. Наиболѣе многочисленнымъ и, кажется, наиболѣе дѣятельнымъ былъ союзъ взаимопомощи интеллигентныхъ воиновъ. Союзъ организовалъ нѣсколько отдѣльныхъ предпріятій, мастерскія, кооперативъ, столовую, артели и пр. Офицеры стали мастерами, сапожниками, газетчиками, музыкантами и даже оффиціантами. Такъ распылялась постепенно великая русская армія. Но лишь только откуда-то издалека, донесся сначала слабый, а потомъ настойчивый призывъ офицеровъ въ добровольческую армію, какъ забились сердца радостью, и всѣхъ потянуло туда, гдѣ, вѣрилось, возрождалась Великая Россія! Всѣ были преисполнены готовностью снова отдать себя всего на великое служеніе родинѣ . . . Но не было ни средствъ, ни силъ . . . Отрѣзанные большевиками отъ добровольческой арміи, не имѣя надлежащей информаціи и питаясь болѣе слухами весьма неопредѣленными, а зачастую и вымышленными, окруженные всякаго рода авантюрами и даже предательствомъ, не имѣя средствъ, чтобъ самостоятельно пробраться въ добровольческую армію — только немногіе могли осуществить свои желанія.

Но все-таки постепенно, одинъ за другимъ, организуясь въ группы, а еще чаще въ одиночку, офицеры бросали свои уже насиженныя мѣста и пробирались на Донъ къ Деникину, въ ряды Добровольческой Арміи.

Съ этой цѣлью я также выѣхалъ въ Одессу, а затѣмъ въ Николаевъ, гдѣ разсчитывалъ скорѣе найти средства и возможность проникнуть на антибольшевистскій фронтъ. Какъ въ Одессѣ, такъ и въ Николаевѣ, мнѣ удалось найти отдѣльныхъ представителей Добровольческой Арміи, собиравшихъ офицеровъ въ особыя

воинскія части съ цѣлью ихъ отправки въ Добровольческую Армію. Ихъ было даже слишкомъ много, отъ разныхъ бывшихъ полковъ, но, къ сожалѣнію, никто изъ нихъ не располагалъ достаточными средствами для дѣйствительной отправки, а все дѣло ограничивалось лишь записью, регистраціей и обѣщаніями. Я записался въ Одессѣ, записался въ Николаевѣ и одинаково безуспѣшно ждалъ результатовъ. Между тѣмъ событія не ждали, и жизнь принимала все болѣе безотрадныя и безсмысленныя формы.

Оккупація германцами всей Украины еще продолжалась, ихъ ставленникъ — гетманъ Скоропадскій еще сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, но сами нѣмцы почему-то потеряли свой удѣльный вѣсъ. Большевики поняли это и поднялись. Но вмѣстѣ съ большевиками стали волноваться украинцы, петлюровцы, махновцы и григорьевцы. Не обошлось дѣло и безъ союзниковъ, которые очевидно сами не понимая ничего въ политической игрѣ, то и дѣло, путали карты. Въ Одессѣ отъ нечего дѣлать стояла французская эскадра, а въ Николаевѣ тихо и плавно, какъ въ опереттѣ, качался англійскій миноносецъ.

Бѣдные Николаевцы окончательно потеряли голову. Не вѣря больше ни германцамъ, ни французской эскадрѣ, ни даже англійскому миноносцу (такъ какъ почему же знать, что вздумается ему въ скверную погоду), Николаевское Городское Общественное Управленіе, подъ давленіемъ обезпокоенныхъ жителей, стало подумывать объ организаціи самообороны. Если принять во вниманіе, что въ Николаевѣ было болѣе трехъ тысячъ офицеровъ, также нуждающихся въ самооборонѣ, то, казалось бы, чего проще устроить это во взаимныхъ интересахъ. Съ этой цѣлью были устроены собранія всѣхъ бывшихъ офицеровъ, которые конечно согласились соорганизовать и взять на себя защиту Николаева

при условіи поддержки ихъ общественнымъ Управленіемъ надлежащими, обезпечивающими ихъ существованіе, средствами. Къ сожалѣнію на этой почвѣ пошли безконечныя обсужденія. Соглашаясь въ принципѣ съ необходимостью использовать офицерство, какъ военную организованную силу, и дать для этого средства, Городское Самоуправленіе начало торговаться и въ концѣ концовъ предложило рѣшительно непріемлемыя условія. Послѣ, городъ дорого заплатилъ за свою излишнюю экономію. Вслѣдствіе отказа офицеровъ въ городскую самооборону пошелъ разный сбродъ. Собранный изъ безработныхъ, людей безъ имени и званія, пьяницъ и тунеядцевъ, организованный и вооруженный, этотъ сбродъ сталъ внушать жителямъ серіозную опасность. Ничего не дѣлая цѣлыми днями, самооборона только пьянствовала и устраивала ночныя буйства. Офицеры не остались безъ дѣла. По приказу Гетмана въ Николаевѣ начали формировать офицерскій полкъ. Офицеры призывались на положеніи рядовыхъ. Такъ какъ у Гетмана никакой власти фактически уже не было, то являлся только тотъ, кто хотѣлъ. Тѣмъ не менѣе сознаніе необходимости организаціи передъ надвигающейся опасностью заставило почти всѣхъ офицеровъ явиться на призывъ и снова встать подъ ружье.

Полкъ организовывался на началахъ и завѣтахъ прежней арміи, но такъ какъ вмѣсто солдатъ, которыхъ чему-то учили, были только одни офицеры, то командиръ полка положительно не зналъ, что съ нами дѣлать.

Мы стали рядовыми и поселились въ казармахъ, но за отсутствіемъ какихъ либо занятій, коротали время за игрою въ шахматы или въ винтъ. Для вида мы иногда по командѣ взводнаго выстраивались, дѣлали повороты, ружейные пріемы, но конечно не могли относиться къ этому, какъ къ серьезному

занятію. Самое непріятное конечно было ночевать въ казармахъ, но постепенно это не стало обязательнымъ, и большинство офицеровъ приходило въ казармы только для того, чтобы подѣлиться новостями.

Вообще наше положеніе казалось намъ не серьезнымъ. Мы все таки оставались русскими офицерами и не могли сдѣлаться украинцами. То, что мы были Гетманцами, а не Петлюровцами, было для насъ чисто случайнымъ. Убѣжденныхъ сторонниковъ той или иной партіи у насъ не было. Но къ Николаеву подходилъ непріятель, и мы готовились его защищать, хотя совершенно не знали, кто этотъ непріятель. Никакой развѣдки у насъ не существовало, и мы питались, какъ и всѣ, разными городскими слухами, въ которыхъ было много нелѣпостей. Но фактъ былъ тотъ, что гдѣ-то, правда въ далекѣ, громыхали пушки. Носились слухи, что большевики заняли Херсонъ и идутъ на Николаевъ, что на Николаевъ двигаются Петлюровцы, которые выбиваютъ изъ Херсона большевиковъ. Говорили наконецъ, что съ одной стороны наступаетъ Махно, а съ другой Григорьевъ, и что будто-то бы бой идетъ между ними. Словомъ нашествіе двунадесяти языковъ.

Не было никакой возможности разобраться въ этой путаницѣ сенсаціонныхъ слуховъ, а нѣмцы только усиливали неразбериху, заявляя, что они не допустятъ въ городѣ ни малѣйшаго „безпорядка", но почему то въ то же самое время сняли съ позицій всѣ пушки и пулеметы. Въ самый послѣдній моментъ, когда непріятель подошелъ уже къ „Водопою" (10 верстъ отъ Николаева), мы получили свѣдѣнія изъ Кіева, что нашъ панъ гетманъ болѣе не панъ, и не гетманъ, и что слѣдовательно мы стали какимъ-то интернаціональнымъ войскомъ.

Между тѣмъ на желѣзнодорожной станціи Николаевъ имѣло мѣсто совершенно анекдотическое про-

исшествіе. Со станціи „Водопой" на очевидно захваченномъ, но неизвѣстно отъ кого, паровикѣ пріѣхали два дюжихъ парня и потребовали начальника желѣзнодорожнаго участка инженера З. Ихъ проводили въ контору, и здѣсь между ними произошелъ знаменательный разговоръ:

— Вы здѣсь будете старшой? — спросилъ одинъ изъ нихъ инженера.

— Я, а что скажете?

— Такъ што мы хотимъ знать, кто у васъ здѣсь въ Николаевѣ?

— Да, кажется, еще никого — флегматично отвѣчалъ инженеръ.

— Ну такъ мы взяли Николаевъ.

— Берите!

— Ну а гдѣ здѣсь телефонъ, нельзя-ли переговорить съ Водопоемъ?

— Можно.

Инженеръ соединилъ проводъ, позвонилъ и передалъ трубку завоевателю, но такъ какъ послѣдній очевидно впервые пользовался телефономъ и, приложивъ ухо къ рупору, собирался говорить въ слуховую трубку, то инженеру пришлось дать ему надлежащія указанія.

По телефону былъ вызванъ какой-то Митричъ Матюгъ.

— Такъ что скажите Григорію, что мы Николаевъ взяли! — сказалъ побѣдоносно завоеватель. Такъ, больше ничего . . . значитъ взяли и только! Завоевателю очевидно было очень трудно съ непривычки говорить по телефону, гораздо труднѣе, чѣмъ было взять Николаевъ, потому что, повѣсивъ трубку, онъ облегченно вздохнулъ.

— Нельзя-ли гдѣ здѣсь напиться? — спросилъ онъ.

Онъ выпилъ большую кружку воды и на томъ же паровозѣ уѣхалъ.

Наконецъ мы рѣшили дѣйствовать. Съ утра мы всѣ были собраны въ казармахъ, и намъ были выданы патроны. Артиллерія (у насъ было 4 пушки) выѣхала на позиціи съ цѣлью обороны города. Нѣмцы смѣялись и увѣряли, что мы напрасно безпокоимся. Собственно говоря во всемъ городѣ больше всѣхъ безпокоился командиръ порта адмиралъ Р. К. Онъ уже наканунѣ распорядился о принятіи всѣхъ мѣръ къ бѣгству и съ этой цѣлью перевезъ на транспортъ свою семью, многочисленный багажъ, гувернантку и болонку. Вслѣдъ за адмираломъ конечно спѣшно стали занимать теплыя мѣста всѣ, кто познатнѣй и повиднѣй. Я говорю „теплыя мѣста" потому, что на транспортѣ было только нѣсколько каютъ, а все остальное — были угольныя ямы. Нѣкоторые жители продолжали еще вѣрить нѣмцамъ плюсъ англійскій миноносецъ и держали „нейтралитетъ". Мы же, офицеры, сидѣли у себя въ казармахъ въ полномъ невѣдѣніи, что совершается въ городѣ (еще менѣе — что вокругъ него) и ожидали дальнѣйшихъ распоряженій.

Около 8-ми час. веч. выяснилось, что нѣмцы уже оффиціально объявили нейтралитетъ, а англійскій миноносецъ какъ будто нечаянно далъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и замолкъ.

Въ 10 час. веч. наша артиллерія открыла огонь по Водопою. Въ двѣнадцать — къ намъ пріѣхалъ командиръ полка и объявивъ, что къ городу подходятъ петлюровцы, приказалъ выйти на позиціи. Позиціи эти, какъ я узналъ позже, были въ центрѣ города. Нашъ полкъ устроилъ огражденіе Порта и главной части города съ исключительной цѣлью обезпечить спокойную посадку на транспортъ всей Николаевской бюрократіи, которая перевозила на него не только свой ручной багажъ, но даже и мебель.

Я попалъ въ число пяти, оставленныхъ охранять казармы.

Помню, какъ томительно тяжело было сидѣть въ полутьмѣ длинныхъ опустѣлыхъ казармъ и прислушиваться къ рѣдкой пальбѣ пушекъ. Прошло два или три часа томительнаго бездѣйствія. Пушки замолкли. Я вышелъ на крыльцо казармы и сталъ прислушиваться. Кругомъ было все тихо. Гдѣ наши? Что съ ними? Неужели все кончено и всѣ ушли, забывъ насъ однихъ въ этихъ ужасныхъ казармахъ? Вернувшись, я услышалъ въ темномъ углу нашей казармы дѣтскій плачъ и увидѣлъ маленькихъ дѣтей: мальчика лѣтъ пяти и дѣвочку лѣтъ семи. Это были дѣти нашего кашевара, который запилъ и уже два дня исчезъ неизвѣстно куда. Дѣти ютились въ темномъ углу подъ лѣстницей и кормились остатками нашихъ обѣдовъ.

— Страшно . . . гдѣ папа? — спросила дѣвочка, когда увидѣла меня.

— Папа придетъ! Не плачьте! Ложитесь спать! — отвѣчалъ я. — Бояться нечего! Ты видишь, я здѣсь съ ружьемъ караулю, чтобы никто васъ не обидѣлъ.

Дѣвочка посмотрѣла на меня пытливыми глазами.

— Темно . . . зачѣмъ стрѣляютъ?

— Ничего, не бойся . . . Солдаты учатся стрѣлять и сейчасъ всѣ придутъ сюда. Идемте, я положу васъ на кровать . . . тамъ свѣтло и не страшно . . .

Я провелъ ихъ въ канцелярію, уложилъ ихъ на кровать писаря, покрылъ одѣяломъ и приказалъ спать. Но дѣти не спали и все время слѣдили за мной глазами. Они не понимали, но чувствовали, что въ необыкновенной тишинѣ казармы было что-то страшное, жуткое! Страшное не только для нихъ, но и для меня.

Я услышалъ голоса и вышелъ узнать, въ чемъ

дѣло. Нѣсколько офицеровъ прибѣжали и спѣшно забирали свои вещи.

— Что случилось?

— Петлюровцы въ городѣ! Артиллеристы побросали свои пушки и на лошадяхъ проѣхали на транспортъ. Всѣ власти уже съ утра сидятъ на пароходѣ . . .

— А гдѣ наши?

— Наши охраняютъ посадку, но большинство уже побросали винтовки и разбѣжались по квартирамъ!

— Значитъ отступаемъ . . . но куда?

— Приказано садиться на транспортъ . . . Впрочемъ кто хочетъ, можетъ, остаться.

Офицеры забрали свои вещи и поспѣшно удалились. Что же было дѣлать намъ?

Можно-ли было вѣрить офицерамъ, и смѣли-ли мы оставить всю казарму со всѣмъ имуществомъ на разграбленіе, не получивъ на это приказанія? Мы рѣшили исполнить свой долгъ до конца.

Послѣ этого прибѣжало еще нѣсколько офицеровъ и подтвердили печальныя извѣстія. Но мы все еще не получали никакихъ приказаній, и мнѣ не хотѣлось вѣрить, что мы могли быть совершенно забыты. Только когда раздались ружейные выстрѣлы въ самомъ городѣ, къ намъ пріѣхалъ верхомъ вѣстовой съ приказаніемъ оставить казармы и идти на транспортъ. Вся казарма со всѣмъ имуществомъ офицеровъ оставалась на расхищеніе бандъ. Я зашелъ въ канцелярію, чтобы забрать по крайней мѣрѣ наши списки, печать и денежныя вѣдомости. Я такъ спѣшилъ, что даже забылъ о дѣтяхъ, и только когда уже выходилъ, увидѣлъ ихъ, забившихся въ ужасѣ въ уголъ. Они поняли, что всѣ уходятъ и они остаются одни въ этихъ громадныхъ темныхъ казармахъ на всю ночь!

Я приласкалъ ихъ и, стараясь быть спокойнымъ, обманулъ ихъ.

— Мы всѣ сейчасъ придемъ . . . не бойтесь!

Васъ тутъ никто не тронетъ, а утромъ я приведу вамъ папу!

Я слышалъ, какъ они стали плакать, но, уже не могъ вернуться къ нимъ.

Эта тяжелая картина надолго оставила у меня тягостное впечатлѣніе, какъ будто это было самое ужасное, что мы сдѣлали при нашемъ паническомъ бѣгствѣ.

Въ городѣ уже шла пальба, а потому намъ пришлось идти въ обходъ по низу, по берегу Ингула. Въ полной тьмѣ, постоянно спотыкаясь по крутизнамъ извилистаго берега, мы съ трудомъ добрались до транспорта.

Всѣ наши были уже тамъ и кое какъ размѣщались въ угольныхъ ямахъ. Всѣ были возмущены ужасно. Всѣ понимали, что мы вовсе даже не защищали города, а просто сыграли роль охраны бюрократіи, которая имѣла возможность спокойно сѣсть на транспортъ со всѣмъ своимъ имуществомъ, а большинство изъ насъ потеряли всѣ свои послѣднія вещи и не имѣли возможности даже предупредить свои семьи о нашемъ исчезновеніи.

Никакихъ извѣстій изъ Одессы мы не получали и совершенно не знали, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ. Командиръ полка объявилъ, что ему совершенно неизвѣстно общее положеніе дѣлъ, а потому, кто хочетъ, можетъ на свой страхъ оставаться въ Николаевѣ. Многіе дѣйствительно предпочли покинуть грязный угольщикъ и въ одиночку пробраться въ городъ.

Простоявъ всю ночь, мы съ разсвѣтомъ вышли изъ Николаева. Наше паническое бѣгство было осмѣяно всѣми жителями Николаева. Въ городѣ

дѣйствительно вошло около пятидесяти петлюровцевъ, но кромѣ нѣсколькихъ грабежей покинутыхъ квартиръ, произведенныхъ „самообороной“, въ городѣ все было спокойно. Проснувшійся на утро обыватель вдругъ очутился безъ властей. Всѣ бѣжали, бросивъ дѣла и имущество на произволъ судьбы. Всюду по улицамъ валялись винтовки. На площади были опрокинуты двѣ пушки. Неосѣдланныя лошади недоумѣнно бродили по панелямъ главной улицы. У Портовой конторы валялись вороха бумагъ, которые вѣтеръ разносилъ по всѣмъ улицамъ. Находили сумки съ патронами, солдатскіе тулупы, военныя фуражки, — словомъ картина полнаго пораженія.

Жены въ паникѣ бросились въ казармы отыскивать своихъ исчезнувшихъ мужей, но уже въ шесть часовъ утра въ казармахъ было все обобрано дочиста! Днемъ на улицахъ было большое оживленіе. У всѣхъ было необычайно веселое настроеніе. Торопились подѣлиться впечатлѣніями и посмѣяться надъ своимъ положеніемъ обывателя, вдругъ оставшагося совершенно безъ властей. Каждый съ улыбкой спрашивалъ другого: „Что же мы теперь будемъ дѣлать безъ головы?“ Поистинѣ необычайное происшествіе!

А „власти“ медленно, дѣлая по 4 узла въ часъ, ѣхали въ Одессу.

Измученные безсонной ночью офицеры, холодные и голодные, сидѣли въ темномъ, грязномъ трюмѣ, на угольныхъ кучахъ и съ возмущеніемъ смотрѣли на каютныхъ пассажировъ, которымъ поваръ таскалъ горячія блюда, и у которыхъ кромѣ того было много всякаго рода закусокъ и винъ. Въ Очаковъ мы пріѣхали только къ вечеру и поэтому принуждены были всю ночь простоять на рейдѣ, причемъ Адмиралъ Р. К. запретилъ даже офицерамъ съѣздить на берегъ за продовольствіемъ, вслѣдствіе чего мы всѣ голодали

еще цѣлый день, пока не добрались до Одессы. Мы остановились на рейдѣ изъ предосторожности, не зная, что дѣлается въ Одессѣ. Р. К. на катерѣ съѣхалъ на берегъ для информаціи. Черезъ часъ онъ вернулся весьма смущенный и объявилъ, что въ городѣ — Петлюровцы. (Тѣ же Петлюровцы, отъ которыхъ мы бѣжали). Какъ въ Одессѣ, такъ и въ Николаевѣ все спокойно, и мы можемъ, если хотимъ, съѣхать на берегъ или вернуться въ Николаевъ. Весь портъ былъ объявленъ французской зоной и охранялся какъ французами, такъ и добровольцами.

Выйдя изъ Порта, мы сначала шли съ осторожностью, но какъ только вышли на главныя улицы, увидѣли, что нѣтъ никакихъ основаній безпокоиться. Въ городѣ все было тихо. Всѣ улицы были полны гуляющей публикой. Въ кафе Робина и Фанкони всѣ столики были заняты. Всюду разгуливали офицеры въ погонахъ и безъ нихъ.

Я спокойно поужиналъ въ ресторанѣ и направился къ знакомымъ, гдѣ зналъ, что найду ночлегъ. Всѣ были удивлены нашимъ пріѣздомъ и не понимали нашего паническаго бѣгства. Адмиралъ Р. К. впослѣдствіи былъ привлеченъ къ отвѣтственности за оставленіе Николаева безъ достаточныхъ основаній, но кажется былъ помилованъ, хотя и достаточно осмѣянъ за свою глупость. Очень многіе на другое же утро на пассажирскомъ пароходѣ выѣхали обратно въ Николаевъ. Мы, офицеры, собрались на другое утро на транспортѣ. Благодаря спасеннымъ мною вѣдомостямъ и расторопности нашего казначея, захватившаго съ собой денежный ящикъ, намъ было выдано жалованіе за все прослуженное время. Затѣмъ командиръ полка объявилъ, что мы всѣ свободны и можемъ дѣлать, что угодно. Многіе изъявили свое желаніе поступить въ Добровольческую Армію, и шли разговоры, какъ это сдѣ-

лать и куда надо обратиться. Я рѣшилъ до выясненія подробностей снять военную форму и, превратившись въ мирнаго гражданина, поселиться въ гостинницѣ. Я думалъ, что теперь я уже навсегда разстался съ военной службой . . . но и на этотъ разъ ошибся.

На другой же день въ городѣ призошла перестрѣлка. Петлюровцы открыли огонь по порту. Добровольцы вмѣстѣ съ французскими войсками отвѣчали имъ. На утро впрочемъ все было кончено. Петлюровцы ушли въ неизвѣстномъ направленіи, и въ Одессѣ наступилъ новый періодъ. Періодъ французской оккупаціи и Добровольческой Арміи.

ГЛАВА X.

Во главѣ соединенныхъ союзническихъ силъ въ Одессѣ всталъ Ансельмъ. Командующимъ войсками добровольческой Арміи Одесскаго Округа — Гришинъ-Алмазовъ.

Со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ городовъ въ Одессу начали собираться офицеры. Формировались части, образовывались штабы. Установилась связь съ генераломъ Деникинымъ. Въ Одессу прибывали все новыя и новыя союзническія войска. Въ большомъ количествѣ высадились въ Одессѣ и торжественно съ музыкой продефилировали сенегальскіе полки. Вся Одесса была буквально переполнена союзническими войсками, а на рейдѣ горделиво красовалась соединенная союзническая эскадра.

Одесса оживилась и зажила жизнью восторжествовавшей буржуазіи. Открылись рестораны, заработали кафе, шантаны, театры, въ особенности клубы и даже бѣга. Офицеры принарядились, и опять заблестѣли ихъ новые погоны.

Какъ-то гуляя по Дерибасовской улицѣ, я встрѣтилъ Адмирала Ф. Онъ былъ въ это время Командиромъ Корпуса Морской Обороны. Онъ предложилъ мнѣ служить у него въ штабѣ офицеромъ для порученій. Я согласился и на другой-же день опять одѣлъ военную форму.

Несмотря однако на то, что все какъ будто говорило за безопасность Одессы, въ городѣ постоянно носились тревожные слухи. Чувствовалось исключительное положеніе Одессы, оторванной отъ всей прочей Россіи и окруженной со всѣхъ сторонъ различными бандами. Опять заговорили о приближеніи большевиковъ, Петлюры, Григорьева и Махно, все тѣхъ же страшныхъ призраковъ, которые смущали покой „Одессита."

Одесса напоминала собой крѣпость военнаго времени, гдѣ люди торопятся жить и веселиться, не вѣря въ продолжительность своего счастья. И чѣмъ уже смыкался мертвый кругъ вокругъ Одессы, тѣмъ лихорадочнѣе кипѣла жизнь. Цѣны быстро росли на все, въ особенности на вина, и тѣмъ не менѣе вино лилось рѣкой. Въ ресторанахъ прокучивались тысячи и десятки тысячъ, можно сказать шутя. Въ клубахъ шла отчаянно азартная игра. На клубы постоянно совершались налеты; но это не устрашало и не умѣряло азарта игроковъ. Контръ-развѣдка, уже принявшая совсѣмъ иной характеръ, жестоко преслѣдовала большевиковъ. Появились тайныя самочинныя организаціи, которыя вели борьбу съ большевиками, помимо всякаго суда разстрѣливая ихъ на окраинѣ города и оставляя брошенными мертвыя тѣла. Бандиты совершали безнаказанно свои смѣлые налеты, создавая вокругъ себя цѣлыя легенды. Но Одесса веселилась. Въ Лондонской гостинницѣ, реквизированной цѣликомъ подъ штабъ и его присныхъ, кутежи шли круглыя сутки. Николаевъ уже былъ взятъ большевиками. Григорьевъ подходилъ къ Одессѣ и требовалъ сдачи города, посылая рѣзкіе ультиматумы. Въ городѣ усиленно говорили о приближеніи большевиковъ, но никто не хотѣлъ и думать, что Одесса можетъ быть взята при наличіи такого количества союзныхъ войскъ. Въ началѣ марта 1919 г.

я встрѣтилъ какъ-то своего стараго бывшаго сотрудника по контръ-развѣдкѣ, который работалъ теперь въ контръ-развѣдкѣ при штабѣ. Вполнѣ довѣряя мнѣ, какъ своему бывшему начальнику, онъ подѣлился со мной своими соображеніями, которымъ-бы я никогда не придалъ никакого значенія, если-бы не зналъ его за человѣка весьма положительнаго, опытнаго и не любившаго болтать пустяковъ.

— Вы знаете, — сказалъ онъ, — что къ Благовѣщенью въ Одессѣ будутъ большевики?!

Я сдѣлалъ удивленное лицо.

— Такъ скоро?

— Да, быть можетъ, еще скорѣе, — серіозно отвѣчалъ онъ. — И возьмутъ Одессу не тѣ большевики, которые подходятъ сейчасъ къ Одессѣ, а тѣ, которые и сейчасъ здѣсь. У нихъ уже все готово. Образованъ главный штабъ, назначены коммиссары и распредѣлены особыя должности.

Я невольно улыбнулся.

— Какъ-же это они сдѣлаютъ, когда въ Одессѣ около сорока тысячъ войскъ?

— Войска, когда надо будетъ, уйдутъ. Ансельму даютъ крупную взятку . . . Одесса все-таки кое-что стоитъ.

— Ну это ужъ черезчуръ. Ваша контръ-развѣдка переборщила. Кто же дастъ эту взятку, и откуда большевики возьмутъ милліоны?

— Да тутъ большевики не при чемъ. Тутъ работаютъ масоны.

— А . . . и вы вѣрите тоже въ масонство и сіонскіе протоколы?

— Вѣрю, не вѣрю, а что кому то нужно, чтобы Одессу сдали большевикамъ — это правда. Вы знаете, Россіей правятъ какія-то темныя силы. Большевики — это мразь, ничтожество. Они просто пѣшки въ рукахъ сильныхъ міра сего . . . а кто эти

вершители судебъ — я не знаю. Это сложный вопросъ... вопросъ міровой политики или потусторонняго міра. Я только вамъ скажу одно, что сдѣлка на Одессу уже совершена. Вы знаете кинематографическую артистку Вѣру Холодную? Она здѣсь сыграла роль маклера и вовсе не умерла отъ аборта, а потому что ее отравили. О тутъ дѣйствуютъ темныя силы.

Я разстался съ нимъ съ тяжелымъ чувствомъ. Оставленіе Одессы союзными войсками мнѣ казалось нелѣпостью, необъяснимой нелѣпостью, если конечно не вѣрить въ предательство и подкупъ. Но допустить такое предательство? Возможно-ли? И со стороны кого? Союзниковъ! Мыслимо-ли это?

Прошло нѣсколько дней. Все было спокойно, и даже тревожные слухи затихли. Мы сидѣли въ штабѣ и просто скучали. Никакой работы не было, да и быть не могло. Для чего существовалъ корпусъ морской обороны, когда все море ограничивалось для насъ однимъ портомъ, гдѣ стояла союзническая эскадра — для меня было непонятно. Командиръ корпуса Адмиралъ Ф. уѣхалъ къ Деникину, и мы всѣ понимали, что онъ уже не вернется. Исполняющій его должность генералъ Р., убѣжденный, что корпусъ въ скоромъ времени прекратитъ свое ненужное существованіе, только иногда заходилъ въ штабъ и то на минуту. Приходилось коротать время въ мирныхъ разговорахъ, при чемъ больше всѣхъ интересовалъ вопросъ о новыхъ прибавкахъ на дороговизну и увеличеніе суточныхъ.

Много также занимались новымъ назначеніемъ генерала Шварца, къ которому якобы переходила вся власть, и отъ котораго ожидали новыхъ крупныхъ преобразованій. Наша бесѣда была прервана приходомъ одного полковника Генеральнаго Штаба, который, живя по близости, захаживалъ часто къ намъ подѣлиться новостями. Повидимому онъ былъ

очень удивленъ, увидя всѣхъ насъ въ штабѣ въ покойномъ и пріятномъ бездѣйствіи.

Случилось еще такъ, что при его входѣ начальникъ штаба А., положивъ голову на руки и закрывъ глаза, какъ будто дремалъ.

— А штабъ безмятежно спитъ! — сказалъ полковникъ, здороваясь со всѣми.

Начальникъ штаба поднялъ голову и, улыбаясь сказалъ:

— Нѣтъ, я думаю.

— Ну думай, думай . . . а вотъ знаешь ли ты, что французы оставляютъ Одессу, и что назначена эвакуація въ 48 часовъ?

Если бы у насъ въ штабѣ вдругъ разорвалась бомба, то мы вѣроятно не были бы такъ поражены! Мы всѣ положительно застыли съ открытымъ ртомъ отъ удивленія.

— Главный морской штабъ уже уложился, — добавилъ полковникъ. — Сейчасъ всѣмъ выдаютъ эвакуаціонныя за шесть мѣсяцевъ жалованья.

Нѣтъ, это было дѣйствительно неподражаемо, штабъ корпуса морской обороны во главѣ со своимъ начальникомъ мирно дремлетъ и ничего не знаетъ, что совершается черезъ нѣсколько отъ него кварталовъ въ главномъ морскомъ штабѣ!

Начальникъ штаба не рѣшался браться за трубку телефона, чтобы неумѣстнымъ запросомъ не попасть въ глупое положеніе.

И что-же? Дѣйствительно, изъ главнаго штаба отвѣтили, что приказъ намъ уже посланъ, и что на предметъ эвакуаціи сдѣланы всѣ распоряженія.

И какія распоряженія!!

Только на другой день, послѣ долгихъ мытарствъ и ужасной бѣготни начальника штаба, всѣ хлопоты котораго были затруднены еще тѣмъ, что главный штабъ, уже получивъ деньги и забравъ свои вещи,

перебрался на пароходъ, намъ удалось выяснить, что для всего корпуса морской обороны оставленъ какой-то угольщикъ, старая развалившаяся баржа, стоявшая гдѣ-то на рейдѣ и не имѣвшая возможности подойти къ молу за отсутствіемъ машинъ и угля. Когда наши офицеры по личной уже иниціативѣ все-таки нашли эту баржу, то оказалось, что если-бы даже мы раздобыли катеръ и вывезли ее на буксирѣ въ море, то она моментально бы затонула. Возмущаться, протестовать, требовать — было уже поздно, такъ какъ всѣ пароходы были уже заняты высшими чинами съ ихъ семьями, да въ городѣ уже не было никакой власти. Спѣшно были выписаны ассигновки на эвакуаціонныя деньги . . . но и это было уже поздно. Казначейство бралось съ бою. Толпы народа осаждали Государственный Банкъ. Чтобы получить изъ казначейства ордеръ, пришлось снарядить отрядъ офицеровъ, которые съ винтовками въ рукахъ проложили дорогу нашему казначею. Но мы всѣ понимали, что по этому ордеру мы уже не получимъ денегъ.

На другой день мы всѣ съ утра собрались въ штабъ и съ волненіемъ ожидали возвращенія генерала Р. изъ государственнаго банка. Мы ждали уже нѣсколько часовъ въ полномъ бездѣйствіи, въ то время какъ событія разыгрывались со скоростью кинематографической картины, и когда каждая минута была дорога для нашего спасенія. Еще 48 часовъ съ момента объявленія эвакуаціи не истекло, но фактически даже этихъ 48-ми часовъ не было въ нашемъ распоряженіи. Союзники, бросая Одессу и ея жителей въ жертву большевикамъ, не обезпечили охрану Одессы даже на этотъ кошмарно и ничѣмъ не вызванный короткій срокъ. Фактически они бросили Одессу немедленно же по объявленіи эвакуаціи, и если Одесса продержалась еще 24 часа, то только

потому, что даже большевики не ожидали такого вѣроломства, иначе они могли бы разстрѣлять всѣхъ оставшихся офицеровъ.

Въ городѣ уже началась анархія. Къ государственному банку съ требованіемъ денегъ приходили представители различныхъ учрежденій и рабочихъ организацій не только съ вооруженными командами, но и съ пулеметами и броневиками. На улицахъ начались ограбленія, поражавшія своей дерзостю. Такъ, противъ нашего штаба на Пушкинской ул. въ центрѣ города, на глазахъ сотни столпившихся нашихъ офицеровъ, на выходившаго изъ банкирской конторы господина напалъ какой-то дерзкій верзила съ револьверомъ въ рукѣ и сталъ вытаскивать изъ его кармана бумажникъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, ставъ на колѣно и прицѣлившись, мѣткимъ выстрѣломъ изъ винтовки убилъ наповалъ грабителя.

Выстрѣлы слышались на всѣхъ улицахъ. Въ порту шелъ небывалый грабежъ. Съ Николаевскаго бульвара обстрѣливали бѣгущихъ въ паникѣ на пароходы. Весь городъ былъ уже во власти большевиковъ. Всѣ учрежденія были заняты ими, и по ихъ приказу государственный банкъ прекратилъ выдачу денегъ. Уже къ вечеру мы узнали, что генералъ Р. денегъ не получилъ и самъ скрылся неизвѣстно куда. Мы были оставлены, и каждый долженъ былъ думать о своемъ спасеніи, какъ хотѣлъ.

Я добѣжалъ до своей квартиры, одѣлъ все штатское, взялъ свой старый паспортъ нотаріуса и деньги, положилъ въ карманъ револьверъ и поспѣшно ушелъ, оставивъ свое имущество и даже не зная, куда и зачѣмъ идти . . .

Неужели и послѣ этого я надѣну на себя когда нибудь военную форму?

ГЛАВА XI.

Большевики вступили въ городъ. Я былъ зрителемъ этого неподражаемаго побѣдоноснаго вступленія въ городъ побѣдителя. Не болѣе двухъ сотенъ оборванныхъ и пьяныхъ Григорьевцевъ, съ шапками на бекрень, съ разбойничьими рожами, наводящими ужасъ, шло съ гиканьемъ и присвистываньемъ подъ звуки интернаціонала подъ большимъ краснымъ знаменемъ бандитизма. Толпа съ криками ура встрѣчала ихъ, развертывая красныя и черныя знамена съ ужасными лозунгами мщенія и смерти. Вся Одесса украсилась такими знаменами и отвратительными плакатами, которые только однимъ своимъ безобразіемъ могли оттолкнуть отъ большевизма.

Вотъ подъ тяжелымъ прессомъ лежитъ толстый буржуй, изъ котораго рабочій выдавливаетъ золото. Надпись: „Проклятый буржуй, отдай золото, которое ты награбилъ у народа!“

Другой плакатъ изображаетъ также буржуя, подметающаго улицу, и рабочаго, который стоитъ рядомъ и злорадно смѣется.

Но всего безобразнѣе былъ плакатъ, на которомъ верзила кузнецъ тяжелымъ молотомъ разбиваетъ многоголовую гидру капитализма: размозженныя головы, выбитые мозги и кругомъ все кровь, кровь . . .

На Одессу была наложена контрибуція въ 500 милліоновъ. Григорьевъ грозилъ снести всю Одессу, если деньги не будутъ уплачены своевременно. Тысячи буржуевъ были арестованы. Ихъ большевики партіями подъ конвоемъ водили на принудительныя работы. Два громадныхъ зданія на Екатерининской площади были заняты подъ чрезвычайку или „Чека“. Начались разстрѣлы. Ежедневно устраивались манифестаціи или торжественныя похороны жертвъ революціи. Начались реквизиціи квартиръ съ выселеніемъ буржуевъ на улицу. Устраивались дни бѣдноты, когда весь городъ отдавался на разграбленіе.

Но поголовнаго разстрѣла офицеровъ еще не было. Всѣ офицеры были призваны на регистрацію и службу у большевиковъ, не только въ качествѣ рядовыхъ, но и на командныя должности. Многіе конечно предпочли скрываться и жить подъ постояннымъ страхомъ разстрѣла.

Несмотря однако на свою полную побѣду, большевики не чувствовали себя прочно. Даже въ рабочихъ они встрѣтили оппозицію. Желѣзнодорожники держались особнякомъ и въ постоянныхъ спорахъ съ совѣтской властью. Переселеніе рабочихъ въ центръ города въ буржуазныя квартиры не удалось. Жители окраинныхъ кварталовъ, рабочіе и бѣдняки, не рискнули мѣнять свои насиженныя мѣста на призрачное благополучіе. День бѣдноты былъ сорванъ самими рабочими, испугавшимися грабежа ихъ квартиръ и побросавшими свои заводы и мастерскія для защиты своихъ домовъ отъ бандитовъ. Декреты Совѣтской власти въ большинствѣ случаевъ не исполнялись. Мобилизація прошла неудачно. Интеллигенція и офицерство, заполнившіе всѣ учрежденія, воинскія части и штабы, саботировали и съ нетерпѣніемъ ждали прихода добровольцевъ. Союзники объявили блокаду. Жизнь въ порту замерла. Въ под-

польи работали контръ-революціонеры. Образовалось развѣдывательное отдѣленіе добровольческой арміи, которое всюду имѣло своихъ агентовъ и установило связь съ добровольцами. Офицеры штабовъ охотно давали секретныя свѣдѣнія, которыя ловко передавались на добровольческій миноносецъ, стоявшій на Одесскомъ рейдѣ. Масса офицеровъ, занимавшихъ отвѣтственные посты, убѣгало со всѣми секретными документами. Нѣкоторые изъ нихъ были взяты миноносцемъ съ лодокъ, на которыхъ они катались подъ видомъ дачниковъ. Другіе геройски пускались вплавь подъ пулями береговой охраны. Главная защита Одессы съ моря-артиллерія на Большомъ Фонтанѣ, состоящая подъ командованіемъ кадровыхъ офицеровъ артиллеристовъ — опредѣленно только ждала случая, чтобы повернуть пушки на Одессу. Въ красноармейскихъ частяхъ не было единства. Матросы не признавали надъ собой власти и распоряжались самостоятельно, независимо отъ Совѣта Р. Д. Командиръ одной матроской роты своими разбоями наводилъ ужасъ. Его рѣшили для безопасности удалить изъ Одессы на фронтъ, но онъ отказался и вступилъ въ бой съ красноармейцами, пытавшимися разоружить его роту. По линіи жел. дороги къ Одессѣ подступали повстанцы. Посылаемые на фронтъ красноармейцы разбѣгались или перебѣгали на сторону повстанцевъ. Въ Люстдорфѣ началось возстаніе нѣмецкихъ колонистовъ. На Большомъ Фонтанѣ — еврейскій погромъ. Къ Николаеву подходили добровольцы съ генераломъ Слащевымъ во главѣ. Все предвѣщало близкое паденіе большевиковъ.

Состоя въ развѣдывательномъ отдѣленіи Добровольческой Арміи, я получилъ предписаніе своего начальника пробраться въ Николаевъ съ секретными свѣдѣніями и планомъ обороны Одессы, для передачи ихъ генералу Слащеву немедленно по занятіи имъ Николаева.

Частью пѣшкомъ, частью на лошадяхъ, слѣдуя больше окружнымъ путемъ по полямъ и подъ защитой ночи, съ документами, спрятанными въ голенищѣ сапога, я только черезъ три дня добрался до Николаева.

Я нашелъ себѣ пріютъ у своихъ знакомыхъ, скрываясь у нихъ отъ возможной опасности. Но Николаевъ былъ уже наканунѣ своего паденія, и мнѣ недолго пришлось ждать его освобожденія. Большевики спѣшно удирали. Всю ночь слышалась ѣзда автомобилей и движеніе воинскихъ частей. Все устремлялось черезъ Ингульскій мостъ на село Варваровку. За городомъ шла орудійная пальба. У вокзала грохотали разрывающіеся снаряды. Жители слободки, пренебрегая опасностью, грабили цѣлые поѣзда съ продовольствіемъ и имуществомъ большевиковъ. Подъ утро раздался ужасный взрывъ, отъ котораго затряслись дома и полетѣли стекла. Это большевики, переправившись черезъ мостъ, взорвали подведенный къ самому мосту цѣлый составъ поѣзда со снарядами. Это была ихъ послѣдняя защита отъ преслѣдованія добровольцевъ, которые уже вошли въ городъ.

Жители радостные выбѣгали на улицу встрѣчать добровольцевъ. Толпа бѣжала за ними съ криками ура! Дамы съ энтузіазмомъ бросали цвѣты. У многихъ на глазахъ были слезы радости и счастья. Мальчишки разносили въ щепы большевистскіе плакаты и рвали красныя знамена. Такъ встрѣчали освободителей отъ ужасовъ большевизма.

Но были и тяжелыя картины. На главной улицѣ впереди казаковъ плясала и неистовствовала вся истерзанная женщина, только что сошедшая съ ума. Большевики уходя въ эту ночь разстрѣляли ея мужа офицера. Такъ долго жданное освобожденіе пришло . . . Открылись двери ужаснаго застѣнка чека. Но было уже поздно! . . .

У входа въ Чека валялись трупы китайцевъ, палачей Чека, съ разсѣченными казацкими шашками головами. Толпа въ ужасѣ сторонилась отъ нихъ и бросалась дальше въ широкій дворъ и темные подвалы. Вездѣ кровь, вездѣ запахъ разлагающихся труповъ! Подъ навѣсомъ у каменной стѣны застывшіе въ ужасѣ трупы мучениковъ, послѣднія жертвы большевиковъ. Въ ямѣ, едва прикрытой землей, валялись части человѣческихъ тѣлъ. На стѣнахъ подваловъ запекшаяся кровь и застывшіе мозги. Вездѣ ужасъ и ужасъ!

А тамъ, на берегу Ингула, грохочутъ пушки. Наспѣхъ установленная добровольцами артиллерія обстрѣливаетъ бѣгущихъ большевиковъ.

Конецъ ужасу! Опять свобода, опять надежды, новыя радости, новая жизнь! Да здравствуетъ Добровольческая Армія!

— — — — — — — — — — — — — — —

Всѣ свѣдѣнія о положеніи Одессы были переданы и черезъ двѣ недѣли небольшой добровольческій дессантъ въ 300—400 человѣкъ высадился ночью на Большомъ Фонтанѣ. Артиллерія безъ выстрѣла перешла на ихъ сторону. Отрядъ двинулся на Одессу. Миноносецъ сталъ обстрѣливать вокзалъ, куда бросились въ паникѣ большевики. Офицеры стали расправляться со своими ненавистными коммиссарами и политкомами. Одесса была взята безъ сопротивленія!

Я не могу здѣсь не остановиться на одномъ обстоятельствѣ, которое, мнѣ кажется, сыграло впослѣдствіи не малую роль въ паденіи Добровольческой Арміи.

Одесса была взята не столько добровольческой арміей, сколько офицерами, оставшимися въ Одессѣ не по своей волѣ, а по преступной не-

бережности высшихъ чиновъ, при первой эвакуаціи. Оставленные расторопными на бѣгство начальниками офицеры явились искупительными жертвами растерянности главнаго штаба. Всѣ они, ни въ чемъ неповинные, подъ страхомъ разстрѣла принуждены были служить у большевиковъ. Но служба ихъ тяжелая, унизительная и нравственно ихъ угнетающая, была конечно во вредъ большевикамъ. Офицеры не могли примириться съ большевиками, и вся ихъ дѣятельность была направлена къ ихъ сверженію. Полковникъ генеральнаго штаба А. принялъ на себя отвѣтственную должность начальника штаба Обороны Одессы исключительно съ цѣлью объединить вокругъ себя оставшихся офицеровъ и спасти ихъ отъ преслѣдованія большевиковъ. Затѣмъ, рискуя каждую минуту, онъ находился въ постоянной связи съ добровольческой арміей, давая секретнымъ агентамъ всѣ свѣдѣнія о положеніи Одессы, и подготовилъ ея взятіе незначительнымъ отрядомъ. Зная о высадкѣ дессанта, полковникъ А. отправилъ наиболѣе надежную часть красной арміи на ст. Раздѣльную. Словомъ, онъ сдѣлалъ все, что могъ для сверженія большевиковъ, и его роль во взятіи Одессы добровольцами была болѣе значительна, чѣмъ высадившагося дессанта. Всѣ офицеры, руководимые имъ, способствовали его планамъ сверженія большевистской власти и, когда цѣль была достигнута, на рукахъ вынесли его изъ штаба и чествовали его какъ побѣдителя . . . И что-же? По приказу генерала Деникина всѣ офицеры, оставленные можно сказать имъ-же въ Одессѣ, были преданы суду особо учрежденной слѣдственной комиссіи, которая втеченіе пяти мѣсяцевъ, т. е. до самаго новаго прихода большевиковъ разбирала дѣятельность каждаго офицера, обращаясь съ ними, какъ съ недостойными офицерскаго званія. Явившіеся въ Одессу офицеры Добро-

вольческой Арміи приписывали себѣ заслуги, которыхъ за ними не было, и считали себя въ правѣ пренебрежительно относиться къ тѣмъ своимъ товарищамъ, которые имѣли несчастіе быть брошенными въ Одессѣ, но которые сдѣлали гораздо больше, чѣмъ тѣ, кто взятіе Одессы ошибочно приписывалъ себѣ. Такимъ образомъ Добровольческая Армія отвергла нѣсколько тысячъ офицеровъ, незаслужено оскорбивъ ихъ. Даже такіе офицеры, которые не служили у большевиковъ и представили удостовѣренія, что они работали въ тайной организаціи и несли развѣдывательную службу, доставляя свѣдѣнія Добровольческой Арміи, и то почему то получили какое-то волчье удостовѣреніе въ томъ, что въ дѣятельности ихъ ничего предосудительнаго не было, и что они могутъ быть вновь зачислены „условно" въ Добровольческую Армію. Это было возмутительно!

Кромѣ того, благодаря тому, что всѣ мѣстные офицеры были отстранены отъ службы, и всѣ должности занимались пришлымъ элементомъ, — мнѣ кажется, въ Одессѣ никакъ не могъ наладиться порядокъ.

Прежде всего въ Одессѣ появилось нѣсколько самочинныхъ контръ-развѣдокъ. За отсутсвіемъ правильной постановки этого дѣла отдѣльные офицеры арестовывали большевиковъ, производили обыски, отправляли въ тюрьму и даже разстрѣливали. Тюрьмы были переполнены арестованными, но кто ихъ арестовывалъ, за что, и гдѣ ихъ документы — послѣ не удалось найти никакихъ объясненій. Многіе изъ арестованныхъ жаловались потомъ, что они безъ всякаго основанія были арестованы, ограблены и безъ документовъ отправлены въ тюрьму, гдѣ просидѣли нѣсколько мѣсяцевъ. У арестованнаго наконецъ такого самозваннаго начальника контръ-развѣдки офицера П. была найдена масса драгоцѣнностей и

денегъ, принадлежность коихъ онъ самъ не могъ установить, такъ какъ никакихъ записей не велось, и даже отобранные документы часто уничтожались для сокрытія слѣдовъ. Иногда цѣлая толпа арестовывала какого нибудь чекиста и требовала немедленнаго разстрѣла, не довѣряя даже офицерамъ и боясь, что безотвѣтственные начальники самочинныхъ контръ-развѣдокъ за взятку освободятъ преступниковъ. Схваченнаго толпой палача Чека, извѣстнаго борца — негра, съ трудомъ удалось спасти отъ самосуда.

Въ порту образовалась своя контръ-развѣдка. Выѣздъ изъ Одессы былъ запрещенъ безъ особыхъ разрѣшеній. Тысячи людей, случайно застрявшихъ въ Одессѣ при послѣдней эвакуаціи, спѣшили вернуться къ себѣ домой и осаждали пароходы, но контръ-развѣдка съ оружіемъ въ рукахъ не пускала несчастныхъ. Учрежденіе, вѣдавшее выдачей разрѣшеній на выѣздъ, не имѣя рѣшительно никакихъ данныхъ, безъ всякаго основанія задерживало ихъ выдачу двѣ-три недѣли и то не безкорыстно. Болѣе догадливые платили сразу контръ-развѣдкѣ на пароходѣ и такимъ образомъ избѣгали напрасныхъ долгихъ мытарствъ. Платили сотни и тысячи, находя, что это выгоднѣе, чѣмъ проживаться въ Одессѣ. Портовая контръ-развѣдка набрала такимъ образомъ сотни тысячъ, пока наконецъ сама не была арестована.

Контръ-развѣдывательное отдѣленіе штаба командующаго наконецъ сформировало въ Одессѣ контръ-развѣдывательный пунктъ. Я сейчасъ же получилъ предложеніе занять должность слѣдователя, на что я, переживъ весь ужасъ большевизма и имѣя достаточный запасъ возмущенія противъ нихъ, охотно согласился.

Прежде всего намъ пришлось бороться съ самочинными контръ-развѣдками и распутывать громадный матеріалъ, доставшійся отъ нихъ по наслѣдству.

Матеріалъ этотъ представлялъ просто кучу всякаго рода разрозненныхъ документовъ, паспортовъ, допросовъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ вещей, старыхъ пустыхъ бумажниковъ, фотографическихъ карточекъ, поломанныхъ револьверовъ и пр. при полномъ отсутствіи какой либо регистраціи арестованныхъ.

Контръ-развѣдка осаждалась толпой, которая требовала справокъ по дѣламъ, которыхъ у насъ даже не было. Изъ тюремъ постоянно поступали къ намъ жалобы арестованныхъ, которые сидѣли уже два мѣсяца безъ допроса и предъявленія къ нимъ какого либо обвиненія. Начальникъ тюрьмы по требованію контръ-развѣдки прислалъ списокъ всѣхъ арестованныхъ, числящихся за контръ-развѣдкой. Ихъ было свыше тысячи, и о большинствѣ изъ нихъ у насъ не было никакихъ свѣдѣній.

Усиленный составъ слѣдователей допрашивалъ въ тюрьмѣ цѣлые дни и недѣли, не имѣя никакого иного матеріала по обвиненію, кромѣ показаній самихъ арестованныхъ. За отсутствіемъ данныхъ для обвиненія многихъ приходилось освобождать и потомъ вновь арестовывать, когда въ кучѣ неразобраннаго мусора находился какой либо матеріалъ. Освобожденные приходили въ контръ-развѣдку требовать свои документы и деньги, отобранные у нихъ при арестѣ, и конечно, не получая ихъ, уходили съ возмущеніемъ. Иногда, лишенные своихъ документовъ они вновь попадались въ руки полиціи и приводились въ контръ-развѣдку, гдѣ ихъ опять отпускали ни съ чѣмъ. Контръ-развѣдка, занятая новыми текущими дѣлами, поступавшими въ изобиліи, просто не имѣла возможности разобраться въ создавшемся хаосѣ. У каждаго слѣдователя скопилось болѣе 300 слѣдственныхъ дѣлъ, приходилось работать днемъ и ночью, и просто опускались руки отъ безтолковщины.

Но помимо того въ самой контръ-развѣдкѣ, благодаря запутанности положенія, не все стало благополучно. Штатъ служащихъ усиливался по мѣрѣ увеличенія дѣлъ, а ассигнованій на ихъ содержаніе не приходило. Служащимъ контръ-развѣдки не платили жалованья болѣе двухъ мѣсяцевъ. Помѣщеніе не отапливалось за отсутствіемъ на этотъ предметъ опредѣленныхъ средствъ. Списки служащихъ на обмундированіе, представленные въ контръ-развѣдывательное отдѣленіе штаба, дважды пропали у начальника отдѣленія полковника К. Временно, для покрытія текущихъ расходовъ, было разрѣшено пользоваться деньгами арестованныхъ. Это внесло путаницу въ казначейскую часть и дало возможность для злоупотребленій. Сплошь да рядомъ у арестованнаго отбирались николаевскія или украинскія деньги, а при его освобожденіи выдавались обезцѣненныя совѣтскія. Низшіе служащіе и агенты начали заниматься вымогательствомъ, а при обыскахъ не всегда оставались безупречными. Адьютантъ начальника контръ-развѣдки продалъ большевикамъ списки всѣхъ служащихъ контръ-развѣдки за 300 тысячъ рублей. Попавшіеся служащіе были уволены. Адьютантъ по приговору военнаго суда былъ разстрѣлянъ, но нарушенное уже равновѣсіе нельзя было возстановить.

Про контръ-развѣдку стали ходить дурные слухи. У всѣхъ составилось мнѣніе, что контръ-развѣдка беретъ взятки, устраиваетъ фиктивные аресты и обыски съ цѣлью грабежа, избиваетъ арестованныхъ и имѣетъ застѣнокъ не хуже Чека.

Застѣнка не было, но случаи избіенія дѣйствительно были. Къ счастью случаевъ такихъ было мало. За все время моего пребыванія въ контръ-развѣдкѣ ко мнѣ только разъ во время моего ночного дежурства привели арестованнаго предсѣдателя революціоннаго трибунала, избитаго въ кровь. Избили его конвой-

ные за оказанное имъ сопротивленіе при арестѣ. Арестованный просилъ меня не возбуждать по этому поводу особаго дознанія, заявивъ мнѣ категорически, что никакого избіенія не было. Былъ еще случай, который оставилъ у меня самое тяжелое впечатлѣніе. Задремавъ ночью въ дежурной комнатѣ, я услышалъ страшный крикъ въ комнатѣ дежурнаго офицера. Догадываясь по шуму и ругательствамъ, что тамъ кого то бьютъ, я поспѣшилъ выйти и увидѣлъ ужасную картину. Два наши офицера по розыску избивали въ кровь двухъ евреевъ. У одного офицера рука была перевязана окровавленнымъ носовымъ платкомъ. Физіономіи евреевъ и руки офицеровъ всѣ были въ крови. Я съ трудомъ остановилъ это ужасное побоище. При выясненіи причинъ такого кошмарнаго избіенія — оказалось, что два нашихъ офицера около двухъ часовъ ночи, возвращаясь съ обыска, вели арестованнаго. Не доходя немного до контръ-развѣдки, они замѣтили за угломъ дома человѣка. Почти одновременно блеснулъ огонекъ, и раздался выстрѣлъ. Офицеры, оставивъ арестованнаго съ двумя конвойными, бросились догонять убѣгающаго отъ нихъ въ тьму университетскаго сада, открывъ по немъ стрѣльбу, но вслѣдствіе темноты безуспѣшно, и человѣкъ навѣрное-бы скрылся. Но на его несчастіе въ улицу въѣхалъ автомобиль и освѣтилъ всю улицу. Услышавъ стрѣльбу, автомобиль остановился, и два офицера, сидѣвшіе въ немъ, соскочивъ съ автомобиля, задержали преступника. При ихъ же содѣйствіи арестованный былъ препровожденъ въ контръ-развѣдку. У нашего офицера оказалась насквозь простреленная рука, но онъ даже не замѣтилъ въ азартѣ погони.

Обо всемъ случившемся офицеры подали рапортъ Начальнику, не скрывая избіенія ими обоихъ арестованныхъ.

Всего описаннаго вполнѣ достаточно, чтобы понять, что восторгъ обывателей при встрѣчѣ добровольцевъ очень скоро смѣнился общимъ недовольствомъ. Большевики конечно всячески муссировали всѣ неблагопріятные слухи и возбуждали населеніе противъ арміи. Всякій безобразный поступокъ пьянаго добровольца бросалъ тѣнь на всю армію. Добровольцевъ упрекали въ постоянномъ пьянствѣ и дебоширствѣ. Всѣ рестораны и кафе-шантаны дѣйствительно преимущественно переполнялись добровольцами. „Золотая рыбка" самый фешенебельный ресторанъ, гдѣ шампанское лилось рѣкой, зарабатывалъ сотни тысячъ въ день.

ГЛАВА XII.

Въ производствѣ Контръ-развѣдки было дѣло знаменитой „Доры“, женщины-палача Чека. Это одно дѣло достаточно ярко рисуетъ ужасы большевистскаго застѣнка. Дора собственноручно разстрѣляла 700 человѣкъ и очень жалѣла, что ей не удалось разстрѣлять еще больше. Она была еще совсѣмъ молоденькая женщина, не лишенная красоты, но порокъ и звѣрство положили на нее неизгладимую печать преступницы. Было страшно смотрѣть ей въ глаза, въ которыхъ свѣтилась злоба и коварство пойманнаго звѣрька. По ея собственному признанію она губила жизнь другихъ за то, что погубили жизнь ея . . . Въ прошломъ была любовь, вѣра, добрыя чувства; въ настоящемъ — ненависть, злоба, отчаянье и жажда мести, безконечной мести . . . Кому? Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ . . . всему міру!

— Я совершенно не интересуюсь политикой, говорила она, и презираю большевиковъ, но я съ ними потому, что ненавижу человѣчество, и они мнѣ даютъ возможность его уничтожать!

Дора жила въ Чека почти не выходя на улицу. Вся ея жизнь была тѣсно замкнута стѣнами Чека, и что было за ними, ее совсѣмъ не интересовало. Тамъ былъ другой міръ, міръ радостей, надеждъ, счастья и любви. Всего этого она не хотѣла видѣть!

Весь день она страдала нетерпѣливымъ ожиданіемъ вечера. Вялая, усталая, измученная послѣ безсонной ночи, лишенная какихъ либо потребностей души, она валялась на кровати съ одними только думами и желаніями забыться въ опьяненіи кровью.

Вечеромъ она оживала. Она старательно совершала свой туалетъ, какъ будто собиралась на балъ. Роскошный костюмъ, цвѣты, духи . . . и главное большая доза кокаина — дѣлали ее совершенно неузнаваемой. Являлась чудная, очаровательная женщина, съ оживленнымъ молодостью и веселостью лицомъ, съ возбужденными нервами, подъемомъ настроенія, съ умными сверкающими глазами, обѣщающими страстныя жгучія ласки!

Ее ждало веселое общество чекистовъ. На балконѣ, выходящемъ въ густой внутренній садъ чека, былъ накрытъ роскошный ужинъ. Пили шампанское и веселились . . . Цвѣты, фрукты, крюшонъ съ земляникой — все говорило о хорошей веселой жизни.

Дора пила много, но не хмѣлѣла, а только все болѣе и болѣе приходила въ экстазъ. Отъ ожиданія глаза начинали сверкать какъ раскаленные уголья. По всему тѣлу проходила дрожь. Губы кривились отъ нервнаго подергиванья . . . Но вотъ въ саду загудѣлъ такъ долго жданный моторъ. Его перебои не успѣвали за частыми ударами ея трепетно сжимавшагося отъ счастья сердца. Духъ захватывало отъ восторга. Наконецъ приходитъ весь обвѣшанный пулеметными лентами, вооруженный до зубовъ чекистъ и докладываетъ, что все готово. Дора вскакиваетъ, какъ отъ электрическаго удара. Она принимаетъ еще дозу кокаина, выпиваетъ залпомъ бокалъ шампанскаго, хватаетъ револьверъ и спѣшитъ за чекистомъ. Нервное возбужденіе доходитъ до апогея. Ей кажется, что еще немного и будетъ поздно, она не выдержитъ, и наслажденіе пропадетъ. Она только одну

секунду смотритъ на свою жертву, твердо сжимаетъ револьверъ и спускаетъ курокъ . . . Наступаетъ высшій моментъ полового наслажденія. Жертва еще корчится . . . Дора смотритъ съ восторгомъ только что насыщеннаго счастья. Она еще полна удовлетвореннаго наслажденія. Но все кончено. Трупъ уносятъ. Наслажденіе прошло, и разгоряченное тѣло ищетъ новаго наслажденія. При видѣ новой жертвы воспаленный умъ опять поднимаетъ половое возбужденіе. И новый выстрѣлъ, новое содроганіе души, вновь всѣ нервы преисполняются какимъ-то млѣніемъ, и тѣло содрагается отъ высшаго физическаго наслажденія . . .

Затѣмъ, какъ послѣ безумно страстной ночи, упадокъ настроенія и силъ, усталость отъ пресыщенія, вялость всего тѣла и чувство отвращенія . . . до слѣдующей ночи!

ГЛАВА XIII.

Добровольческая армія побѣдоносно двигалась къ Москвѣ. Харьковъ былъ уже взятъ. Говорили, что въ Москвѣ большевики складываютъ свои вещи и готовятся къ бѣгству. Всѣ были увѣрены, что на Пасху мы услышимъ звонъ Московскихъ Кремлевскихъ колоколовъ.

И въ то же время въ Одесской тюрьмѣ усиленно распространялся большевистскій печатный органъ „Коммунистъ", гдѣ увѣренно говорилось, что къ Рождеству большевики будутъ въ Одессѣ. Что это было, наглость большевиковъ? Ихъ вѣра или освѣдомленность?

Мы получали оффиціальныя свѣдѣнія о побѣдахъ, о развалѣ красной арміи, о бѣгствѣ большевиковъ, о торжественныхъ встрѣчахъ Добровольческой Арміи населеніемъ завоеванныхъ городовъ и освобожденнымъ отъ коммуны крестьянствомъ — а неуловимая для контръ-развѣдки подпольная организація торжествовала въ своемъ „Коммунистѣ" побѣду большевиковъ и близкій конецъ „Деникинской авантюры"!

И вдругъ! . . . Никто не хотѣлъ вѣрить! Полный развалъ, небывалый разгромъ! Кошмарное отступленіе! Какъ будто мыльный пузырь, надутый до крайности, вдругъ лопнулъ, и пропала переливающаяся радужными оттѣнками узорная краса его. И сразу вмѣсто заносчивой увѣренности — полная

растерянность. Въ Одессѣ были тысячи войскъ, и тѣмъ не менѣе всѣ почувствовали себя покинутыми. На англичанъ уже больше не расчитывали и только утѣшали себя ими на случай новаго бѣгства.

Какъ будто для подбодренія упавшаго духа военный судъ сталъ вѣшать большевиковъ на площадяхъ. Слащевъ разстрѣлялъ заразъ шестьдесятъ рабочихъ коммунистовъ въ Николаевѣ. Ш. въ публичномъ собраніи офицеровъ торжественно заявилъ, что Одесса ни въ коемъ случаѣ сдана не будетъ, и даже поклялся, что сядетъ на пароходъ только въ томъ случаѣ, если всѣ офицеры и ихъ семьи будутъ уже въ безопасности. Но все это не успокаивало, а какъ будто, напротивъ, убѣдило въ близкой эвакуаціи и въ томъ, что Ш. собирается удирать первымъ! Замѣчательно то, что въ Одессѣ было два штаба обороны: штабъ обороны Одесскаго Округа и штабъ обороны Одессы, но никто не зналъ, въ чемъ собственно заключается оборона, и какова ея стойкость.

Никто ничему не вѣрилъ. Всѣ подозрительно посматривали другъ за другомъ и втихомолку готовились, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Секретно получались иностранныя визы, заграничные паспорта, мѣнялось даже подданство. Все это узнавалось и сѣяло безпокойство и возмущеніе. Офицеры слѣдили за своими начальниками, подозрѣвая ихъ въ готовности прежде всѣхъ бѣжать при содѣйствіи англійской миссіи или Американскаго Краснаго Креста. Появились бѣженцы изъ Херсона и Николаева, взятыхъ большевиками. Подъ Очаковомъ слышалась пальба орудій. Воинскія части, чувствуя нетвердость тыла, самовольно покидали фронтъ и заполняли Одессу. Въ городѣ начались грабежи и, по ночамъ шла непонятная стрѣльба. Все предвѣщало близкій конецъ.

Какъ это ни странно, но контръ-развѣдка, учрежденіе, которое, казалось-бы должно все знать и быть достаточно освѣдомлено, знала меньше всего и тревожно прислушивалась ко всѣмъ исходящимъ неизвѣстно откуда новостямъ. Занятія у насъ продолжались по прежнему, но чувствовалось, что какъ будто у зданія нѣтъ фундамента, и оно готово развалиться каждую минуту. Слѣдователи на спѣхъ кончали дѣла и сдавали ихъ въ судъ безъ достаточной разработки слѣдственнаго матеріала. Всѣ видѣли, что работа ихъ не имѣетъ болѣе смысла. Распространились слухи, что начальникъ контръ-развѣдывательнаго Отдѣленія при штабѣ полковникъ К. беретъ крупныя взятки и освобождаетъ видныхъ коммунистовъ, несмотря на заключенія слѣдователей. Нѣсколько евреевъ съ громаднымъ запасомъ золота, арестованныхъ контръ-развѣдкой, были на другой же день освобождены по личному его распоряженію. Это окончательно убѣдило всѣхъ, что К. работаетъ съ большевиками.

Вскорѣ послѣ этого полковникъ К., возвращаясь вечеромъ изъ штаба, былъ задержанъ группою офицеровъ и убитъ въ автомобилѣ. Виновники не обнаружены, но говорили, что К. убитъ офицерами, имѣвшими явное доказательство его предательства.

Оффиціально никакой эвакуаціи не объявлялось, но фактически она уже началась. Англійская миссія объявила предварительную запись на случай эвакуаціи. Всѣ частные пароходы были уже зафрахтованы различными союзами, обществами и частными лицами. Пароходъ „Ксенія" съ чинами судебнаго вѣдомства и денежной буржуазіей отошелъ въ Варну. Нѣкоторыя учрежденія начали погрузку своего имущества. На базарѣ произошло кровавое столкновеніе государственной стражи съ выступившими большевиками. Нѣсколько человѣкъ раненыхъ и убитыхъ съ обѣихъ сторонъ. Одесса агонизировала.

22-го января въ 9 час. вечера всѣ чины контръ-развѣдки были собраны начальникомъ для информаціи положенія.

— Въ городѣ ходятъ всякаго рода тревожные слухи, такъ началъ нашъ начальникъ. Многіе уже эвакуируются, убѣжденные въ скоромъ паденіи Одессы. Все это совершенно неосновательно. Я былъ сегодня у Командующаго, генерала Ш., въ штабѣ обороны, у коменданта города, и всѣ убѣдили меня въ полной нашей безопасности. Пусть панически настроенные люди покидаютъ Одессу. Безъ нихъ быть можетъ меньше будетъ вздорныхъ слуховъ. Ш. мнѣ ручался, что десять дней никакой опасности Одессѣ не угрожаетъ, а этого времени вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить Одессу и на будущее время. Въ городѣ все спокойно. Комендантъ увѣрилъ меня, что находящейся въ его распоряженіи государственной стражи вполнѣ достаточно, чтобы охранить городъ отъ выступленія мѣстныхъ большевиковъ. Англійская миссія производитъ предварительную запись эвакуирующихся, но это имѣетъ только освѣдомительное значеніе. Во всякомъ случаѣ контръ-развѣдка будетъ поставлена въ извѣстность при всякомъ измѣненіи обстоятельствъ, и въ виду ея особаго положенія будутъ приняты всѣ мѣры для своевременной эвакуаціи всѣхъ служащихъ и ихъ семействъ. Словомъ, безпокоиться пока нечего. Ш. призываетъ васъ къ спокойному продолженію вашей работы.

Послѣ рѣчи начальника завѣдующіе отдѣлами старались убѣдить, что по имѣющимся у нихъ агентурнымъ и частнымъ свѣдѣніямъ все обстоитъ благополучно. Государственная стража является вполнѣ благонадежной. На случай эвакуаціи въ наше распоряженіе будетъ предоставленъ особый пароходъ. Англичане и Американскій красный крестъ обѣщали намъ свое содѣйствіе. Автомобильная команда бе-

рется насъ всѣхъ посадить въ случаѣ надобности на пароходъ и погрузить все наше казенное и частное имущество. Завѣдующій хозяйствомъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи для той-же цѣли достаточное количество лошадей и повозокъ. Словомъ, — не хватало только оркестра музыки.

Собраніе это до извѣстной степени всѣхъ успокоило. Видно было, что если Одесса и падетъ, то времени еще достаточно. Можно будетъ еще успѣть подготовиться. Однако, когда мы около 11-ти час. вечера вышли изъ контръ-развѣдки, то были поражены мертвой тишиной города. Весь городъ какъ будто буквально вымеръ. Нигдѣ ни души. Никакой охраны города тоже не было видно. Всюду — жуткая и странная для Одессы тишина. Не было даже обычныхъ въ ночное время выстрѣловъ, которые бы будили эту мертвую тишину.

На другой день я рано вышелъ изъ дому. Мнѣ нужно было сдѣлать нѣкоторыя закупки. Къ сожалѣнію я скоро убѣдился, что имѣющіеся въ моемъ карманѣ тысячерублевки добровольческой арміи потеряли свое покупательное свойство. Нигдѣ ихъ не принимали, якобы за отсутствіемъ сдачи. Тогда я нарочно купилъ на всю тысячу — и все-таки не приняли. Я понялъ, что дѣло плохо.

Придя въ контръ-развѣдку, я только немногихъ засталъ на мѣстѣ. Никто не хотѣлъ заниматься дѣломъ, и всѣ собирались вмѣстѣ, чтобы подѣлиться слухами. Былъ еще одинъ знаменательный признакъ. Обыкновенно контръ-развѣдка осаждалась публикой. Сотни людей приходили за разнаго рода справками, съ ходатайствами, за полученіемъ разрѣшеній на свиданія въ тюрьмѣ и пр. Въ этотъ день почти никого. Замѣчалась необычайная пустота. Большинство слѣдователей сидѣло въ общей канцеляріи, такъ какъ нудно и тяжело было сидѣть у себя въ камерѣ

одному. Каждый нуждался въ общеніи съ другими, боясь пропустить что нибудь важное, и каждую минуту ожидая чрезвычайныхъ событій.

Около полдня мы получили приказаніе по всѣмъ своимъ дѣламъ, даже съ незаконченнымъ слѣдствіемъ, дать свое заключеніе и составить списки наиболѣе серіезныхъ представителей большевизма. Цѣль этого распоряженія была для насъ ясна. Надо было знать, кого нужно „ликвидировать“ въ послѣднюю минуту. Однако это распоряженіе какъ-бы подтвердило, что нужно еще работать и что времени достаточно. Мы неохотно разбрелись по камерамъ и начали разбирать свои кучи дѣлъ. Помню, какъ я серіозно задумался надъ порученной мнѣ работой. Я всегда добросовѣстно относился къ каждому дѣлу. Я считалъ себя не въ правѣ давать какое либо заключеніе, не исчерпавъ всего матеріала. Я понималъ, что на моей обязанности лежало только собрать по возможности полнѣе всѣ свѣдѣнія, разработать ихъ и освѣтить дѣятельность обвиняемаго со всѣхъ сторонъ. Но рѣшать дѣло, рѣшать участь человѣка, хотя бы и большевика, я не могъ. Я почувствовалъ, что я не могу написать фамилію человѣка, зная что этимъ я заношу его въ списокъ предназначенныхъ къ разстрѣлу безъ суда. Я разбиралъ дѣла, но зналъ, что мнѣ придется отказаться найти между ними смертниковъ.

Я находился въ глубокомъ раздумьѣ, когда въ мою камеру заглянулъ начальникъ. Этого раньше никогда не было, хотя моя камера была самая близкая къ его кабинету.

— Вы не знаете, — спросилъ онъ меня — всѣ ли слѣдователи у себя въ камерахъ?

— Большинство да, — отвѣчалъ я.

— Пожалуйста обойдите всѣ камеры и попро-

сите всѣхъ слѣдователей собраться въ канцелярію, только чтобъ не дѣлали шума.

Послѣдняя фраза заставила меня сразу понять, что все кончено.

Я спѣшно обошелъ всѣ камеры и поднялся наверхъ въ канцелярію. Скоро туда сошлись всѣ служащіе контръ-развѣдки, но ихъ уже было немного. Всѣ молчали въ ожиданіи. Начальникъ пришелъ одинъ, даже завѣдующихъ отдѣлами уже съ нимъ не было. Что-то ужасно жалкое было именно въ томъ, что въ такой моментъ мы были не вмѣстѣ и сознаніе этого, какъ будто невольно выразилось въ голосѣ Начальника, когда онъ, обведя всѣхъ грустнымъ взоромъ, спросилъ: „Это всѣ? Больше никого нѣтъ?!“

Да, это всѣ! Только нѣсколько человѣкъ остались въ контръ-развѣдкѣ до послѣдней минуты.

— Я долженъ вамъ сообщить непріятныя новости! — сказалъ онъ довольно спокойно. Сейчасъ мнѣ телефонировали изъ штаба, что надежды на спасеніе Одессы нѣтъ. Фронтъ отсутствуетъ. Комендантъ города не ручается за государственную стражу, которая вышла изъ его подчиненія. Сегодня ночью городъ будетъ уже во власти большевиковъ. Никакихъ гарантій нашей безопасности не имѣется уже сейчасъ. Парохода въ нашемъ распоряженіи не будетъ. Каждому предоставляется право спасаться, какъ онъ хочетъ!

Я помню, какъ мы всѣ спокойно выслушали это кошмарное заявленіе, какъ будто мы давно уже это знали. Только одинъ правитель канцеляріи вдругъ поблѣднѣлъ и зашатался.

— Что съ Вами М-ко? — спросилъ Начальникъ. Вѣдь если разстрѣляютъ, такъ ужъ меня въ первую голову, а вы видите. что я спокоенъ.

Не знаю конечно, было-ли это заявленіе Начальника достаточно успокоительно, но М-ко все же подтянулся.

Опять спасайся кто можетъ!

Я вышелъ изъ Контръ-развѣдки съ такой апатіей ко всему, что мнѣ рѣшительно ничего не хотѣлось предпринимать. Да и что? Опять скрываться, мучиться, жить новой надеждой, вѣрить снова въ возрожденіе Добровольческой Арміи, послѣ всего пережитого? Гдѣ-же найти эти силы, эту вѣру? Да и за кѣмъ идти? Опять одинъ, брошенный на произволъ судьбы, какъ ненужная вѣтошь! Нѣтъ, это уже конецъ, окончательный конецъ!

Всю ночь мы провели въ контръ-развѣдкѣ и жгли дѣла. Во дворѣ пылалъ большой костеръ. Охрана уже не пришла, и мы сами несли караулъ. Вокругъ костра стояли сложенныя винтовки. Изъ всѣхъ камеръ мы вытаскивали вороха дѣлъ, быстро разрѣшая ихъ въ пламени костра. По очереди мы ходили къ казначею получать жалованье. Было жутко въ мрачныхъ пустыхъ корридорахъ. Въ казначейской спѣшно упаковывали вещи и деньги контръ-развѣдки.

А на улицахъ уже шла пальба, и каждую минуту можно было ожидать нападенія на насъ. Насъ было слишкомъ мало, чтобы отстоять. Мы могли только не даромъ отдать свою жизнь. Это все, на что мы могли расчитывать.

Но ночь для насъ прошла благополучно. Въ городѣ шелъ грабежъ. Въ порту валялись трупы, которыхъ уже никто не убиралъ. Мы нагрузили имущество на повозки и подъ охраной провезли его въ портъ къ пароходу. Насъ долго нигдѣ не хотѣли принимать за отсутствіемъ мѣстъ, и только къ вечеру намъ удалось устроиться на разныхъ пароходахъ.

Мы отошли, когда большевики уже начали обстрѣливать портъ. Публика въ паникѣ бросалась на пароходы. Это была кошмарная картина, и у меня нѣтъ силы ее писать.

Одесса медленно стала удаляться и скрываться въ туманной дали. Я былъ спасенъ! Но можно-ли было чувствовать радость?! Не лучше ли было бы умереть, чтобы не видѣть ужаса, не чувствовать гибели Великой Россіи!

Сербія,
Іюуль 1922.

Изданіе
Всеславянскаго Книжнаго
Магазина
Бѣлградъ
1922